

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2015
№ 4**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2015
№ 4**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Владивосток ◆ Дальневосточный федеральный университет, 2015

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2015
№ 4**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:

Far Eastern Federal University

8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Vladivostok ◆ Far Eastern Federal University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям журнала	6
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Лян Хун-И.</i> Российско-китайское военное сотрудничество и безопасность в Восточной Азии.	9
<i>Морозов Н.А.</i> Террористическая угроза распространения «Исламского государства» в Азиатско-Тихоокеанском регионе.	22
ЭКОНОМИКА РЕГИОНА	
<i>Жариков Е.П., Денисов В.В.</i> Развитие внешнеэкономических связей Северо-Восточных провинций Китая с южными районами российского Дальнего Востока.	35
<i>Кравченко А.А., Сергеева О.О.</i> Продовольственная безопасность домохозяйств в России и Китае: сравнительный анализ	53
<i>Зеленков И.Д., Цвир Д.П.</i> Анализ динамики морских грузоперевозок на мировом рынке	68
ПРАВО	
<i>Попова Ю.Ю.</i> Конституционные основы организации судебной власти в странах Азиатско-Тихоокеанского региона	80
<i>Коробеев А.И., Аверьянова Ю.В.</i> Специальная конфискация имущества в уголовном праве России и Китая: компаративистское исследование	90
<i>Кучина Я.О.</i> Правовая система противодействия наркопреступности в Республике Сингапур	104
<i>Кутенков Ю.И.</i> Понятие персональных данных работника в российском трудовом праве	116
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Федотова Т.Л.</i> Пятый Дальневосточный региональный конкурс изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2015»	134
Сведения о членах редколлегии	140

CONTENTS

To the Readers	6
REGIONAL SECURITY ISSUES	
<i>Lien Hong-yi.</i> Security and Military Cooperation between Russia and China in East Asia	9
<i>Morozov Nikolai A.</i> The terrorist threat of "Islamic state" in the Asia-Pacific region	22
THE ECONOMY OF THE REGION	
<i>Zharikov Evgenie P., Denisov Vladimir V.</i> Development of foreign economic relations between the North-Eastern provinces of China and the southern regions of the Russian Far East	35
<i>Kravchenko Alla A., Sergeeva Olesya O.</i> Household food security in Russia and China: comparative analysis	53
<i>Zelenkov Ilya D., Tcvir Darya P.</i> Analysis of dynamics of marine cargo world market	68
LAW	
<i>Popova Yulia Yu.</i> Constitutional basis of the Judiciary in the Asia-Pacific Rim	80
<i>Korobeev Alexandr I., Averyanova Yulia V.</i> Special confiscation of property in criminal law of Russia and China: comparative research	90
<i>Kuchina Yaroslava O.</i> Legal system to prevent drug trafficking crimes in the Republic of Singapore	104
<i>Kutenkov Yuriy I.</i> Revisiting the concept of employee's personal data in the Russian labour law	116
SCIENTIFIC LIVE	
<i>Fedotova Tatiana L.</i> Fifth Far Eastern Regional Competition of Editions Published by Higher Education Institutions "University Book – 2015"	134
Editorial board's data	140

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому появление журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 стр. машинописного текста, включая список литературы (не более 20 источников);

- Ф.И.О. (полностью), ученую степень и ученое звание, должность, место работы – на русском и английском языках, e-mail для связи с читателями;

- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);

- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;

- Список литературы (на русском яз.) и References (на англ. яз.) – в конце статьи;

- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учеными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: arg-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "The Pacific Rim: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;

- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references (no more than 20 sources);
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words, keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, «According to [5], or the cited reference [5, p. 18]»;
- list of Literatours (in Russian languages) and References (in English languages) should be placed at the end of the article;
- margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

We hope that the journal the Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal's website:

apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

REGIONAL SECURITY ISSUES

УДК 327.57(470:510)

Хун-И Лян¹

Государственный Университет Чжэнчжи, Тайвань

E-mail: hylien@nccu.edu.tw

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Военное сотрудничество между Советским Союзом и Коммунистической партией Китая началось еще перед окончанием Второй мировой войны. В то время СССР передал Китаю оружие японской Квантунской армии и соответствующие технологии, обеспечив тем самым стремительный подъем в коммунистических вооруженных силах Китая и последующую победу над правительством Гоминьдана. После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. Мао Цзэдун, претворив в жизнь просоветскую одностороннюю политику, поддерживал непродолжительные дружественные отношения между Китаем и Советским Союзом до тех пор, пока со смертью Сталина и приходом к власти Никиты Хрущева в двусторонних отношениях не произошли кардинальные изменения. Советско-китайские связи, включая сотрудничество в военной сфере, стали постепенно улучшаться только с приходом к власти Михаила Горбачева. В период после Холодной войны главным образом по геополитическим соображениям, а также из-за стратегической блокады со стороны Соединенных Штатов Америки, вместе с экономическим подъемом Китая и восстановлением национальной мощи Российской Федерации стало возможным возобновить двустороннее военное сотрудничество в Восточной Азии.

---

¹ Хун-И Лян, доцент кафедры дипломатии Государственного Университета Чжэнчжи, Тайвань.

Для цитирования: Лян, Хун-И. Российско-китайское военное сотрудничество и безопасность в Восточной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 9–21.

Учитывая тесное развитие российско-китайских отношений в последние несколько лет, а также рост мощи Китая, двустороннее сотрудничество стало основной темой безопасности в Восточной Азии. Основная цель этой статьи – всесторонне рассмотреть российско-китайское военное сотрудничество в Восточной Азии за последние годы, а также влияние на безопасность в данном регионе и будущие тенденции его развития, вызванные двусторонним сотрудничеством.

Ключевые слова: российско-китайское военное сотрудничество, безопасность в Восточной Азии, партнерство стратегического взаимодействия, Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), антитерроризм.

Hong-yi Lien¹

National Chengchi University, Taipei

E-mail: hylie@nccu.edu.tw

SECURITY AND MILITARY COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN EAST ASIA

Abstract. Military cooperation between the Soviet Union and Chinese Communist Party (CCP) began in the end of World War II. Building People's Republic of China (PRC), Chinese Communist Party decided to implement the pro-Soviet policy, which almost lasted to the end of 1950s. Bilateral relations gradually improved between Russia and China when Mikhail Gorbachev came into power, and bilateral military cooperation also re-started at that time. Based on geopolitical considerations and the U.S. strategic blockade in East Asia, military cooperation between the two nations in the post-Cold War era becomes gradually possible by way of Chinese economic rising and Russian national power revival. As for Sino-Russian close relationship and Chinese rising, cooperation between two nations becomes one of the most important security issues in East Asia. The field of military cooperation, which is symbolized by bilateral between Russia and China or multilateral military exercises among nations of Shanghai Cooperation Organization (SCO), includes traditional and non-traditional security. This paper focuses on military cooperation between Russia and China from whole angles in the recent years in East Asia, including military mutual trust mechanism, arms purchase, and traditional and anti-terrorism military exercises, and high-

---

¹ Hong-yi Lien, Associate Professor, Department of Diplomacy, National Chengchi University, Taipei.

For citation: Lien, Hong-yi. Security and Military Cooperation between Russia and China in East Asia // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 9–21.

lights on effect in East Asian regional security and future trend of this military cooperation.

Keywords: Sino-Russian Military Cooperation, East Asian Security, Strategic Cooperative Partnership, Shanghai Cooperation Organization, Anti-terrorism.

1. Истоки и уровни российско-китайского военного сотрудничества в Восточной Азии

1.1. Истоки российско-китайского военного сотрудничества

Современные связи в военной сфере между Россией и Китаем восходят к сражению за Албазин в период правления императора Канси (Русско-цинский пограничный конфликт). Тогда Петр I стремился овладеть незамерзающими портами в Восточной Азии для создания обширной военной базы, однако царская армия потерпела поражение, после чего в 1689 г. обе стороны подписали Нерчинский договор – первый международный договор Китая [1, р. 108]. Конфликт стал отправной точкой для развития российско-китайского сотрудничества в военной сфере. В то время пока Цинская династия была очень слаба, Российская Империя, наоборот, проявляла агрессивные амбиции, захватывая северо-восточные и северо-западные земли.

В первые годы своего существования Китайская Республика по сути стала крестной матерью для Коммунистической партии Китая. Однако Россия оказывала помощь Китаю в свержении политической власти Гоминьдана, преследуя собственные государственные интересы. Поэтому в то время противостояние занимало больше места в развитии отношений между Россией и Китаем, военное сотрудничество стало развиваться только после возникновения КНР в 1949 г.

С исторической точки зрения, двустороннее военное сотрудничество будет испытываться временем, что же касается его мотивов, то они по-прежнему будут исходить из соображений стратегических интересов. Такого рода военное сотрудничество содержит много переменных – при изменении международной обстановки и ситуации в Восточной Азии военное сотрудничество между РФ и КНР уже не будет отвечать их интересам и может легко прекратиться.

1.2. Уровни российско-китайского военного сотрудничества после Холодной войны

1.2.1. Военные технологии и покупка вооружений при партнерских отношениях стратегического сотрудничества

На раннем этапе создания КПК КНР и СССР уже осуществляли непродолжительное сотрудничество в военной области, которое стимулировало

обе стороны двигаться дальше в этом направлении из-за напряженности в российско-американских отношениях во время Холодной войны. В 1950 г. был подписан «Советско-китайский договор о дружбе и союзе», что стало правовой основой для сотрудничества в военной сфере. В то время основной сферой сотрудничества было предоставление оружия, используемого в военных целях, и обмен военными технологиями. Например, КНР были переданы танки советского производства Т-54, артиллерия, а также боевые самолеты МиГ-19. Из-за того, что на тот период политическое и экономическое развитие Китая были достаточно нестабильны, отношения между двумя странами было трудно назвать сотрудничеством – тогда Китай больше всего нуждался в советских поставках вооружения и технологий, а СССР, в свою очередь, в геополитическом стратегическом отношении нуждался в таком союзнике, как Китай. После смерти Сталина и с приходом к власти Хрущева в советско-китайских отношениях произошел резкий перелом. Идеологическая борьба между двумя странами задала им новое направление в военном сотрудничестве.

В 1978 г. политика реформ и открытости Дэн Сяопина помогла странам больше не фокусироваться на идеологии, а заложить фундамент для нормализации отношений. С приходом к власти Горбачева и проведении политики «перестройки» Китай и Советский Союз полностью отказались от споров по поводу идеологии. В 1989 г. Горбачев впервые нанес официальный визит в КНР, что растопило лед в двусторонних отношениях. В следующем году обе стороны подписали договор о покупке военных самолетов. Советский Союз обещал предоставить Китаю 26 самолетов Су-27 [11]. 18 декабря 1992 г. Китай и Россия подписали меморандум о взаимопонимании между правительствами России и КНР по вопросам военно-технического сотрудничества, после чего Россия стала крупнейшим поставщиком оружия Китаю (по данным на 2000 г.) [8; 9]. В 1994 г. РФ и КНР подписали «Совместное заявление о взаимном ненацеливании стратегических ядерных ракет, находящихся под их соответствующим командованием», изначально направленное на одностороннюю прозападную политику. Однако, когда Евгений Примаков был назначен министром иностранных дел РФ, а российская сторона не получила ожидаемой финансовой помощи со стороны Запада, в ее внешней политике стал проявляться так называемый «двуглавый орел», начав уделять внимание как Западу, так и Востоку. Пересмотр внешней политики помог развитию военного сотрудничества между Россией и Китаем, углубив изначально поверхностное сотрудничество до проведения совместных военных учений и подготовки военных кадров.

После Холодной войны механизм сотрудничества в области военных технологий базировался на ежегодных встречах на уровне министров. В ноябре 1992 г. заместитель премьер-министра Александр Шохин провел конференцию с заместителем председателя военного совета ЦК КПК Лю

Хуацин. Обе стороны сосредоточили внимание на обсуждении вопросов военной промышленности и содействия развитию народной экономики. Эта встреча стала первой российско-китайской межправительственной конференцией Комитета по военно-техническому сотрудничеству. В 1996 г. РФ и КНР построили партнерские отношения стратегического сотрудничества, где главной составляющей стало сотрудничество в военных технологиях. В июле 2000 г. Путин прибыл с официальным визитом в Китай, где обе стороны подписали базовое соглашение о военном сотрудничестве, согласно которому военное сотрудничество было разделено на 2 этапа: с 2000 г. по 2005 г., с 2005 г. по 2015 г. Основные пункты военного сотрудничества включали разработку новейших воздушных судов и ракет, а также высокотехнологичного лазерного оружия, отправку китайской стороной 450 офицеров на обучение в Россию и проведение совместных военных учений [10].

Вместе с быстрым экономическим развитием Китая профессионалы из разных областей начали непрерывно возвращаться в Китай после окончания обучения за границей. Это новое поколение талантливых людей способствует подъему военных технологических стандартов, поэтому китайская сторона больше не опирается на военные технологии России. В этой связи двустороннее сотрудничество в области военных технологий «теряет краски». В последнее время китайские военные технологии достигли больших успехов в разработке морского и воздушного вооружения, один из главных примеров – китайская ракета-носитель для проведения сухопутных операций «Чанчжэн-9», разработанная в 2014 г. «Чанчжэн-5» и «Чанчжэн-7» планируют к запуску в 2015 г. Касательно военно-морской отрасли, в сентябре 2012 г. на воду был спущен авианосец «Ляонин», способный осуществлять удары по крупным патрульным судам. В настоящее время КНР осуществляет строительство авианосцев «001А» и «002А», которые впоследствии станут прототипом «Ляонина». Они будут усовершенствованы наличием паровой катапульты. В военно-воздушной отрасли планируются испытательные полеты истребителя Чэнду J-20. Он является достойным соперником американского истребителя F-22 с электронной системой управления огнем. Разработка и серийное производство российского истребителя Т-50 показали, что Чэнду J-20 превосходит его, а значит китайские технологии постепенно догоняют русские [4]. Таким образом, можно ожидать, что в будущем Россия уже не будет предоставлять военные технологии Китаю, однако тесное двустороннее сотрудничество в этой области способно стимулировать более высокий уровень научных исследований и развития в данной области.

1.2.2. Содержание и развитие механизма взаимного доверия в военной области между Россией и Китаем

Механизм взаимного доверия в военной области является производной от мер по укреплению доверия (МУД). Он используется в случае, когда между двумя сторонами наблюдается потенциальный военный конфликт.

Они пытаются снизить вероятность возникновения конфликта посредством военной информационной прозрачности. Реализация данных мер между Китаем и Россией началась с демаркации границы и вывода войск. В 1997 г. в Москве была организована конференция Шанхайской пятёрки, где обе стороны подписали «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы», а в следующем году Россия и Китай подписали «Протокол по пограничным обменам информацией», что стало основой механизма взаимного доверия в военной области. После создания данного механизма стороны приступили к решению проблемы по демаркации границы. Прежде всего они урегулировали территориальный вопрос на восточно-западной границе. Так, в декабре 1999 г. стороны подписали «Соглашения между РФ и КНР о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части» и «Соглашения между КНР и РФ о китайско-российской государственной границе на ее Западной части» соответственно. Оба протокола не только устанавливали линию границы, но и обязывали отвести от нее пограничные войска на 300 км [6, с. 89–90]. После официального создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) российско-китайские механизмы по укреплению доверия в военной сфере стали разнообразно развиваться. Переплетение многосторонних (ШОС) и двусторонних механизмов (встречи лидеров стран) позволили усовершенствовать механизм взаимного доверия в военной области.

1.2.3. Широкий круг антитеррористических и антисепаратистских военных учений в рамках ШОС

После создания ШОС в июне 2001 г., Россия и Китай под предлогом борьбы с терроризмом совместно со странами Центральной Азии боролись с тремя силами зла – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [7]. РФ и КНР, сотрудничая в рамках ШОС, постепенно превратили совместные военные маневры в регулярные военные учения. С 2002 г., за исключением 2008 г., военные учения начали проводиться каждый год, первыми из которых стали совместные китайско-кыргызские учения на границе этих стран. В 2004 г. в столице Узбекистана г. Ташкент был образован антитеррористический орган, который установил постоянный механизм проведения совместных военных учений [2]. Благодаря антитеррористическим военным учениям у стран появилась уверенность в том, что они способны обойтись и без посторонней помощи, например, США. Такие действия могут определить четкую грань между «другом» и «врагом» в регионе, сформировав в регионе идентификацию «свой – чужой», что поможет сблизить российско-китайские отношения.

Опираясь на данные, приведенные в табл. 1, следует отметить, что Россия и Китай начали проводить совместные учения в рамках ШОС только после 2002 г., однако после «Мирной миссии-2012» стороны перестали выступать в качестве стран-организаторов проведения антитеррористических военных учений.

Таблица 1

Совместные военные учения в рамках ШОС

№	Название	Период	Содержание
1	Учения-2001	10–11/10/2002	Совместные китайско-кыргызские военные учения пограничных войск и отрядов специального назначения, проведенные на гористой местности в области пересечения границ двух государств.
2	Учения-2003	6–12/08/2003	Участие в совместных учениях приняли 800 военнослужащих из России, Китая, Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана, включая особые подразделения последнего. Учения проводились в китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и в Казахстане.
3	Мирная миссия-2005	8–25/08/2005	Совместные военные учения, которые прошли во Владивостоке, на полуострове Шаньдун и в примыкающей к полуострову морской акватории. Участие приняли до 10 тыс. военнослужащих из РФ и около 8 тыс. китайских военных.
4	Взаимодействие-2006	21–23/09/2006	Учения проходили в г. Куляб Халтонской области Таджикистана, где приняли участие более 500 военнослужащих, включая: с китайской стороны – одну усиленную спецроту, а с таджикской стороны – одну спецроту, одну мотопехотную роту, один артиллерийский батальон и отдельную авиационную эскадрилью.
5	Мирная миссия-2007	9–17/08/2007	В учениях приняли участие страны ШОС: Кыргызстан, Китай (около 1600 военных), Россия, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан. Учения проводились в Челябинской области России и в китайском городе Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района.
6	Мирная миссия-2009	22–26/07/2009	Китайско-российские совместные антитеррористические военные учения. Они прошли в российском Хабаровске и на полигоне Таонань Шэньянского военного округа на северо-востоке Китая. Стороны направили для участия в них по 1300 человек.

Окончание табл. 1

№	Название	Период	Содержание
7	Мирная миссия-2010	9–25/09/2010	Совместные антитеррористические учения, которые прошли на полигоне Матыбулак Жамбылской области в Казахстане. В маневрах приняли участие более 5 тыс. военнослужащих из Китая, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана.
8	Тяньшань-2	5–8/05/2011	Совместные антитеррористические учения Китая, Кыргызстана и Таджикистана, проведенные в китайском Синьцзяне.
9	Мирная миссия-2012	8–14/06/2012	Совместные антитеррористические учения, которые прошли в таджикском городе Худжанд. В маневрах были задействованы около 2 тыс. военнослужащих из Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.
10	Казыгурт-антитеррор-2013	13/06/2013	В учениях, проводимых в южной части Казахстана, принимали участие Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. В качестве наблюдателей выступили Россия, Китай и Узбекистан.
11	Восток-Антитеррор-2014	27/03/2014	В Узбекистане прошли кыргызско-узбекские антитеррористические учения при участии 4 стран-наблюдателей: России, Китая, Казахстана и Таджикистана.

Тем не менее совместные военные учения между двумя сторонами не были прерваны. РФ и КНР запустили 20-дневные совместные антитеррористические учения «Мирная миссия-2013» с 27 июля по 15 августа 2013 г. Их можно разделить на три этапа: передислокация войск, планирование операций и ведение совместных боевых действий. Боевые операции проходили как на земле, так и в воздухе. Тесное сотрудничество во время проведения учений способствовало принятию совместных решений ведения боевых действий, объединенному командованию и обмену информацией [3]. В мае 2014 г. страны провели совместные военно-морские учения «Морское взаимодействие-2014», которые имели двусторонний характер. Это были самые крупные антитеррористические военные учения, как с точки зрения масштабов, так и по характеру. Во время учений страны также провели противолодочные тренировки и моделирование поведения подводных лодок нового типа при внезапной атаке на российские и китайские вооруженные силы. Российско-китайское стратегическое сотрудничество также

продемонстрировало высокие показатели при проведении противовоздушной обороны и ракетной атаки подводных лодок [12].

Опираясь на вышеизложенное, можно отметить, что проведенные совместные антитеррористические операции между Россией и Китаем стали своего рода пробным камнем в реализации военного сотрудничества. Во-первых, это помогло избежать опасения разных стран по поводу проведения подобных мероприятий, а во-вторых, способствовало сдерживанию постепенного американского стратегического влияния в Центральной Азии после теракта 11 сентября 2001 г. После того, как в сентябре 2011 г. США начали непрерывно выводить войска из Афганистана, Центральной Азии на время удалось избавиться от стратегического контроля американской армии. В этой связи Россия и Китай перестали выступать в качестве стран-организаторов проведения учений в рамках ШОС. Кроме того, тот год совпал по времени образования китайско-японского спора вокруг острова Дяоюйтай. Это способствовало смене ориентиров КНР и РФ на Восточную Азию. Проведенные российско-китайские военные учения в 2013 и 2014 гг. продемонстрировали не только углубление сотрудничества двух стран, но и дали собственный ответ совместным американо-японским учениям. Очевидно, что в настоящее время совместные учения между Россией и Китаем уже стали дополнением к многосторонним тенденциям развития.

2. Влияние российско-китайского военного сотрудничества на региональную безопасность в Восточной Азии (Заключение)

2.1. Традиционная безопасность

Традиционная безопасность является важным аспектом международной безопасности. Европейские исследования в области человеческой безопасности начали формироваться после окончания Холодной войны. До этого исследования в области международной безопасности были ограничены традиционной национальной безопасностью. У России и Китая были одинаковые точки зрения по отношению к международной безопасности. Несмотря на тот факт, что военное сотрудничество между двумя странами также началось в период после окончания Холодной войны, стороны считали традиционную безопасность одной из основных сфер для сотрудничества. В начале 90-х г. по причине экономического упадка Россия стала проводить курс сближения с Западом, из-за чего российско-китайские отношения в области традиционного сотрудничества не смогли развиваться должным образом. После подписания в 1992 г. Меморандума о военном и научно-техническом сотрудничестве стороны стали осуществлять контакты в области военных закупок и технических обменов. Возможность для углубления сотрудничества появилась после назначения на пост министра иностранных дел Евгения Примакова и проведения его внешней политики «двуглавого орла». В конечном итоге российско-китайское сотрудничество можно разделить на не-

сколько последовательных этапов: продажа вооружения и технический обмен, создание механизма взаимного доверия в военной области и проведение совместных военных учений в рамках ШОС. На этих стадиях обычное сотрудничество в области военных технологий переросло в официальный военный союз. Вместе со стремительным экономическим ростом Китая постепенно стали увеличиваться области для развития сотрудничества, которое в настоящее время уже нельзя недооценивать.

В последние годы Китай и Россия прямо или косвенно оказываются в зоне конфликтов. Так, китайская сторона столкнулась с провокациями со стороны Японии по поводу национализации острова Дяоюйтай. Открытое безразличие к националистическим движениям внутри страны, а также отправка патрульных судов в морскую зону острова в конечном итоге привели к вмешательству со стороны США. Япония всегда была важным союзником в системе безопасности Соединённых Штатов в Восточной Азии. При возникновении спора с китайской стороной США, конечно, поддержат в данном вопросе Японию и, кроме того, проведут совместные учения, чтобы помочь ей заполучить необходимое. Вмешательство России в движение за независимость в Крыму вызвало озабоченность со стороны Восточной Европы, а про-российские украинские силы в восточной Украине начали непрерывную борьбу с правительственными войсками страны. Россия нередко оказывает помощь войскам в восточной Украине. Поскольку в каждом из регионов соответственно и Россия, и Китай оказываются в зоне конфликтов, двустороннее военное сотрудничество, несомненно, сталкивается с попытками региональной гегемонии и изменения существующего положения в регионе. Поэтому ситуация в Восточной Азии может перерасти в противостояние Китая и России с Японией и США, что несет серьезную угрозу для поддержания мира и безопасности в регионе.

2.2. Нетрадиционная безопасность

После теракта 11 сентября 2001 г. страны всего мира начали придавать большое значение борьбе с терроризмом. Однако терроризм часто взаимосвязан с сепаратизмом и экстремизмом, и это можно заметить на примерах движения за независимость в китайском СУАР и Восточном Туркменистане. Сотрудничество между Россией и Китаем по большей части ориентировано на борьбу с тремя силами зла. Кроме того, начиная с конца 2002 г. стороны начали ежегодно проводить совместные антитеррористические военные учения, которые изначально являлись скрытыми традиционными сферами безопасности. Созданный в 2004 г. антитеррористический орган позволил этим учениям приобрести самостоятельность в рамках ШОС. После окончания военных действий и начала вывода американских войск из Афганистана в 2011 г. Центральная Азия отныне не являлась стратегической целью США, а антитеррористические учения в рамках ШОС стали для

четырёх стран этого региона основной отраслью взаимодействия. Каждый год страны проводят совместные военные маневры, но они не обязательно направлены на сдерживание сепаратизма и терроризма, а скорее для того, чтобы при производстве террористических атак приспособиться к изменившейся обстановке. Говоря об антитеррористических учениях РФ и КНР, стоит отметить, что они являются предлогом для создания прямого военного союза. Проанализировав совместные учения в 2013 и 2014 гг., можно сказать, что объектом являются отнюдь не террористы, ведь для этого нет необходимости проводить военные учения на море и в воздухе, тем более нет нужды осуществлять противолодочные тренировки. По этой причине российско-китайские совместные учения оказывают незначительное влияние на нетрадиционную безопасность в Восточной Азии. Терроризм – это лишь название.

Кроме того, Тайвань со своим стремлением к независимости является для Китая тем самым «сепаратистом». При ежегодных проведениях совместных российско-китайских военных учений США будут стараться усилить военное сотрудничество с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Тайванем, чтобы противостоять России и Китаю. В мае 2015 г. Сенат США принял закон, с 2016 г. отменяющий оборонные ограничения, который поддерживает участие Тайваня в совместных учениях в воздухе против «Красного флага». Они будут проводиться каждый год в штатах Аляска и Невада и станут самыми крупными воздушными учениями США и их союзников. Очевидно, что тем самым Соединенные Штаты начали постепенно привлекать Тайвань для вступления в военный союз в Восточноазиатском регионе. Таким образом, российско-китайские военные учения в Восточной Азии могут произвести обратный эффект для «сепаратистов», а действия США в Восточной Азии лишь усилят сепаратизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. China : Five Thousand Years of History and Civilization / The Editorial Committee of Chinese Civilization: A Source Book, City University of Hong Kong. – Hong Kong : City University of Hong Kong Press, 2007. – 832 p.
2. Counterterrorist Trainings [Электронный ресурс] // RATS. 2013. – Режим доступа: <http://ecrats.org/en/cooperation/anti-terror-training>.
3. Huang Rui. *Zhong E lianyan «daxi» jingcai zai hechu* [«Drama» in the Sini-Russian joint exercises: where's it's wonderful?]. 2013, August, 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/2013-08/18/c_116982493_2.htm. – Кит.
4. *Jian 20 he F22 jishu zhibiao duice: meijun kongzhong youshi hua wei wuyou* [F-20 and F22 Technical Comparison: American Air Supremacy Goes Up in Smoke]. 2011, January 23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mil.news.sina.com.cn/2011-01-23/1051629487.html>. – Кит.

5. Hu Guang-qu. *Zhongguo huo jiang liangxiang 12 zhong jianduan junshi keji: pinzhi zhibi meijun* [China is Up To Introduce 12 Kinds of Military Technology: Quality Almost Equal to the US]. 2014, January 22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://big5.huaxia.com/thjq/jswz/2014/01/3716040.html>. – Кит.
6. Li Cheng-hong. *Zhong E junshi jishu hezuo : Xianzhuang, wenti yu duice* [Sino-Russian Military and Technical Cooperation : Current Situation, Problems and Solutions]. [S.l.] : Eluosi yanjiu, 2009. – Кит.
7. SCO's Regional Anti-Terrorism Structure takes on internet threat [Электронный ресурс] // UZNEWS.NET. 2012, March 29. – Режим доступа: <http://www.uznews.net/en/world/19439-sco%E2%80%99s-regional-anti-terrorism-structure-takes-on-internet-threat>.
8. Yang Li-jie. *Zhong E gaoceng hufang yu huiwu* [Sino-Russian High-level Visits and Meetings] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content_642586.htm. – Кит.
9. Jyotsna Bakshi. *Russia-China Military-Technical Cooperation : Implications For India* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idsa-india.org/an-jul-100.html>.
10. Yu Xing-wei. *Xin shiqi zhong e junshi guanxi fazhan shulun* [The New Era of Sino-Russian Military Relations] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jds.cass.cn/UploadFiles/ztsjk/2010/11/201011050946591405.pdf>. – Кит.
11. *Zhongguo gou jin de SU-27 de bushu, shiyong zhuangkuang, zhuanrang shengchan deng* [Chinese purchase of SU-27 : Deployment, Usage, Transfer of Production]. 2003, January, 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omnitalk.com/miliarch/gb2b5.pl?msgno=messages/2400.html>. – Кит.
12. *Zhong E junyan duoqia «diji» jinru donghai shunjian bei zhijie jiluo* [Sino-Russian Military Exercises and «Enemy Plane» in the East China Sea : Instantly Shot Down]. 2014, May 25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mil.sohu.com/20140525/n400000268.shtml>. – Кит.

REFERENCES

1. *China: Five Thousand Years of History and Civilization*. The Editorial Committee of Chinese Civilization: A Source Book, City University of Hong Kong. Hong Kong: City University of Hong Kong Press, 2007. 832 p.
2. Counterterrorist Trainings. *RATS*, 2013. Available at: <http://ecrats.org/en/cooperation/anti-terror-training> (accessed 8 December 2015).
3. Huang Rui. «Drama» in the Sino-Russian joint exercises: where's it's wonderful? 2013, August 18. Available at: http://news.xinhuanet.com/2013-08/18/c_116982493_2.htm (accessed 8 December 2015). (In Chinese).
4. *F-20 and F22 Technical Comparison: American Air Supremacy Goes Up in Smoke*. 2011, January 23. Available at: <http://mil.news.sina.com.cn/2011-01-23/1051629487.html> (accessed 8 December 2015). (In Chinese).

5. Hu Guang-qu. *China is Up To Introduce 12 Kinds of Military Technology: Quality Almost Equal to the US*. 2014, January 22. Available at: <http://big5.huaxia.com/thjq/jswz/2014/01/3716040.html> (accessed 8 December 2015). (In Chinese).
6. Li Cheng-hong. *Sino-Russian Military and Technical Cooperation: Current Situation, Problems and Solutions*. [S.l.]: Eluosi yanjiu Publ., 2009. (In Chinese).
7. SCO's Regional Anti-Terrorism Structure takes on internet threat. *UZNEWS.NET*, 2012, March 29. Available at: <http://www.uznews.net/en/world/19439-sco%E2%80%99s-regional-anti-terrorism-structure-takes-on-internet-threat> (accessed 8 December 2015).
8. Yang Li-jie. *Sino-Russian High-level Visits and Meetings*. Available at: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2002-11/27/content_642586.htm (accessed 8 December 2015). (In Chinese).
9. Jyotsna Bakshi. *Russia-China Military-Technical Cooperation: Implications For India*. Available at: <http://www.idsa-india.org/an-jul-100.html> (accessed 8 December 2015).
10. Yu Xing-wei. *The New Era of Sino-Russian Military Relations*. Available at: <http://jds.cass.cn/UploadFiles/ztsjk/2010/11/201011050946591405.pdf> (accessed 8 December 2015). (In Chinese).
11. *Chinese purchase of SU-27: Deployment, Usage, Transfer of Production*. 2003, January 16. Available at: <http://www.omnitalk.com/miliarch/gb2b5.pl?msgno=messages/2400.html> (accessed 8 December 2015). (In Chinese).
12. *Sino-Russian Military Exercises and «Enemy Plane» in the East China Sea: Instantly Shot Down*. 2014, May 25. Available at: <http://mil.sohu.com/20140525/n400000268.shtml> (accessed 8 December 2015). (In Chinese).

УДК 329.297.323.285(5:265)

Н.А. Морозов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: CrimeLaw@rambler.ru

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ*

Аннотация. Правовое демократическое государство невозможно без гарантии базовых прав человека на жизнь и безопасность, без власти, отвечающей за правопорядок и призванной обеспечить возникающие конфликты и разногласия на основе принципа верховенства закона. Проблема организации терроризма является одной из наиболее актуальных проблем в современной правовой науке. «Исламское государство» (ИГИЛ) – новый вызов мировому сообществу, новая угроза безопасности, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ИГИЛ – вахабистская экстремистская организация, самопровозглашенное государство (халифат), действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака. В 2015 г. контролировало оккупированную территорию с населением около 10 млн человек в Ираке и Сирии, а также имеющая лояльных сторонников в районах Ливии, Нигерии, Афганистана. Кроме того, ИГИЛ расширяет свое присутствие в других регионах мира, включая Северную Африку, Южную и Восточную Азию – страны Азиатско-Тихоокеанского региона. ИГИЛ отличается использованием масс-медиа, размещением в интернете видео о казнях солдат, гражданских лиц, журналистов и социальных работников, известно разрушением объектов культурного наследия. Мусульманские лидеры во всем мире осудили идеологию и действия ИГИЛ, утверждая, что организация отклонилась от пути истинного ислама и что её действия не отражают истинные учения или добродетели религии. Принятие ИГИЛ идеи халифата было подвергнуто критике со стороны Организации Объединенных Наций,

---

¹ Николай Александрович Морозов, кандидат юридических наук, научный сотрудник Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Морозов, Н.А. Террористическая угроза распространения «Исламского государства» в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 22–34.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Государственное задание на выполнение НИР 29.763.2014/К.

НАТО, большинства правительств и организаций. Учитывая, что перед Россией поставлена стратегическая задача усилить участие в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, особый интерес представляет опыт борьбы с терроризмом отдельных государств этого региона.

Ключевые слова: терроризм, теракт, безопасность, Исламское государство, Азиатско-Тихоокеанский регион, международная преступность, общепризнанные принципы и нормы международного права.

Nikolay A. Morozov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: CrimeLaw@rambler.ru

THE TERRORIST THREAT OF "ISLAMIC STATE" IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. A truly democratic state is impossible without a guarantee of basic human rights to life and security, without the authority, responsible for law and order and able to resolve emerging conflicts and differences through the rule of law. The problem of organization of terrorism is one of the most relevant in the modern legal science. Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) – a new threat to the world community, a new threat to security in the Asia-Pacific region. ISIL is a Wahhabi extremist militant group and self-proclaimed Islamic state (caliphate), which is led by and mainly composed from Iraq and Syria. As of March 2015, it has control over the territory occupied by 10 million people in Iraq and Syria, and through loyal local groups, has control over small areas of Libya, Nigeria and Afghanistan. The group also operates or has affiliates in other parts of the world, including North Africa and South and East Asia – Asia-Pacific Rim. ISIL is adept at social media, posting Internet videos of beheadings of soldiers, civilians, journalists and aid workers, and is known for its destruction of cultural heritage sites. Muslim leaders around the world have condemned ISIL's ideology and actions, arguing that the group has strayed overwhelmingly from the path of true Islam and that its actions do not reflect the religion's true

---

¹ Nikolay A. Morozov, PhD, researcher, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Morozov, N. A. The terrorist threat of "Islamic state" in the Asia-Pacific // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 22–34.

teachings or virtues. The group's adoption and idea of a caliphate have been widely criticized, with the United Nations, NATO, various governments, and mainstream Muslim groups rejecting. Since Russia has set a strategic goal to strengthen its participation in integration processes in the Asia-Pacific Rim to promote the accelerated socio-economic development of Siberia and the Far East of the Russian Federation, the experience of fighting against terrorism in different states in the region is of particular interest to researchers.

Key words: Terrorism, Act of Terrorism, Security, Asia-Pacific Rim, International Crime, Islamic State (ISIL), Generally Recognized Principles and Norms of International Law.

Традиционно под террором подразумевались действия против отдельных личностей или групп, однако в последние годы наблюдается терроризм против целых народов, государств, осуществляемый хорошо организованными и технически оснащенными корпорациями международного масштаба. Благодаря новым технологическим разработкам терроризм способен создавать «асимметричную угрозу», создавая разрыв между развитыми государствами и уступающим им по силе противником. В начале XXI века террористы осуществили в среднем около 10 тысяч вылазок в мире в год. Очагом напряженности с наибольшим количеством терактов (кроме пылающего последние годы Ближнего Востока) является АТР, где стабильно фиксируется наибольшее количество жертв, причем проблемы безопасности этого региона глобальны – в нем проживает более половины населения земного шара [1].

До начала 90-х гг. политика региона находилась в орбите глобального противостояния между СССР и США, а также политики Китая, и многие процессы, происходившие в регионе, являлись реакцией на противоборство сверхдержав. Однако развал СССР и смягчение режима в КНР резко изменили ситуацию. Так, зарождению исламского терроризма в Юго-Восточной Азии способствовали американские спецслужбы, готовившие боевиков для борьбы с советскими войсками в Афганистане. Сейчас эхо афганской войны звучит по всей Юго-Восточной Азии, где десятки лет действует тесно связанная с «Аль-Каидой» региональная террористическая организация «Джемаа исламия», в ряды которой влилось немало бывших пешаварских курсантов [2]. Активность террористических групп в Азии происходит на фоне и при взаимодействии с традиционным для этого региона мира морским пиратством. Но главными источниками угроз в Азии стали национальный сепаратизм, экстремизм и международный терроризм, представляющие собой угрозу конституционному строю и территориальной целостности государств [3].

Усиление и ускорение процессов глобализации в XXI веке привели к реакции традиционных обществ [4]. В частности, это привело к росту исламского фундаментализма и терроризма, для которого современный Азиатско-Тихоокеанский регион стал благоприятной почвой. В регионе проживает 700 млн мусульман, и атаки «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. задумывались, в том числе, и для вовлечения мусульманского населения региона во вселенский джихад путем дестабилизации обстановки в регионе и свержения светских режимов. Уже сейчас в регионе просматриваются свидетельства результативности замысла. Резко обострилась ситуация на Филиппинах (куда были дополнительно направлены 1200 американских военнослужащих), в Индонезии (Молуккские острова), некоторых провинциях Малайзии.

Последним ярким проявлением этих тенденций стала активизация в АТР «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), особенно в странах, исповедующих ислам. «Исламское государство», сформированное еще в 2006 г., на данный момент является квазигосударством, мощной вооруженной шариатской террористической организацией. Ее цель состоит в ликвидации границ, которые создали «западные» государства во времена раздела Османской империи, через создание исламского суннитского государства. В перспективе Исламское государство должно объединить весь исламский мир [5]. Идеологически ИГИЛ противоречив, но в то же время своей деятельностью позиционирует себя, в большей степени, в качестве арабского национализма и фундаментализма [6].

Летом 2014 г. ИГИЛ провозгласило халифат на захваченных им территориях. Точной информации о количестве боевиков организации нет, оно оценивается в 100–200 тысяч. По оценкам Минобороны России, озвученным на третьем совещании министров обороны стран АСЕАН 2015 г., на стороне ИГИЛ воюют 25–30 тысяч иностранных террористов-боевиков, в том числе из государств АТР и, к сожалению, из России. Причем, если они вернуться домой, неся с собой потенциал насилия и экстремизма, то будут пропагандировать радикальные идеи в наших странах или станут организаторами диверсий. Позиция России в том, что одной из ключевых совместных задач стран АСЕАН должно стать предотвращение подобного развития событий.

Такое образование самим своим появлением представляет угрозу для всего цивилизованного мира. Число боевиков ИГИЛ к выходу на международную арену состояло их двух групп. Первая – это сирийские и иракские военнослужащие, то есть профессиональные убийцы. Вторая – это иностранные наемники или добровольцы, которых вербуют из самых разных районов мира. Причем все больший интерес к данной группировке проявляют выходцы из Юго-Восточной Азии. Приблизительно одна десятая боевиков ИГИЛ состоит из представителей таких стран, как: Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины [7]. При этом местные радикалы этих исла-

минимизированных стран Азиатско-Тихоокеанского региона создают собственные террористические сети, с явной симпатией к идее глобального джихада, воспроизведенной сторонниками ИГИЛ.

Подобный опыт уже был в истории – это Аль-Каида. Однако ИГИЛ – качественно новое явление, в отличие от предыдущей организации. Залог успеха данного течения кроется в умелых навыках общения с массами посредством медиа среды, сильного лидера, военного опыта части группировки и упования на основные социальные ценности по построению справедливого государства [8]. Такими идеями привлекается в первую очередь активная молодежь. А наличие в Азиатско-Тихоокеанском регионе большого числа стран, где число мусульман сравнительно больше, нежели в других неисламских районах, вызывает большое опасение касательно будущих границ, на которые обратит свой взор ИГИЛ.

Именно АТР представляет собой потенциальный очаг зарождения проигиловского движения. Например, население Индонезии на 87 % состоит из мусульман, среди них самое большое число в мире мужчин в возрасте до 30 лет [9]. Итого это порядка 220 млн человек. В Малайзии более половины всех граждан исповедуют ислам, это более 16 млн; в Таиланде 5,5 млн; значительная часть населения Филиппин и Сингапура; в Индии порядка 140 млн человек могут «заразиться» идеей всемирного халифата, аналогичная цифра и в Бангладеш, где 88,5 % мусульман. А участие представителей этих государств в военных действиях в Ближневосточном регионе создает опасение, что после их возвращения они, вдохновившись идеологией ИГИЛ, продолжают строить исламский халифат уже на территории своих стран.

Под прицелом ИГИЛ оказались и неисламские государства АТР, такие как Китай, Корея, Япония, Россия. Китай уже сейчас испытывает давление со стороны исламистов. Как известно, в территорию КНР входит Синьцзян-Уйгурский автономный округ, население которого по большей части исповедует ислам. Китайское же руководство ведет жесткую политику в отношении радикально настроенных мусульман. Уйгуры имеют политические, экономические и социальные претензии к правительству КНР. Лидер организации ИГИЛ уже заявил о том, что территория Восточного Туркестана в будущем должна войти в состав халифата [10]. Исламское движение Восточного Туркестана является уйгурским незаконным вооружённым формированием, целью которого является создание независимого исламского (шариатского) государства в Восточном Туркестане и обращение китайского народа в ислам. Оно уже взяло на себя ответственность более чем за 200 терактов, в результате которых погибли не менее 162 человека.

Правительства стран АТР обеспокоены и общественным резонансом, вызванным многочисленными преступлениями ИГИЛ против своих граждан за рубежом. Так, японские власти до сих пор не знают дальнейшую судьбу двух сограждан, захваченных на Ближнем Востоке в 2014 г.

А 10 сентября 2015 г. через свой англоязычный пропагандистский журнал Dabiq ИГИЛ выставило «на продажу» пленных, в том числе гражданина Китая Фан Чиньху.

В Канаде преступник убил солдата почетного караула и вторгся в Парламент, устроив перестрелку. Хотя нападавший и отрицает свою принадлежность к ИГИЛ, это лишь подтверждает, что идеология этой организации очень заразительна и представляет реальную опасность.

Известно, что вербовке все чаще подвергается и российская молодежь. Так, в октябре 2015 г. Управление ФСБ России по Сахалинской области сообщило, что выявило факт убытия жителя региона за границу для того, чтобы вступить в ряды боевиков ИГИЛ, в связи чем возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ («Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»). В феврале 2015 г. ГУ МВД России по Новосибирской области выявило факт вербовки в одном из вузов города. Вербовкой занимался студент из Казахстана, который проучился в столице Сибирского федерального округа полтора года.

Таким образом, угроза дестабилизации обстановки в АТР посредством идей по построению глобального халифата, продуцируемых террористической исламистской организацией ИГИЛ, возможна по двум направлениям. Первое – через расшатывание религиозно-политического и социального состояния неисламских государств региона (Россия, Китай, Япония, Корея, Канада). Второе – через рекрутирование своих сторонников среди стран происламистского толка, расположенных в АТР (прежде всего, Филиппины, Малайзия, Индонезия, Бангладеш). А качественное состояние организации ИГИЛ переводит эту угрозу в разряд наиболее острых военно-политических вызовов, стоящих перед Азиатско-Тихоокеанским регионом на данный момент [11].

Объектом распространения угрозы радикального религиозного экстремизма являются и самые благополучные и безопасные страны АТР. Рассмотрим эту опасность на примере Японии, в которой при последовательном послевоенном курсе на создание стабильного гражданского общества сохранились традиционные экстремистские организации, как правые, так и левые. По данным Главного полицейского управления, к XXI веку было около 800 ультраправых организаций с общей численностью 120 тыс. человек. Примером левого экстремизма в Японии стала террористическая деятельность японской Красной Армии (Nihon Sekigun), имевшей тесные взаимоотношения с палестинскими экстремистами, а также с режимом Северной Кореи. Ее цель заключалась в «создании революционной армии народов Африки, Латинской Америки, Вьетнама, Кореи, Японии» и осуществлении мировой революции. Известны и трагичные последствия преступной деятельности фанатиков из конфессии «Аум Синрике», запомнившейся в 1995 г. «зариновой атакой» в токийском метро и ставшей единственной

террористической организацией, применившей оружие массового уничтожения против своих соотечественников. Популярность секты среди молодежи говорит о том, что даже в благополучной Японии молодежь чувствовала себя отчужденной от общества: большинство не хотело следовать строгим правилам и отвергало идею работы ради экономического благополучия, которая привлекала их родителей, воспитанных в суровое послевоенное время. «Аум Синрикё» предлагала им альтернативный вариант развития через популярные в то время идеи религиозного просветления, это и сделало ее столь популярной среди молодежи. Можно выявить причины роста экстремизма в Японии: социально-психологическая нестабильность японского общества в 80-е гг., вызванная потерей этнокультурной идентичности (последствия американской вестернизации общественной жизни); популярность в японском обществе «новых религий»; феномен «синдзинруй» – «новые люди» (поколение детей родителей, переживших оккупацию); увлечение японцев апокалиптическими идеями; эффективное пиар-сопровождение деятельности.

В рамках анализа возможности распространения ИГИЛ в АТР целесообразно рассмотреть пример многолетней деятельности радикальной исламской группировки «Джемаа Исламия» («Исламская группа»), целью которой также является создание единого многонационального панисламского государства (халифата) в АТР (Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Бруней, Филиппины). Основание организации «Джемаа Исламия» в 1969 г. восходит к деятельности мусульманских активистов, которые создали пиратскую радиостанцию, на волнах которой звучали призывы о возвращении к истокам ислама [12]. Первые вооруженные восстания членов организации «Джемаа Исламия» относятся к середине 80-х годов XX в., они были направлены против внутренней политики президента Индонезии Сухарто. Для налаживания военного вооружения члены «Джемаа Исламия» прошли обучение в Афганистане через центр в Пешаваре, возглавляемом Абдулой Аззамом, которого Усама бен Ладен назначил главным идеологом Аль-Каиды. Особое внимание уделялось аргументации вооруженной борьбы с теми мусульманами, которые уклоняются от «чистого ислама» или же отказываются следовать законам шариата. Среди индонезийцев всячески подогревалось рвение к превращению их страны в шариатское государство [13]. В 1996 году лидер группировки Абдулла Сунгарк письменно оформляет структуру организации в книге «Стратегическая линия борьбы «Джемаа Исламия» [14]. Сфера деятельности организации распространена на четыре округа: Сингапур и Малайзия (для поиска средств финансирования), Индонезия (для ведения газавата), Минданао, Сабах и Сулавеси (для подготовки боевиков), Австралия и Папуа (для финансовых операций). Примеры атак «Джемаа Исламия»: в 1995 г. серия обстрелов одиннадцати американских авиалайнеров; в 2000 г. волна взрывов в Индонезии; в 2002 г. взрыв в ночном клубе на о. Ба-

ли (убиты 202 человека, большинство иностранные туристы); в 2004 г. взрыв автомобиля у посольства Австралии в Джакарте; в 2009 г. взрыв бомбы в гостиницах Ritz-Carlton и JW Marriott в Джакарте. Эксперты отмечают, что группировка имеет активные филиалы по всему АТР, в том числе в Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Камбодже, Таиланде и на Филиппинах.

Безусловно, «Джемаа Исламия» для стран Азиатско-Тихоокеанского региона представляет серьезную опасность. Но религиозное разнообразие мусульман АТР пока препятствует проявлению фундаментализма повсеместно, «в отличие от арабского мира, где радикализм и, как его продолжение, терроризм происходят из недр фундаментализма, в Юго-Восточной Азии терроризм привнесен в религию в основном извне и преследует чаще всего чисто прагматические цели, главной из которых является достижение власти» [15].

Следует отметить, что страны АТР остро отреагировали на вызов международного терроризма, непосредственно затронувшего Индонезию, Малайзию, Сингапур, Филиппины. На совещании в Брунее в ноябре 2001 г. была принята Декларация о единых движениях по противодействию терроризму. В ней выражается решимость активизировать единые и отдельные напряжения по предотвращению, воздействию и пресечению работы террористических группок. Специальное министерское совещание в Куала-Лумпуре утвердило «рабочий план», предусматривающий наращивание взаимодействия между правоохранительными органами «десятки».

Однако международное сообщество оказалось не готовым к такому качественно новому вызову, как ИГИЛ. Так, известно, что правовые основы современной миграционной политики Европейского Союза сформированы до появления такой угрозы, как ИГИЛ (с принятием «Декларации о борьбе с терроризмом» 2004 г.) [16], потому не могут адекватно противостоять новым вызовам. Подробные стратегии действий были прописаны в «Контртеррористической стратегии» Евросоюза 2005 г. [17], где внимание было уделено обеспечению пограничной безопасности и системе «виза», созданной в 2011 г. Однако появление с 2014 г. массовых беженцев фактически сводит на нет возможность тотального визового контроля. Такие новшества, как биометрия, цифровые фото и отпечатки пальцев позволили создать обширную базу данных с информацией только о лицах, получающих визу. Данная система не способна отслеживать потоки граждан и мигрантов из Европы в террористически горячие точки, преследующих цели пройти обучение, ввязаться в конфликт и после этого вернуться обратно на территорию Европейского Союза. Внимание ЕС обращено теперь и на второй «фронт» борьбы против международного терроризма, которым стала Юго-Восточная Азия, что определяется как количеством терактов, совершенных здесь в последние годы, так и характером действующих в регионе террористических организаций, а также негативными перспективами развития ситуации.

При рассмотрении методов борьбы с терроризмом в АТР отметим, что Китай, Япония и Республика Корея не останавливаются на борьбе с международным терроризмом только на втором «фронте», а напротив, выносят ее на мировой уровень.

Так, министр иностранных дел Китая Лю Цзяньчао отметил, что китайское правительство выступает против терроризма в любой форме и намерено укрепить сотрудничество с международным сообществом для нанесения ударов по терроризму. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. (ст. 20) предусматривает обязательства сторон по борьбе с терроризмом. Это является и приоритетной целью Шанхайской организации сотрудничества. В рамках этого взаимодействия Россия и Китай проводят совместные учения, такие как «Мирная Миссия», по противодействию террористической угрозе.

Япония, в свою очередь, в вопросах борьбы с международным терроризмом в АТР главным образом сотрудничает с США и Австралией, о чем представители государств договорились на трехсторонней встрече на полях саммита G20. Однако пацифистский характер конституции Японии не позволяет ей вносить военный вклад в разрешение обострившейся в последнее время ситуации с террористической организацией ИГИЛ, поэтому поддержка правительства Ирака Японией будет осуществляться путем расширения гуманитарной помощи государству, что является типичным методом борьбы с терроризмом для Японии. Республика Корея так же, как и Япония, готова поддержать США в борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке только мирными способами, а именно путем оказания гуманитарной помощи жертвам боевиков.

В отличие от стран арабского мира, где не ведется идеологическая борьба с исламским радикализмом, в странах АТР против исламского фундаментализма выступают на разных уровнях, от общеобразовательных учреждений и общественных организаций до политических партий и административного аппарата. Например, такие исламские общественные организации, как Нахдатул Улама, Мухаммадиа. Известные исламские богословы открыто выступают против радикальных исламских группировок.

Для стран Юго-Восточной Азии основным инструментом борьбы с международным терроризмом являются механизмы АСЕАН, такие как Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), где вопросы, связанные с терроризмом, стали приоритетными после трагических событий 11 сентября 2001 г. Попытки решения данной проблемы распространились и на подписание целого ряда документов, в том числе «Декларация по финансовым мерам противодействия терроризму» 2002 г., «Заявление о контртеррористическом сотрудничестве в области безопасности границ» 2003 г. Более того, были подписаны документы о сотрудничестве в области безопасности и борьбы с терроризмом с Китаем, Индией, Россией и США,

а по инициативе Индонезии, Малайзии и Филиппин в г. Куала-Лумпуре (Малайзия) был создан Региональный антитеррористический центр. В 2005 г. принято Заявление АРФ по вопросам обмена разведывательной информацией, а также усиления защиты документов, удостоверяющих личность, с целью повышения эффективности антитеррористической деятельности спецслужб.

На шестом Сяншаньском форуме по безопасности стран АТР замминистра обороны России А. Антонов заявил: «Мы выступаем за создание в АТР надежной, транспарентной и открытой системы безопасности. Предлагаем строить ее на внеблоковых началах, с опорой на верховенство международного права, принципы неделимости безопасности, мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой. Особая роль в архитектуре безопасности в АТР могла бы принадлежать механизму Совещаний министров обороны стран АСЕАН («СМОА-плюс») и диалоговых партнеров» [2]. Также на Совещании министров обороны государств-членов ШОС в июне 2015 г. в Санкт-Петербурге принято решение о проработке российской инициативы о создании института национальных военных советников при ШОС.

В рамках развития сотрудничества в области безопасности в АТР в 2015 г. успешно прошли российско-китайские учения «Морское взаимодействие-2015». В 2016 г. в Южно-Китайском море планируется провести учения по морской безопасности в рамках организации Совещаний министров обороны стран АСЕАН («СМОА-плюс») при участии ВМФ России. В 2016 г. также планируется завершение подготовки соглашений в области глобальной безопасности России с Малайзией, Сингапуром, Брунеем, Индонезией, Мьянмой, Республикой Корея, Таиландом и Филиппинами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Количество терактов в мире за год уменьшилось на 6%, утверждают американские власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/06aug2010/terract.html>.

2. Клименко, Л. Ф. Проблемы безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и их обеспечение в XXI веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://backup.flot.com/publications/books/shelf/safety/6.htm>.

3. Пластун, В. Н. Интеграции в Центральной Азии и влияние внешних сил // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы : материалы междунар. конф., Худжанд, 26–28 июня 2007 г. – Бишкек : Издательский дом «Printhouse», 2007. – С. 58–69.

4. Барковский, А. И. Ислам и перемены в теоретическом обосновании стратегии модернизации арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки // *Духовные традиции народов*. – 2012. – № 2. – С. 108–117.
5. Террористическая организация «Исламское государство» [Электронный ресурс] // ТАСС – Информационное агентство России. – 2014. – 17 ноября. – Режим доступа: <http://itar-tass.com/info/1264570>.
6. Beware the Siren Song of ISIS [Электронный ресурс] // *The National Interest*. 13.11.2014. – Режим доступа: <http://nationalinterest.org/feature/beware-the-siren-song-isis-11665?page=show>.
7. «Исламское государство» угрожает Азии с двух сторон [Электронный ресурс] // *Коммерсант.ru*. – 2014. – 3 октября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2580719>.
8. Большевики агрессивного ислама [Электронный ресурс] // *Известия*. – 2014. – 11 сентября. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/576577>.
9. The Islamic State Comes to Indonesia [Электронный ресурс] // *FP- Foreign Policy*. 17.09.2014. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/09/17/the_islamic_state_indonesia_jihad_recruiting_radicalism.
10. У «Аль-Каиды» и ИГИЛ появились вопросы к Китаю. Пахнет Джихадом [Электронный ресурс] // *Medialeaks*. – 2014. – 22 октября. – Режим доступа: http://medialeaks.ru/news/china_enemy/.
11. Холодкова, Н. В. «Исламское государство» как угроза безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Электронный ресурс] // *Угроза безопасности в АТР: пути и перспективы решения : материалы междунар. науч.-практ. конф., 11–12 декабря 2014 г. – Владивосток, 2014. – С. 84. – Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-naucno-issledovatelskoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs>.*
12. Key attacks in Indonesia, history of Jemaah Islamiyah // *Asiaone news*. 17.02.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.asiaone.com/News/Latest+News/Asia/Story/A1Story20090717-155372.html>.
13. Колотилина, А. А. Религиозный экстремизм : анализ деятельности исламской радикальной ассоциации «Джемаа исламия» в странах АТР [Электронный ресурс] // *Угроза безопасности в АТР: пути и перспективы решения : материалы междунар. науч.-практ. конф., 11–12 декабря 2014 г. – Владивосток, 2014. – С. 26–27. – Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-naucno-issledovatelskoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs>.*
14. Гусев, М. Н. Джемаа Исламия – собрат Аль-Каиды в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/03-11-03.htm>.
15. Declaration on Combating Terrorism (7906/04) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/DECL-25.3.pdf>.

16. EU Counter-Terrorism Strategy (144469/3/05 REV 4) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%205771%202006%20REV%201>.

17. Report on EU Action Plan on combating terrorism (9.11.2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2017594%202011%20REV%201>.

REFERENCES

1. *The number of terrorist attacks in the world decreased by 6%, according to U.S. authorities.* Available at: <http://www.newsru.com/world/06aug2010/terract.html> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

2. Klimenko L.F. *Problems of security and stability in the Asia-Pacific region and their security in the twenty-first century.* Available at: <http://backup.flot.com/publications/books/shelf/safety/6.htm> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

3. Plastun V.N. Integration in Central Asia and the influence of external forces. *Proekty sotrudnichestva i integratsii dlya Tsentral'noi Azii: sravnitel'nyi analiz, vozmozhnosti i perspektivy: materialy mezhdunar. konf., Khudzhand, 26–28 iyunya 2007 g.* [The Projects of cooperation and integration for Central Asia: comparative analysis, possibilities and prospects: materials of the Intern. Conf. Khujand, June 26–28, 2007]. Bishkek: Publishing house «Printhouse», 2007, pp. 58–69. (In Russian).

4. Barkovskii A.I. Islam and change in the theoretical justification of the strategy of modernization of the Arab countries of the Middle East and North Africa. *Dukhovnye traditsii narodov*, 2012, no. 2, pp. 108–117. (In Russian).

5. Terrorist organization «Islamic state». *TASS–Informatsionnoe agentstvo Rossii*. Noveber 17, 2014. Available at: <http://itar-tass.com/info/1264570> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

6. Beware the Siren Song of ISIS. *The National Interest*. November 13, 2014. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/beware-the-siren-song-isis-11665?page=show> (accessed 2 December 2015).

7. «Islamic state» threatens Asia's two sides. *Kommersant.ru*. October 3, 2014. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2580719> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

8. The Bolsheviks of aggressive Islam. *Izvestiya*. September 11, 2014. Available at: <http://izvestia.ru/news/576577> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

9. The Islamic State Comes to Indonesia. *FP-Foreign Policy*. September 17, 2014. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/09/17/the_islamic_state_indonesia_jihad_recruiting_radicalism (accessed 2 December 2015).

10. The al-Qaida and ISIL have questions to China. Smells Like Jihad. *Medialeaks*. October 22, 2014. Available at: http://medialeaks.ru/news/china_enemy/ (accessed 2 December 2015). (In Russian).

11. Kholodkova N.V. «Islamic state» as a threat to security in the Asia-Pacific region. *Ugroza bezopasnosti v ATR: puti i perspektivy resheniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 11–12 dekabrya 2014 g.* [The Threat to security in the Asia Pacific region: ways and prospects for settlement: proceedings of the international. scientific.-practical. Conf. 11–12 December 2014]. Vladivostok, 2014, p. 84. Available at: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-naucno-issledovatel'skoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

12. Key attacks in Indonesia, history of Jemaah Islamiyah. *Asiaone news*. February 17, 2009. Available at: <http://news.asiaone.com/News/Latest+News/Asia/Story/A1Story20090717-155372.html> (accessed 2 December 2015).

13. Kolotilina A.A. Religious extremism: analysis of the activities of radical Islamic Association «Gemaah Islam» in Asia Pacific. *Ugroza bezopasnosti v ATR: puti i perspektivi reshenia: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 11–12 dekabrya 2014 g.* [The Threat to security in the Asia Pacific region: ways and prospects for settlement: proceedings of the international. scientific.-practical. Conf. 11–12 December 2014]. Vladivostok, 2014, pp. 26–27. Available at: <http://www.dvfu.ru/web/otdel-organizacii-naucno-issledovatel'skoj-raboty-studentov/publikacii-oonirs> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

14. Gusev M.N. *Jemaah Islamiyah - a fellow al-Qaeda in Southeast Asia*. Available at: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/03-11-03.htm> (accessed 2 December 2015). (In Russian).

15. Declaration on Combating Terrorism (7906/04). Available at: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/DECL-25.3.pdf> (accessed 2 December 2015).

16. EU Counter-Terrorism Strategy (144469/3/05 REV 4). Available at: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%205771%202006%20REV%201> (accessed 2 December 2015).

17. Report on EU Action Plan on combating terrorism (9 December 2011). Available at: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2017594%202011%20REV%201> (accessed 2 December 2015).

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

THE ECONOMY OF THE REGION

УДК 339.92(510-18-35:571.6-13-37)

Е.П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

В.В. Денисов²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: kmm@dvfu.ru

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ КИТАЯ С ЮЖНЫМИ РАЙОНАМИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Обособленность экономики российского Дальнего Востока (РДВ) от центральных районов сдерживала экономическое развитие этого региона. В настоящее время в Северо-Восточной Азии (СВА) лидером экономического развития стал Китай. Трансграничное положение южных районов РДВ по отношению к Китаю открывает потенциальные возможности их эффективного взаимодействия во внешнеэкономической сфере. Для южных районов РДВ удобными объектами взаимодействия являются Северо-Восточные провинции (СВП) Китая. Таких провинций три: Хэйлунцзян, Цзилинь (Гирин) и Ляонин, из которых первые две имеют общую границу с

---

¹ Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Владимир Венгерьевич Денисов, кандидат социологических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков, Е.П., Денисов, В.В. Развитие внешнеэкономических связей Северо-Восточных провинций Китая с южными районами российского Дальнего Востока // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 35–52.

Россией. Сравнение абсолютных показателей развития СВП Китая и южных районов РДВ на фоне общих экономических успехов КНР явно не в пользу дальневосточного региона России, за исключением отдельных удельных показателей, например, валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения. В 2012 г. наибольшие темпы роста промышленности и строительства (вторичный сектор) в СВП Китая были достигнуты в провинции Цзилинь (14,1 %) при валовой стоимости 80, 75млрд долл. Валовая стоимость продукции промышленности и строительства провинции Хэйлунцзян составила 89,97 млрд долл., провинции Ляонин – 186,21 млрд долл. Удельный вес вторичного сектора РДВ в ВРП уступает аналогичному показателю СВП Китая почти вдвое (небольшое исключение – Амурская область). Наиболее тесное взаимодействие во внешнеторговой деятельности существует между провинцией Хэйлунцзян и Приморским краем. Через Приморский край осуществляется 78,7 % всего товарооборота южных районов Дальнего Востока с Китаем. Хорошая транспортная инфраструктура, соединяющая Харбин, Чанчунь, Шэньян и Далянь (Дальний), способствует активному внешнеэкономическому участию и других СВП Китая с районами РДВ с дальнейшим выходом на районы Восточной и Западной Сибири. Считается, что развитие отношений между соседними трансграничными регионами обусловлено взаимной выгодой и взаимодополняющими экономиками. Со стороны России: энергоресурсы, тяжелая промышленность, наукоемкие отрасли и добывающая промышленность; со стороны Китая: легкая промышленность, наличие избыточной рабочей силы, значительный объем валютных резервов. Однако, фактически, Китай не входит в ведущую тройку инвесторов в Приморском крае. В статье анализируется современная ситуация и на основе анализа делаются следующие выводы:

- СВП Китая – это уже достаточно развитые провинции с хорошим уровнем развития производительных сил;
- произошла существенная трансформация целевых установок по перспективам развития;
- существует огромная потребность в плодородных землях и других природных ресурсах;
- необходим выход к морским портам;
- имеется большой избыток рабочей силы.

В условиях слабости современной структуры производства в Приморском крае, его низкой масштабной технологичности, отсутствии масштабных планов создания рабочих мест для специалистов и т.д., единственный путь – это радикально изменить условия для социально-экономического развития территории. В статье анализируются принимаемые решения, новая модель развития РДВ. Рассматриваются риски, связанные с противоречивыми целями, которые ставят перед собой, в частности, трансграничные регионы. Авторы считают, что задача успешного развития районов РДВ

должна решаться, в том числе, на путях внутренней интеграции экономик районов РДВ.

Ключевые слова: Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Приморский край, внешнеэкономическая деятельность, территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, экономическая политика.

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

Vladimir V. Denisov²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kmm@dvfu.ru

DEVELOPMENT OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE NORTH-EASTERN PROVINCES OF CHINA AND THE SOUTHERN REGIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST

Abstract. The economic isolation of the Russian Far East from its Central Regions has slowed down the economic growth in this region. At present China is a leader of the economic development in the North-East Asia. The southern regions of the Russian Far East hold the cross-border position with regard to China, which opens potential opportunities for their effective cooperation in the foreign trade sphere. The northeastern provinces of China are a convenient subject of interaction for the southern regions of the Russian Far East. There are three provinces: Heilongjiang, Jilin (Kirin) and Liaoning, the first two having a common border with Russia. At the time of total economic success achieved by China, the comparison of the full indicators of the North-Eastern Provinces of China and the Southern Regions of the Russian Far East is clearly not in favor of the

---

¹ Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Vladimir V. Denisov, Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Zharikov, E.P. Denisov, V.V. Development of foreign economic relations between the North-Eastern provinces of China and the southern regions of the Russian Far East // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 35–52.

Far East with exception of certain specific indicators (e.g., a gross regional product per capita). In 2012, the northeastern provinces of China showed the highest growth rate in the production sector and construction industry (secondary sector), especially, in Jilin Province (14.1%) with the gross value USD 80,75bln. The gross value of the production sector and construction industry was USD 89,97bln in Heilongjiang Province and USD 186,21bln in Liaoning Province. Share of the secondary sector the Russian Far East is half of this indicator of the northeastern provinces of China (the Amur Region being a minor exception). Heilongjiang Province and Primorsky Region have the most close cooperation in foreign trade. Primorsky Region provides for 78.7% of the total turnover between the southern regions of the Russian Far East and China. The good transport infrastructure linking Harbin, Changchun, Shenyang and Dalian (Dalny) facilitates the active foreign economic participation of other northeastern provinces of China with the Russian Far Eastern regions with further access to the regions of Eastern and Western Siberia. Relations between the neighboring cross-border regions are considered to be developed due to the mutual benefit and complementary economies. On the part of Russia it is energy, heavy industry, high-tech branches and mining industry. On the part of China it is light industry, surplus labor, foreign currency reserves in significant amounts. However, China is not actually among the top three investors of Primorsky Region. The article analyzes the current situation created and on the basis of this analysis the conclusions are made as follows:

- North-Eastern Provinces of China are enough developed with a good level of productive power;
- the targets have been considerably transformed for development prospects;
- there is a huge need in fertile land and other natural resources;
- access is required to the sea ports;
- it is a large surplus of labor.

With the inefficient production structure in Primorsky Region, its low-scale manufacturability, the lack of the ambitious plans of creating the jobs for specialists and so on, the only way is to dramatically change the conditions for socio-economic development of the territory. The article analyzes the reached decisions and a new development model for the Russian Far East as well as considers the risks associated with the conflicting goals which are set by the cross-border regions, in particular. The authors believe that successful development of the Russian Far East has to be achieved via the internal economic integration of the Russian Far Eastern regions as well.

Key words: Heilongjiang, Jilin, Liaoning, Primorsky Region, foreign economic activity, the territory of priority development, free port of Vladivostok, the economic policy.

Провозглашенные льготы для социально-экономического развития Российского Дальнего Востока, связанные с реализацией стратегии территорий опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ), дают основание ожидать поступательного развития территорий региона и, в первую очередь, Приморского края. Одна из озвученных перспектив – в течение 10 лет за счет системы льгот увеличить валовой региональный продукт Приморского края в 2,2 раза. В частности, для резидентов СП Владивосток – это обнуление ставки налога на прибыль в течение 5 лет, льготный тариф страховых взносов (7,6% вместо 30%), ускоренная, в течение 10 дней, процедура возмещения НДС, беспошлинный ввоз, вывоз, хранение товаров и т.п. [1].

В связи с политической напряженностью оживление внешнеэкономического взаимодействия РДВ следует ожидать с Китаем, и в первую очередь с его пограничными регионами, каковыми являются Северо-Восточные провинции (СВП), рис. 1.

Рис. 1. Карта провинций Китая

Источник: https://yandex.ru/images/search?img_url=http%3A%2F%2Feuro-student.ru%2Fshared%2Ffiles%2F201002%2F1_113.png&text=карта%

Таковых провинций три – Хэйлунцзян, Цилинь (Гирин) и Ляонин, из которых первые две имеют общую границу с Россией. На юге Дальнего Востока общая граница России (непосредственно, Приморского края) с

СВП Китая составляет 1145 км общей границы с Китаем, из них с китайской провинцией Хэйлунцзян 1005 км, с провинцией Цзилинь – 140 км.

Структура ВВП Китая включает три сектора: первичный сектор (сельское, лесное хозяйство и рыболовство); вторичный (промышленность и строительство); третичный сектор (услуги, транспорт, образование, здравоохранение). Данная структура принята и при анализе сравнительных характеристик СВП Китая и РДВ, приведенных в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели развития Северо-Восточных провинций Китая и Южных районов российского Дальнего Востока*

Показатели	Северо-Восточные провинции Китая			Южные районы российского Дальнего Востока (на 01.01.2014)		
	Хэйлунцзян	Цзилинь	Ляонин	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область
Территория, тыс. км ²	431,8	187,4	145,9	164,7	787,6	361,9
Население, млн чел.	38,31	27,46	43,75	1,94	1,34	0,81
Плотность населения, чел./км ²	80	145	300	12	1,7	2,2
Инвестиции на душу населения, тыс. долл.	4,06	5,62	7,94	1,83	3,21	4,49
Рост инвестиций к предыдущему году, %	130,0	130,5	123,2	54,8	73,8	97,1
Валовой региональный продукт, млрд долл.	198,4	189,8	398,7	18,9	13,83	6,63
Валовой региональный продукт, тыс. долл. на душу населения	4,00	6,99	9,12	9,76	10,32	8,19
Доля промышленности в ВРП, %	45,35	46,76	46,70	24,0	19,45	38,5
Доля сельского хозяйства в ВРП, %	13,55	12,16	11,38	8,9	7,5	6,3
Экспорт, млрд долл. **	15,4	5,8	58,8	4,24	1,51	0,45
Импорт, млрд долл. **	19,7	20,6	55,2	8,70	0,93	0,51

Составлено по данным источников: [2, 3, 4, 5].

* Численность населения по данным переписи 2010 г.; другие показатели на 01.01.2013 г.

** Данные за 2014 г.

Сравнение абсолютных показателей развития СВП Китая и южных районов РДВ на фоне общих экономических успехов КНР явно не в пользу дальневосточного региона России, за исключением отдельных удельных показателей (например, ВРП на душу населения).

В 2012 г. наибольшие темпы роста промышленности и строительства (вторичный сектор) в СВП Китая были достигнуты в провинции Цзилинь (14,1 %) при валовой стоимости 80, 75 млрд долл. Валовая стоимость продукции промышленности и строительства провинции Хэйлунцзян составила 89,97 млрд долл., провинции Ляонин – 186,21 млрд долл.

Удельный вес вторичного сектора РДВ в ВРП уступает аналогичному показателю СВП Китая почти вдвое (небольшое исключение – Амурская область). По видам деятельности в структуре ВРП РДВ наибольший удельный вес, более 20,0 %, принадлежит транспорту и связи, 15,0–20,0 % – оптово-розничной торговле и ремонту автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, т.е. сфере услуг. Задача значительного повышения доли услуг в ВРП СВП Китая поставлена в настоящее время перед данным регионом.

Взаимодействие соседних приграничных регионов двух государств целесообразно отследить посредством внешнеэкономических взаимоотношений, в первую очередь, через торговые отношения (табл. 2).

Таблица 2

**Основные торговые партнеры СВП Китая
и южных районов РДВ на 01.01.2015**

	Северо-Восточные провинции Китая			Южные районы российского Дальнего Востока		
	Хэйлунцзян	Цзилинь	Ляонин	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область
Япония	+	+	+	+	+	+
США	+	+	+	+		+
Республика Корея	+	+	+	+	+	+
Австралия		+				
КНДР	+	+				
Товарооборот с Россией, млрд долл.	23,3	0,6	0,03			
Товарооборот с КНР, млрд долл.				5,81	0,91	0,66

Составлено по данным источников: [2–4, 6–8].

Продуктовая структура товарооборота Северо-Восточных провинций Китая и южных районов российского Дальнего Востока представлена в табл. 3.

Таблица 3

**Продуктовая структура товарооборота СВП Китая
и южных районов РДВ**

Регионы стран	Провинции, области, края	Статьи экспорта в Россию	Статьи импорта из России
Северо-Восточные провинции Китая	Хэйлунцзян	Одежда и товары из текстиля, машинотехническая продукция, одежда и обувь, сельскохозяйственная продукция.	Продукты нефтепереработки, железная руда, древесина, химические удобрения, рыба и морепродукты, мед.
	Цилинь	Товары текстильной и швейной промышленности, электромеханическая продукция, продукты питания (качество продукции невысокое).	Продукты первичной переработки и сырьё. Ведутся согласования об импорте около 60 млн т угля в год.
	Ляонин	Сталь, электромеханическая продукция, огнеупорные материалы, текстиль, одежда.	Сырая нефть, железная руда, уголь и морепродукты.
		Статьи экспорта в Китай.	Статьи импорта из Китая.
Южные районы российского Дальнего Востока	Приморский край	Нефть и нефтепродукты, рыбная мука, рыба мороженая, древесина (лесоматериалы обработанные, необработанные).	Машины, оборудование и транспортные средства, электрогенераторные установки, обувь, металлы и изделия из них.
	Хабаровский край	Необработанные лесоматериалы, нефтепродукты, каменный уголь, пиломатериалы, рудные концентраты, рыба и морепродукты.	Бульдозеры, экскаваторы, продукция химической промышленности и другая промышленная продукция.
	Амурская область	Электроэнергия, руды и концентраты железные, лесоматериалы необработанные.	Бульдозеры, экскаваторы и т.д., грузовые автомобили и прокат плоский из углеродистой стали плакированный.

Составлено по данным источников: [6–8, 9, 10, 11, 12].

Сопоставление данных табл. 2, 3 однозначно указывает на тесную связь во внешнеторговой деятельности провинции Хэйлунцзян и Приморского края. Через Приморский край осуществляется 78,7 % всего товарооборота южных районов Дальнего Востока с Китаем. Аналогичные тенденции прослеживаются и по другим направлениям сотрудничества – туристи-

ческой сфере, обмене студентами и т.п. Хорошее транспортное сообщение, в том числе наличие скоростной железнодорожной магистрали Харбин – Далянь, начавшей функционировать с 01.01.2012 г. и соединившей Харбин, Чанчунь, Шэньян и Далянь (Дальний), способствует активному внешнеэкономическому участию и других СВП Китая с районами РДВ с дальнейшим выходом на районы Восточной и Западной Сибири.

Современному прогрессу внешнеэкономического взаимодействия провинции Хэйлунцзян и Приморского края содействует создаваемая политико-правовая среда российско-китайских отношений, базирующаяся на договорах и соглашениях:

- «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» (2001 г.);
- «О сотрудничестве между Приморским краем и провинцией Хэйлунцзян» (2007 г.);
- «О групповых безвизовых туристических поездках» (2000 г.);
- «О международном автомобильном сообщении» (1992 г.);
- системе взаимного признания результатов таможенной проверки таможен КНР и РФ;
- других государственных и региональных документах.

В области торговых отношений Китай продолжает оставаться лидирующим партнером Приморского края. Этому способствуют наличие в Приморье открытых портов и 5 пунктов пропуска через государственную границу, расположенных в пределах Приморского края и сопредельных китайских провинций Хэйлунцзян и Цзилинь.

Считается, что развитие торгово-экономических отношений между соседними трансграничными регионами обусловлено взаимной выгодой и взаимодополняющими экономиками. Со стороны России: энергоресурсы, тяжелая промышленность, наукоемкие отрасли и добывающая промышленность; со стороны Китая: легкая промышленность, наличие избыточной рабочей силы, значительный объем валютных резервов. Однако, фактически, Китай не входит в ведущую тройку инвесторов в Приморском крае. Незначительные по абсолютной величине инвестиции китайские предприниматели предпочитают вкладывать в отрасли с быстрым оборотом средств – транспорт и связь, сельское хозяйство, гостиничный и ресторанный бизнес, торговлю.

Сегодня некоторые страны мира негативно оценивают российско-китайские отношения, считая, что Россия и Китай не могут стать долгосрочными стратегическими партнерами. На их взгляд, они являются соперниками и конкурентами, двусторонние отношения рано или поздно будут двигаться к противостоянию. Обычно такая позиция объясняется тем, что российско-китайские отношения вызывают обеспокоенность некоторых стран приверженностью к созданию многополярного мира, что вызывает их недовольство.

Точки зрения всегда многообразны и, как правило, крайние варианты никогда не реализуются. Всегда есть ниши для взаимовыгодного сотрудничества, другое дело – в каких областях, каких объемах и т.д. Тем не менее, на этом фоне необходимо понимать (табл. 1–3), что в настоящее время СВП Китая – это уже не отсталые агропромышленные районы с неразвитой промышленностью. Это уже достаточно развитые в техническом отношении провинции, экспортирующие машины, оборудование и транспортные средства, электрогенераторные установки, металлы и изделия из них, продукцию легкой промышленности. Ситуация за последние 30 лет, годы бездействия России, изменилась. Начиная с 2000-х годов провинции Цзилинь и Хэйлунцзян, активно используя промышленный и интеллектуальный потенциал провинции Ляонин, разумную стратегию Центра по возрождению, осуществили мощный рывок по развитию производительных сил своих территорий [13].

Трансформировались и целевые установки. Сегодня Китаю, как и раньше, нужно продовольствие – КНР имеет 20 % населения планеты и только 8 % пахотных земель. СВП Китая нужен выход к Японскому морю, к морским портам. Самые выгодные из них – порты южных районов Приморского края. Выход провинций через порт Далянь, несмотря на построенную скоростную магистраль, более затратный по времени. По оценкам китайских исследователей [14], с открытием сухопутно-морского транспортного маршрута доставка товаров от Суйфэньхэ до Владивостока будет занимать не более одного дня, а до Японии примерно 4–5 дней (доставка товаров в Японию и Республику Корея через порты Далянь и Тяньцзинь занимает около 15 суток). И, наконец, в провинции Хэйлунцзян наблюдается мощный избыток трудовых ресурсов. Поэтому естественно, что в экономическом плане Китай проводит прагматичную политику, основанную, прежде всего, на своих экономических интересах, а РДВ должен проводить свою, учитывая свои интересы.

В этих условиях – слабости современной структуры производства в Приморском крае, его низкой масштабной технологичности; отсутствии масштабных планов создания рабочих мест для специалистов высокой квалификации; слабости взаимодействия (технической и других видов кооперации и т.д.) с другими субъектами РДВ; малой эффективности возведенной инфраструктуры (мостов, зрелищных заведений и т.п.) для закрепления населения (с 1993 г. по 2015 г. Приморский край имеет ежегодно отрицательный баланс по населению) и т.д. единственный путь – радикально изменить условия для социально-экономического развития территории. И такие меры в рамках программных государственных документов уже реализуются.

Хотя социальные вопросы, направленные на закрепление населения в крае, в принятых на первом этапе документах фактически не затрону-

ты, однако первые начинания уже сделаны в экономической области. В частности, по отношению к предпринимательской деятельности. В настоящее время на Дальнем Востоке реализуется новая модель развития, ориентированная на обеспечение конкурентоспособности условий инвестирования и ведения бизнеса. В соответствии с этой моделью в Приморье определено 5 территорий опережающего развития исходя из стратегических приоритетов региона. К реализации намечено более 160 инвестиционных объектов на общую сумму около 120 млрд долл. США. Наибольшее количество инвестиционных объектов отмечается в транспортно-логистическом комплексе, в сельском хозяйстве, сфере туризма, промышленности строительных материалов, объектах рыбохозяйственной отрасли.

В рамках новой модели развития установлен режим порто-франко, распространяющийся на территории 15 муниципальных образований Приморского края, включая их морские акватории с портами: Владивосток, Большой Камень, Находка и т.д. Общая площадь свободной зоны составит 28,4 тыс. км², с проживающим населением 1,4 млн человек, 972,2 % от населения Приморского края).

Приморский край сегодня представляет широкие льготы для российских и иностранных инвесторов. С 1 января 2014 г. в Приморском крае работает закон о налоговых льготах для предприятий-гринфилдов. Первые пять лет ставка налога на прибыль и имущество составит 0%, а в последующие пять лет – 0,5% на имущество и 10% на прибыль. В приоритетных сферах услуг (в том числе в гостиничном бизнесе, сферах транспорта и связи) налог на прибыль составляет 13,5% в течение 10 лет с момента получения первых доходов. Меры государственной поддержки гарантированы в равной степени как российским, так и иностранным инвесторам. Каждому инвестору обеспечивается адресное сопровождение на всех этапах инвестиционного проекта.

Привлекательность Приморья для международного бизнеса подтверждается наличием в крае таких крупных российских и иностранных инвесторов, как Роснефть, Транснефть, Газпром, Соллерс, SIEMENS (Германия), Hyundai, Ssang Young (Республика Корея), Mazda, Komatsu Corporation (Япония), Эрнст энд Янг (Великобритания). На территории Приморского края уже осуществляется ряд проектов с участием китайских инвесторов из провинций Китая, в частности, Хэйлунцзян.

Учитывая складывающиеся реалии, дадим авторскую оценку перспективам активизации взаимодействия провинции Хэйлунцзян и Приморского края с учетом преследуемых ими целей, в том числе возлагаемых федеральным правительством (табл. 4).

Таблица 4

**Основные цели развития и потенциал их реализации
в провинции Хэйлунцзян и Приморском крае**

	Провинция Хэйлунцзян	Приморский край
Цели	Сбалансированное развитие экономики, повышение уровня благосостояния населения, самообеспечение сельхозпродуктами, диверсификация производства, рост ВРП/на душу населения до уровня развитых стран.	Закрепление населения с повышением его уровня благосостояния, сбалансированное развитие экономики, развитие обрабатывающей промышленности, рост ВРП на душу населения до уровня развитых стран.
Методы достижения	<ol style="list-style-type: none"> 1. Диверсификация экономики на путях внутренней и особенно внешней интеграции. 2. Выход к морским портам Приморского края; аренда сельскохозяйственных земель; участие в разработке дальневосточных и сибирских природных ресурсов с привлечением китайской рабочей силы. 3. Ограниченное минимальное участие провинции в создании производственных мощностей наукоёмкой продукции на территории Приморского края. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Диверсификация экономики с упором на внутреннюю интеграцию в пределах РДВ, внешняя производственная интеграция в рамках ограниченной необходимости. 2. Привлечение китайских инвестиций, рабочей силы. 3. Нарращивание экспорта через морские порты, в основном путем обеспечения его транзита из-за пределов РДВ.
Возможности: Первичный сектор (сельское, лесное хозяйство и рыболовство)	<p>Крупная сельскохозяйственная база Китая. В 2014 г. урожай зерновых составил 70 млн т (114 % к 2013 г.) – первое место в Китае. Площадь пахотных земель 13 млн га, более 50 % черноземов СВА. Основные культуры: соевые бобы, пшеница, кукуруза, рис, картофель, лен.</p> <p>Запасы древесины на корню – 1,5 млрд куб м, лесопокрытая площадь – около 42 %. По лесным запасам и объемам лесозаготовок провинция занимает первое место в стране. Перерабатывается около 30 видов древесины почти из 100 её разновидностей. Цель – рационально развивать деревообрабатывающую промышленность путём комплексного использования имеющегося ограниченного лесного фонда.</p>	<p>Сельскохозяйственные угодья края на 01.01.2014 г. составили 1,18 тыс. га, из них пашни – 0,69 тыс. га, кормовые угодья – 0,42 тыс. га. Удельный вес продукция растениеводства – 62,5 %, животноводства – 37,5 %.</p> <p>Основные культуры: пшеница, овёс, рис, кукуруза на зерно, соя, картофель. Текущий импорт продукции, %: картофеля – 5,6; овощей – 16,0; фруктов и ягод – 78,7; мяса и мясопродуктов – 71,9; молока и молокопродуктов – 7,7.</p> <p>Лесное хозяйство: 78 % земель края занимают леса. Основная продукция – древесина необработанная, около 4 тыс. м³/год. Продукция экспорта. Леса экономически труднодоступны.</p>

Окончание табл. 4

	Провинция Хэйлунцзян	Приморский край
	Рыбное хозяйство ограничено: лов рыбы на реках Уссури, Амур. Проводится политика защиты экологии, определены зоны по охране среды и зоны запрета лова рыбы, ведется разведение и выпуск мальков в реки. Потребность в импорте рыбопродукции.	Рыбное хозяйство: добыча рыбы и морепродуктов широкого видового состава около 820 тыс. т/год. Продукты экспорта.
Вторичный сектор (промышленность и строительство)	Центр тяжелой промышленности Китая. На территории около 160 тыс. промышленных предприятий, из них более 600 относятся к числу крупных и средних. Основу экономики провинции составляют четыре отрасли: машиностроение, нефтехимия, энергетика, пищевая промышленность. Крупнейшие предприятия провинции – Харбинский завод по производству энергетического оборудования, котельный завод, завод измерительных приборов и металло-режущих станков, 1-й и 2-й приборостроительные заводы, подшипниковый завод, авиастроительное предприятие «Хафэй».	В промышленности ведущие позиции занимает обрабатывающая промышленность – 65,5 % (без пищевой промышленности – 46,0 %); производство и распределение электроэнергии, газа и воды (27,1 %), добыча полезных ископаемых (7,4 %). Основные промышленные предприятия края: ОАО «Спаскцемент», Уссурийский ЛРЗ ОАО «Желдорремаш», ОАО «Дальприбор», ОАО «Дальневосточный завод "Звезда"», ОАО «Аскольд» и др.
Третичный сектор (транспорт, связь, образование, здравоохранение и др. услуги)	Рост доли услуг в ВРП (более 42%) – целевая установка. Политика расширения внутреннего спроса привела к росту товарооборота. В целом, с учетом смежных эффектов, это дало рост услуг до 40 %. Развивается внутренний и внешний туризм. Развита транспортная сеть. В провинции работают: Харбинский политехнический университет, Харбинский инженерный университет, 78 университетов других профилей с контингентом более 700 тыс. студентов; более 700 научно-исследовательских институтов, в которых трудятся 800 тыс. сотрудников и т.п. [15].	Сфера услуг развивается динамично. В 2014 г. услуги транспорта и связи более 20% от ВРП, оптовая и розничная торговля около 19 %, операции с недвижимым имуществом – менее 10 %. Растут туристические услуги и услуги в сфере гостиничного бизнеса. В крае находится дальневосточное отделение РАН, дальневосточный федеральный университет, ряд отраслевых университетов (Морской государственный университет, Дальрыбвтуз, Владивостокский государственный медицинский университет и др.).

Как уже отмечалось, считается, что развитие торгово-экономических отношений между соседними трансграничными регионами обусловлено

взаимной выгодой и взаимодополняющими экономиками. Проведенный анализ показывает, что с позиции накопленного научно-технического, экономического и демографического потенциалов форма и содержание взаимовыгодного сотрудничества должны пониматься по-разному трансграничными регионами. Базой такого понимания является современная концепция устойчивого развития, представляющая собой синтез трех составляющих: экономической, социальной и экологической. Экономическая составляющая предполагает максимизацию прибыли, социальная – получение прибыли на своей территории за счет переработки импортируемого сырья (снижается социальная напряженность, в т.ч. и за счет создания новых рабочих мест в обрабатывающей промышленности). И, наконец, по мере накопления доходов решаются проблемы экологии. Собственно, в этом русле китайская сторона и реализует свою экономическую политику и свои целевые установки.

Обобщим их. В области сельского хозяйства Китай решает проблему продовольственной безопасности. Метод решения в регионах России: аренда земли, рабочая сила Китая, урожай в Китай и частично на экспорт. Выгоды принимающей стороны: продукция сомнительного качества, плохая экология с возможным разрывом арендных отношений, небольшие доходы бюджета в связи с льготными условиями аренды и слабым контролем.

Лесное хозяйство: аренда лесных участков, рабочая сила Китая, древесина в Китай на переработку, экспорт готовой продукции из древесины, в т.ч. и в Россию. Выгоды принимающей стороны минимальны. Попытки переломить ситуацию встречают сопротивление как китайской стороны, так и российского прокитайского лобби. Особенно это ярко проявилось в ходе заседания российско-китайского инвестиционного форума (Владивосток, 19–20.11.2014). Представители провинции Хэйлуцзян, в т.ч. начальник главного управления лесной промышленности провинции Хэйлуцзян Дяньцзюнь Ли выразили готовность на новые поставки древесины для переработки её на своих заводах, мотивируя тем, что в провинции уже созданы все необходимые высокотехнологичные предприятия по переработке древесины. Позиция департамента лесного хозяйства Приморского края – привлечение инвестиций из Китая на модернизацию мощностей по переработке леса в регионе [16]. Но насколько данная позиция устойчива и будет реализовываться, учитывая соседние лесные регионы, включая Восточную и Западную Сибирь, которые имеют сходные экономические трудности, вот в чем вопрос?

Аналогичные взгляды Китая и на участие его провинций в зоне свободного порта Владивосток. На первом Восточном экономическом форуме (Приморье, 3–5.09.2015) вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян заявил, что Китай готов активно инвестировать в Свободный порт Владивосток и территории опережающего развития в Приморье и создать несколько исклю-

чительных образцово-показательных районов сотрудничества [17]. Однако реализация намерений на уровне провинции Хэйлунцзян более прагматична. По мнению председателя комитета по содействию международной торговле провинции Эчжунци, один из вариантов участия в рамках проекта «Открытый порт Владивосток» состоит в открытии логистического хаба, на котором «будет осуществляться обработка, переупаковка и адресация товаров российских клиентов, приобретенных в Китае» [18].

Таким образом, сформулированные в табл. 4 методы достижения основных целей развития провинции Хэйлунцзян находят свое отражение в предлагаемых формах сотрудничества. Отсюда следует, что Приморский край как равноправный партнер интересуется Китаем в малой доле, уж слишком большой разрыв в потенциалах, за исключением природных ресурсов, включая земельные, и выхода к незамерзающим морским портам Приморья. Поэтому СВП Китая, включая Хэйлунцзян, не заинтересованы в инвестировании развития производительных сил Приморского края. Пока продолжается отток населения из региона, трудно надеяться на изменение такой политики даже в условиях реализации проектов ТОР и проекта «Свободный порт Владивосток», гарантирующих определенные льготы. Проводимая Центром и на местах региональная политика фактически содействует «выдавливанию» населения за пределы региона. Китаю просто невыгодно изменять такую тенденцию с его избытком рабочей силы и огромной потребностью в сырьевых ресурсах.

С прекращением оттока населения из региона следует ожидать и изменение в инвестиционной политике Китая по отношению к Приморскому краю и другим приграничным регионам. Но тогда могут появиться риски, связанные с управляемостью инвестиционного процесса, обусловленные:

- отрицательным сальдо инвестиционного баланса, так по итогам 2013 г. российские инвестиции в Китай составили около 1,6 % от китайских инвестиций в экономику России;

- ростом крупных прямых инвестиций и их направленностью в сырьевые отрасли, что чревато потерей контроля над базовыми природными ресурсами.

Если китайская политика по отношению к РДВ и, в частности, Приморскому краю выглядит вполне закономерной и прагматичной, то как развивать производительные силы РДВ – вопрос насущный. И главное, где взять ресурсы для его решения? Не идти же, в конце концов, на крайние варианты, «разбазаривание» национального богатства.

Стратегия понятна: прекращение оттока населения – использование имеющихся преимуществ – инновационная экономика – интеграция в экономику АТР. А вот пути ее реализации при существующих в настоящее время в России правовых, экономических и социальных отношениях вызывают огромное сомнение, ибо такая задача без четкого учета и контроля

неразрешима, что показали имевшие место довольно продолжительные временные промежутки, которые были более всего благоприятны для экономического развития. И второе, задача успешного социально-экономического развития районов РДВ должна решаться на путях их внутренней интеграции. Выживание каждого из них по отдельности за счет реализации проектов ТОР и им подобных малоэффективно, т.к. такая политика не является объединяющей. В научной литературе, в том числе на страницах данного журнала, такие предложения обсуждались не раз: обоснование инновационного развития РДВ [19], направления создания дальневосточного хозяйственного комплекса на базе южных районов РДВ с замыканием на него Сахалинской области и северных районов [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 10 ответов на самые актуальные вопросы о Свободном порте Владивосток [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primgazeta.ru/news/10answers-to-the-most-pressing-issues-on-the-free-port-of-vladivostok-15-07-17>.
2. *Ляонин тунци няньцзянь*, 2012 [Статистический сборник провинции Ляонин за 2012] [Электронный ресурс]. – Пекин : Чжунго тунци чубаньшэ, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Кит.
3. *Хэйлунцзян тунци няньцзянь*, 2012 [Статистический ежегодник провинции Хэйлунцзян за 2012] [Электронный ресурс]. – Пекин : Чжунго тунци чубаньшэ, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Кит.
4. *Цзилинь тунци няньцзянь*, 2012 [Статистический ежегодник провинции Цзилинь за 2012] [Электронный ресурс]. – Пекин : Чжунго тунци чубаньшэ, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Кит.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/Main.htm.
6. Внешнеэкономическая деятельность в Приморском крае в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primstat.gks.ru/>.
7. Внешнеэкономическая деятельность Хабаровского края в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://habstat.gks.ru/>.
8. Внешнеэкономическая деятельность Амурской области за 2005–2014 годы : сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2015. – 39 с.
9. Провинции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rcsy.org/Provincii.html.
10. Китайская провинция Цзилинь намерена импортировать через Махалино 600 млн тонн угля в год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/1982758>.
11. Новые шансы экономического сотрудничества провинции Ляонин со странами Северо-Восточной Азии и России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: russian.cri.cn/1143/2015/05/26/1s549286.htm.

12. О сотрудничестве Хабаровского края с КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruchina.org/china-article/china/597.html>.
13. Жариков, Е. П. Проблемы развития промышленности окраинного региона / Е. П. Жариков, В. Е. Жариков // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2012. – № 1. – С. 55–62.
14. Чжан Сюэце. Проблемы строительства торгово-экономической зоны освоения Северо-Восточной Азии провинцией Хэйлунцзян // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. – 2012. – № 6. – С. 67–74.
15. Провинция Хэйлунцзян открывает двери для сотрудничества // Тихоокеанская звезда. – Хабаровск, 2015. – 30 июля.
16. Предприятия приграничного Китая проявили большой интерес к приморской древесине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/402472/>.
17. Через две недели порт Владивосток станет Свободным [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primorsky.ru/news/main/95052/>.
18. Китай планирует открыть логистический центр во Владивостоке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.swissinfo.ch/rus/41620080.
19. Быстрицкий, С. П. Оценка влияния инвестиций и труда на развитие экономики Дальнего Востока / С. П. Быстрицкий, В. К. Заусаев, В. А. Горяинов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2008. – № 1. – С. 54–68.

REFERENCES

1. *10 answers to the most pressing issues on the free Port of Vladivostok*. Available at: <http://primgazeta.ru/news/10-answers-to-the-most-pressing-issues-on-the-free-port-of-vladivostok-15-07-17> (accessed 17 September 2015). (In Russian).
2. *Statistical Book of Liaoning Province – 2012* [Electronic resource]. Beijing, 2012. 1 CD-ROM. (In Chinese).
3. *Statistical Yearbook of Heilongjiang Province – 2012* [Electronic resource]. Beijing, 2012. 1 CD-ROM. (In Chinese).
4. *Statistical Yearbook of Jilin Province – 2012* [Electronic resource]. Beijing, 2012. 1 CD-ROM. (In Chinese).
5. *Regions of Russia. Socio-Economic Indicators, 2014*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/bl4_14p/Main.htm (accessed 17 September 2015). (In Russian).
6. *Foreign Economic Activity of Primorsky Region in 2014*. Available at: <http://primstat.gks.ru/> (accessed 17 September 2015). (In Russian).
7. *Foreign Economic Activity of Khabarovsk Region in 2014*. Available at: <http://habstat.gks.ru/> (accessed 17 September 2015). (In Russian).

8. *Foreign Economic Activity of Amur Territory in 2005–2014*. Blagoveshchensk, 2015. 39 p. (In Russian).
9. *Provinces*. Available at: [//rcsy.org>Provincii.html](http://rcsy.org/Provincii.html) (accessed 17 September 2015). (In Russian).
10. *China Jilin Province intends importirovat Makhhalino over 600 million tons of coal per year*. Available at: <http://tass.ru/ekonomika/1982758> (accessed 17 September 2015). (In Russian).
11. *New opportunities of economic cooperation between Liaoning Province and the countries of North-East Asia and Russia*. Available at: [russian.cri.cn>1143/2015/05/26/1s549286.htm](http://russian.cri.cn/1143/2015/05/26/1s549286.htm) (accessed 17 September 2015). (In Russian).
12. *On cooperation between Khabarovsk Region and China*. Available at: [ruchina.org>china-Article/china/597.html](http://ruchina.org/china-Article/china/597.html) (accessed 17 September 2015). (In Russian).
13. Zharikov E.P., Zharikov V.E. Problems of industrial development in an outlying region. *Pacific RIM: economy, politics, law*, 2012, no. 1, pp. 55–62. (In Russian).
14. Zhang Xiujie. Problems of building the trade and economic zone to develop the North-East Asia by Heilongjiang Province. *Vestnik Khabarovskoi gosudarstvennoi akademii ekonomiki i prava* [Journal of Khabarovsk State Academy of Economics and Law], 2012, no. 6, pp. 67–74. (In Russian).
15. Heilongjiang Province opens the doors for cooperation. *Tikhookeanskaya zvezda*, Khabarovsk, 2015, July 30. (In Russian).
16. *Enterprises of border China took the interest in the Primorsky regional wood*. Available at: <http://primamedia.ru/news/402472> (accessed 17 September 2015). (In Russian).
17. *Vladivostok port shall be free in two weeks*. Available at: <https://news.mail.ru/politics/23456181/> (accessed 17 September 2015). (In Russian).
18. *China plans to open the logistics center in Vladivostok*. Available at: [//www.swissinfo.ch/rus/41620080](http://www.swissinfo.ch/rus/41620080) (accessed 17 September 2015). (In Russian).
19. Bystritskii S.P., Zausaev V.K., Goryainov V.A. Evaluation of investment and labour influence on the economy development in Far East. *Pacific RIM: economy, politics, law*, 2008, no. 1, pp. 54–68. (In Russian).

УДК 338.439.6-049.5:330.111

А.А. Кравченко¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

О.О. Сергеева²

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Одной из основных целей мирового сообщества во второй половине XX в. стала попытка обеспечить все население Земли достаточным для жизни набором питания. После подписания Римской Декларации во время Мирового Продовольственного Саммита в 1996 г. 185 стран обязались сократить количество голодающих вдвое к 2015 г. Данная цель не достижима без постоянного мониторинга и контроля изменения продовольственного обеспечения населения. Продовольственная безопасность рассматривается с глобальной, национальной, региональной точек зрения, а также оценивается на уровне домохозяйств. Мониторинг продовольственной безопасности домохозяйств предназначен для определения и понимания основных аспектов благосостояния населения с точки зрения потребления продуктов питания, а также для выделения групп населения с особенно плохими условиями существования. Если получать информацию о продовольственной защищенности семей из традиционных измерений дохода и уровня бедности, то можно получить искаженную картину. Так, семьи с низким уровнем дохода оказываются продовольственно защищенными, в то время как не бедные семьи сталкиваются с недостатком продо-

---

¹ Алла Анатольевна Кравченко, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента ДВФУ, Владивосток.

² Олеся Олеговна Сергеева, ассистент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

Для цитирования: Кравченко, А.А., Сергеева, О.О. Продовольственная безопасность домохозяйств в России и Китае: сравнительный анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 53–67.

вольствия. Это может быть связано с внутренними и внешними факторами. Например, к первым отнесем непредвиденные изменения в обстоятельствах, на основе которых семьи принимают решение об использовании ограниченных ресурсов на непродовольственные нужды, ко вторым – влияние санкций на продовольственную защищенность домохозяйств. В статье представлены результаты исследования оценки продовольственной безопасности российских и китайских домохозяйств. Рассматривается ряд вопросов, направленных на выявление уровня экономической и физической доступности продовольствия для домохозяйств, а также вопросы, направленные на выявление последствий введения продовольственного запрета на импортные продукты питания для российских домохозяйств.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, экономическая доступность продовольствия, физическая доступность продовольствия, эмбарго.

Alla A. Kravchenko¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

Olesya O. Sergeeva²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

HOUSEHOLD FOOD SECURITY IN RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. Providing the Earth population with sufficient amount of food became a major target of the global community in the second half of the XX century. After the Rome Declaration on World Food Security was signed at the 1996 World Food Summit, 185 countries made a commitment to reduce the number of starving people by half by 2015. This target cannot be achieved without constant monitoring and control over the changing food security of the population. Food security is evaluated at global, national and regional levels as well as at the level of individual households. Monitoring of the household food

---

¹ Alla A. Kravchenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Olesya O. Sergeeva, Assistant of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Kravchenko, A.A., Sergeeva, O.O. Household food security in Russia and China: comparative analysis // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 53–67.

security is aimed at defining and understanding major aspects of the population wealth in terms of food consumption, as well as at determining the population groups of particularly poor living conditions. Estimation of family food security based on traditional evaluation of the income level and poverty line can give us a distorted picture. Thus, low-income families turn out to be food secure whereas wealthier families face food insufficiency, which can be caused by internal and external factors. The internal factors include unexpected changes in the circumstances that force families to use limited resources for non-food needs; the external factors include the influence sanctions on household food security. The article presents the research results on evaluation of food security of Russian and Chinese households and reviews a number of questions aimed at determining the level of economic and physical availability of food for households. The authors have also touched upon the consequences of imported food embargo for Russian households.

Key words: food security, economic availability of food, physical availability of food, embargo, household.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды зарубежных ученых, которые выделяют ряд вопросов, лежащих в основе изучения продовольственной безопасности домохозяйств. В работе Anderson К. рассматривается роль государства в обеспечении продовольственной безопасности, в частности вмешательство государства в проблему продовольственной безопасности и неравенства доходов населения [1]. Smyth J. выделяет ключевой момент в необходимости увеличения инвестиций в сельскохозяйственный НИОКР [2]. Moseley G. говорит о необходимости изучения такого явления, как «зеленая революция» [3]. Но наиболее значимыми работами при исследовании продовольственной безопасности домохозяйств являются работы Liua H., Gustafssona B., Li Y., в которых рассматриваются вопросы урбанизации и старения населения, состав семей, распределение доходов семьи, бедность населения [4, 5, 6]. Также стоит отметить работы Fan S., Coleman-Jensen A., Gandhi V.P., в которых были рассмотрены вопросы, связанные с доступностью к качественным и безопасным продуктам питания, влияние домашних хозяйств на продовольственное потребление, продовольственное потребление и продовольственное поведение покупателя, изменение спроса на продукты питания, уровень потребительских цен на продукты питания [7, 8, 9]. Инструменты сбора информации относительно безопасности продуктов питания и уровня продовольственной безопасности представлены в работе Carletto C. [10].

Для эффективного структурирования полученной информации и дальнейшего проведения исследования авторами была составлена Mind-map Household Food Security (рис. 1).

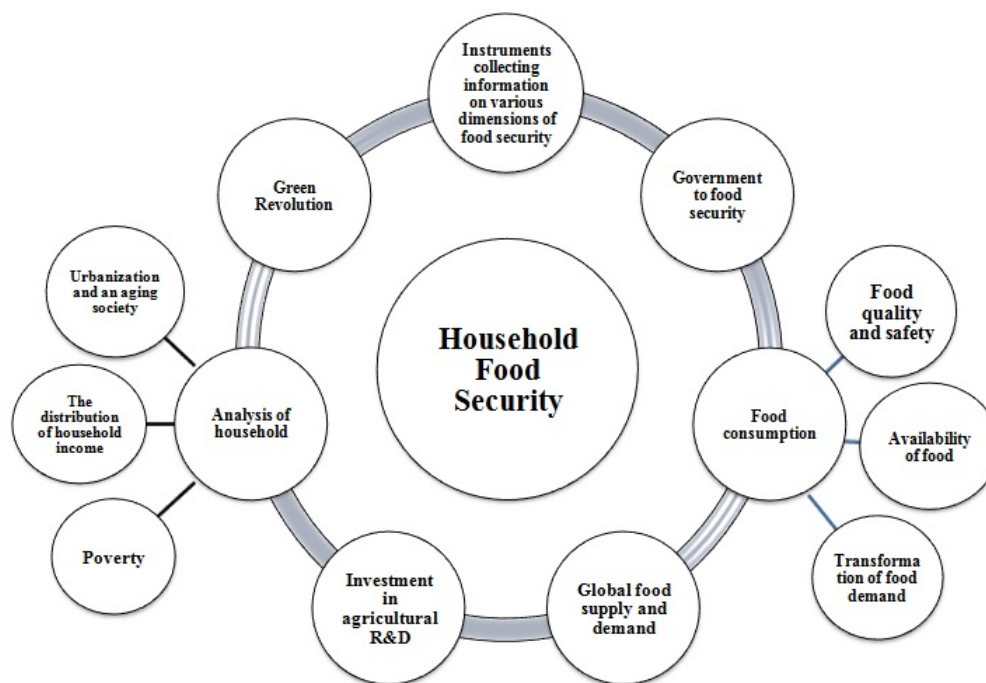

Рис. 1. Mind-map Household Food Security

На Mind-map Household Food Security представлен блок вопросов, который лежит в основе изучения продовольственной безопасности домохозяйства. При проведении нашего исследования по оценке продовольственной безопасности России и Китая основное внимание было направлено на изучение ряда вопросов, относящихся к таким направлениям исследования, как «Analysis of household» и «Food consumption», в частности, изучение состава семьи, распределения доходов, потребительского спроса, предложения на рынке продовольственных товаров, качества предлагаемых продуктов питания и их доступности.

С этой целью нами был проведен опрос домохозяйств методом анкетирования. В опросе приняли участие 250 российских и 250 китайских домохозяйств. Все исследуемые домохозяйства расположены в городской местности – в г. Владивосток (Россия) и г. Далянь (Китай). Данные города были выбраны из-за своей схожести: портовые, быстро развивающиеся крупные города, с большой численностью населения, являются рыболовными базами.

Опрос включал в себя следующие блоки.

Часть 1. Характеристика домохозяйств (семей). Данный раздел был направлен на сбор информации о домохозяйстве (семье): местонахождение, число членов семьи, число детей.

Часть 2. Характеристика продовольственной безопасности домохозяйств. В данном разделе рассматривался ряд вопросов, направленных на выявление уровня экономической и физической доступности домохозяйств к продовольствию. В частности, рассматривались вопросы о предпочтениях в выборе продуктов питания и местах их приобретения, удовлетворенности ассортиментом, качеством отечественных и импортных продуктов питания, а также уровень доходов и возможность приобретения качественных продуктов в необходимом количестве.

Часть 3. Информированность домохозяйств о генетически-модифицированных добавках (организмах, продуктах питания). Данный раздел был направлен на сбор информации об отношении домохозяйств к продуктам, содержащим ГМО-добавки: считают ли их вредными, станут ли покупать продукты с их содержанием.

Часть 4. Влияние российских санкций на продовольственную безопасность домохозяйств (данный блок был включен в опрос только для российских домохозяйств). В данном разделе рассматривался ряд вопросов, направленных на выявление последствий введения продовольственного запрета на импортные продукты питания для российских домохозяйств: существует ли нехватка питания, пришлось ли увеличить долю затрачиваемых доходов на покупку питания, существует ли угроза голода.

По итогам проведенного опроса были получены следующие результаты.

Большинство опрошенных российских домохозяйств (60%) состоит из 3 и менее человек, в Китае же преобладают домохозяйства с числом членов от 4 до 6 (53%). 13% китайских домохозяйств и 54% российских имеют детей дошкольного возраста. 31% китайских домохозяйств и 48% российских имеют детей в возрасте от 7 до 18 лет.

93% китайских домохозяйств тратят менее 30% своего дохода в месяц на продукты питания, в России таковых лишь 24%, при этом 57% семей на продовольственные товары тратит 30–60% своего дохода в месяц.

В 84% российских домохозяйств покупают продукты питания в магазинах (67%) и гипермаркетах (17%). Лишь 16% процентов домохозяйств предпочитают покупать продукты питания на рынке. Подобный выбор места покупки продуктов питания наблюдается и в Китае. 82% китайских домохозяйств покупают продукты в магазинах (44%) и гипермаркетах (38%), 17% предпочитают покупать продукты на рынке (табл. 1). Интернет-магазины по продаже продуктов питания не пользуются популярностью как у российских, так и китайских домохозяйств. Возможно, это можно объяснить отсутствием знаний в области пользования персональным ком-

пьютером и Internet. Однако обратим внимание на то, что опрос проходили домохозяйства, в 90% имеющие детей до 18 лет, что характеризует их как молодые семьи, умеющие пользоваться компьютером, поэтому заключим, что у домохозяйств отсутствует доверие к покупкам продуктов питания через интернет.

Таблица 1

Распределение домохозяйств по очередности выбора мест покупки продовольственных товаров, %

Где вы обычно покупаете продукты питания?	В первую очередь		Во вторую очередь		В третью очередь	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
В магазинах	67	44	17	24	13	33
В гипермаркетах	17	38	44	38	34	22
На рынке	16	17	39	38	40	38
В интернет-магазине	0	0	0	0	12	7

Таблица 2

Распределение домохозяйств по очередности предпочтений производителей продуктов питания

Продукты питания каких производителей вы обычно покупаете	В первую очередь		Во вторую очередь		В третью очередь	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
Местных производителей	71	96	24	4	5	0
Производителей соседних регионов	19	4	65	96	15	1
Зарубежных производителей	10	0	10	0	80	99

Опрос показал, что при покупке продуктов питания предпочтение отдается отечественным производителям. Так, 71% российских домохозяйств в первую очередь покупают продукцию местных производителей, в Китае – 96%. Также стоит отметить, что по результатам опроса в последнюю очередь домохозяйства готовы приобретать продукты питания зарубежных производителей. Одной из причин этого является неудовлетворенность качеством импортной продукции (табл. 2).

Таблица 3

**Характеристики продовольственной безопасности домохозяйств:
физическая и экономическая доступность,
качество продуктов питания**

Удовлетворены ли вы	качеством отечественных продуктов питания		предлагаемым ассортиментом продуктов питания		качеством импортных продуктов питания	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
Удовлетворен	61	73	39	63	16	65
Удовлетворен не в полной мере	27	2	44	6	47	0
Не удовлетворен	7	19	8	27	20	1
Затрудняюсь ответить	5	6	9	4	17	34

61% российских домохозяйств и 73% китайских считают качество отечественных продуктов питания выше. 67% российских домохозяйств не удовлетворены или удовлетворены не в полной мере качеством импортной продукции, и лишь 16% устраивает качество импортных продуктов питания. Китайские домохозяйства, напротив, устраивает качество импортной продукции. Так, 65% домохозяйств полностью удовлетворены качеством продуктов питания, и лишь 1% качество не устраивает. Стоит отметить, что 34% китайских домохозяйств затрудняются оценить качество импортной продукции (табл. 3).

Таблица 4

**Распределение домохозяйств по структуре
потребления продуктов питания**

Какие продукты питания вы чаще всего употребляете	В первую очередь		Во вторую очередь		В третью очередь	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
мясопродукты	61	9	9	52	9	34
рыбопродукты	13	0	28	8	13	3
овощи и бахчевые	7	73	21	20	17	4
крупы (в том числе рис) и макаронные изделия	13	17	21	15	20	4
молокопродукты	1	1	10	3	18	15
фрукты	0	0	4	2	10	37
хлебные продукты	3	0	7	0	13	2

Рассматривая структуру потребляемых продуктов питания, отметим, что она имеет ярко выраженные различия в зависимости от страны проживания. 61% российских домохозяйств чаще всего употребляют мясопродукты, в Китае 73% домохозяйств употребляют в первую очередь – овощи и бахчевые. Во вторую очередь российские домохозяйства употребляют рыбпродукты (28%), китайские домохозяйства – мясопродукты (52%). На третьем месте российские домохозяйства употребляют крупы и макаронные изделия (20%), в Китае – фрукты (37%) (табл. 4).

Стоит также отметить, что если в первую очередь почти единогласно российские домохозяйства предпочитают мясо, то во вторую и третью очередь ответы были более разнообразные, и количество семей распределилось относительно равномерно по всем группам товаров.

В настоящее время сбалансированное питание членам домохозяйств могут обеспечить 75% китайских и 24% российских домохозяйств.

Таблица 5

Распределение домохозяйств по факторам, оказывающим влияние на выбор продуктов питания

Что для вас имеет значение при выборе продуктов питания	В первую очередь		Во вторую очередь		В третью очередь	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
цена	66	72	15	7	9	7
торговая марка	3	2	10	3	8	1
производитель	7	11	23	11	13	1
состав и технология производства	2	0	10	0	10	2
отсутствие ГМО	11	1	10	7	8	1
полезность продукта питания	6	7	17	30	11	26
срок хранения	3	3	12	30	27	29
удобство/привлекательность упаковки	0	0	2	1	6	3
беру то, что есть	2	3	1	10	8	29

Стоит уделить особое внимание факторам, которые оказывают влияние на выбор домохозяйств при покупке продуктов питания. Для российских домохозяйств особое значение при выборе продуктов питания имеют цена, производитель и срок хранения товара. Китайские домохозяйства делают

выбор исходя из цены, полезности продукта и срока хранения. Стоит отметить, что 29 % китайских домохозяйств покупают те продукты питания, что есть в наличии. Это может свидетельствовать о недостаточности ассортимента предлагаемых продуктов питания.

Отметим то, что лишь 11% российских и 1% китайских домохозяйств обращают внимание на наличие ГМО-добавок в продуктах питания и выбирают продукты без содержания ГМО (табл. 5).

Для того чтобы определить, как российские (китайские) домохозяйства относятся к проблеме использования ГМО-добавок в продуктах питания, был задан ряд дополнительных вопросов. 79% (81%) домохозяйств знают о ГМО добавках; 18% (19%) что-то слышали; 3% (0%) слышат об этом впервые. 83% (81%) представителей домохозяйств встречали указания на упаковках товаров о том, что они не содержат ГМО добавки. 80% (82%) домохозяйств выберут более дорогие продукты питания без ГМО добавок, чем более дешевые с ГМО. 98% (83%) верят в отрицательное воздействие на здоровье человека наличия ГМО добавок в продуктах питания.

Также отметим, что при выборе продуктов питания 62% российских и 48% китайских домохозяйств полагаются на свой опыт.

При выборе продуктов питания российские домохозяйства также отдают предпочтение продуктам высокого качества известных марок. Китайские домохозяйства отдают предпочтения товарам, которые рекомендованы их знакомыми, а также имеющим низкую цену.

Следующий блок вопросов заимствован из социологического опроса по оценке продовольственной безопасности домохозяйств, разработанного в США. Особенностью этих вопросов является обязательное определение продовольственной защищенности детей.

Китайские домохозяйства в 90% случаев (в течение прошедшего года) никогда не сталкивались с проблемой нехватки денег на покупку продуктов питания, не ограничивали себя в еде, не покупали дешевые некачественные продукты для того, чтобы накормить детей и никогда (100%) не сокращали объем питания для детей из-за нехватки денег.

Рассматривая российские домохозяйства (в течение прошедшего года), стоит отметить, что 22% сталкиваются с проблемой постоянного отсутствия денег для покупки продуктов. 50% российских домохозяйств периодически вынуждены ограничивать себя в еде, покупать более дешевые продукты для детей и сокращать объем детского питания (47%). Все это говорит о низком уровне продовольственной безопасности домохозяйств, т.к. в 22% отсутствует экономический доступ к продуктам питания (табл. 6).

Если же рассматривать более длительный период, то 23% российских домохозяйств сталкиваются с проблемой постоянной нехватки денег на покупку продуктов питания, в Китае лишь 1% домохозяйств. 45% российских домохозяйств иногда сталкиваются с проблемой нехватки денег на покупку продуктов

питания, в Китае 8%. 32% российских и 91% китайских домохозяйств практически не сталкиваются с проблемой нехватки денег на покупку продуктов.

Таблица 6

**Распределение домохозяйств
по экономической доступности продовольствия**

Заданные вопросы	Часто		Иногда		Никогда	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
Случалось ли, что продукты питания заканчивались раньше, чем Вы получали деньги на их покупку (в течение прошедшего года)?	22	1	50	8	28	91
В течение прошедшего года Вы или другой член Вашей семьи были вынуждены ограничивать себя в еде в связи с нехваткой денег?	18	0	52	8	29	92
Полагаетесь ли Вы только на дешевые продукты питания, чтобы накормить детей, потому что не имеете достаточно денег (в течение прошедшего года)?	17	1	54	6	29	93
Случалось ли, что за прошедший год Вы сокращали объем питания для детей в связи с нехваткой денег?	7	0	47	0	46	100
Всегда ли Вам хватает денег на покупку продуктов питания?	32	91	45	8	23	1
Приходится ли Вам покупать продукты низкого качества из-за нехватки денег?	28	0	40	12	32	88

88% китайских и 32 % российских домохозяйств крайне редко вынуждены покупать продукты низкого качества из-за нехватки денег. 28% домохозяйств в России часто приобретают продукты низкого качества из-за нехватки денег. В Китае данный показатель равняется нулю.

В целом можно сказать, что уровень обеспечения продовольственной безопасности в Китае выше, чем в России, т.к. китайские домохозяйства в 91% случаев имеют экономический доступ к продуктам питания, что является одним из основных критериев обеспечения продовольственной безопасности страны.

В ходе опроса респонденты указали, что является факторами укрепления продовольственной безопасности их домохозяйств.

По мнению российских домохозяйств, укреплению продовольственной безопасности домохозяйств в первую очередь будет способствовать повышение заработной платы (57%). Также была отмечена необходимость государственной поддержки производителей продуктов питания (25%), рис. 2.

Рис. 2. Ответы российских домохозяйств

По мнению китайских домохозяйств, на уровень продовольственной безопасности домохозяйств в первую очередь оказывает влияние обеспечение качественными продуктами питания (39%) и стабильный ассортимент продуктов питания в розничной сети (21%). Так же, как и в ответе российских домохозяйств, была отмечена необходимость государственной поддержки производителей продуктов питания (27%) (рис. 3).

Рис. 3. Ответы китайских домохозяйств

Российским домохозяйствам было предложено ответить на ряд вопросов о последствиях введения продовольственного эмбарго на продовольственную безопасность их семей.

В ходе опроса было выявлено, что 60% российских домохозяйств на продовольственные товары тратит от 30 до 60% своего дохода в месяц. Причем, с введением продовольственного эмбарго 41% домохозяйств пришлось увеличить долю доходов, затрачиваемую на покупку продуктов питания. Увеличение этой доли связано в основном с повышением продовольственных цен. На рис. 4 графически представлены полученные в ходе опроса данные по затрачиваемой доле доходов на продукты питания в месяц.

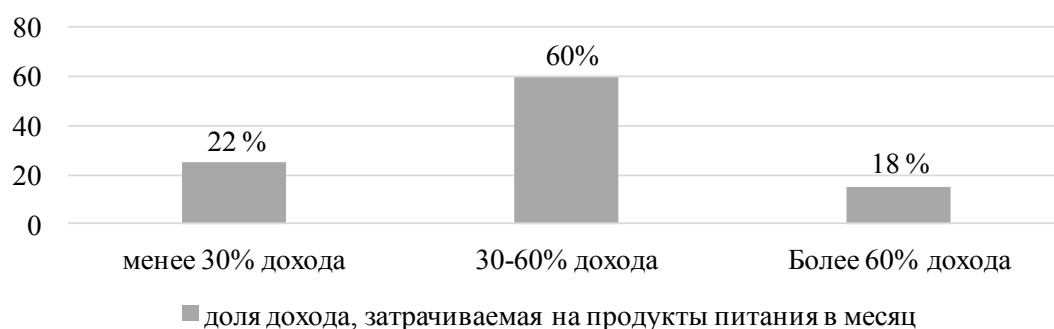

Рис. 4. Доля дохода, затрачиваемая на покупку продуктов питания в месяц, %

Стоит отметить, что у 36% домохозяйств возникло ощущение нехватки продуктов, 24% домохозяйств затруднилось ответить на этот вопрос, 39% – не ощутили нехватки продуктов. На рис. 5 графически представлены ответы на вопрос: «Возникло ли у домохозяйств ощущение нехватки продуктов питания после введения продовольственного эмбарго?».

Таким образом, согласно данным рис. 5, мнения разделились, но все же большинство не ощутили нехватку продуктов питания. Благодаря следующему вопросу: «Возникли ли у вашей семьи какие-либо проблемы в продовольственном обеспечении в связи с российскими санкциями?», удалось убедиться в достоверности ответов. Так, 42% домохозяйств не ощутили практически никаких проблем в продовольственном обеспечении, 28% домохозяйств ощутили не слишком серьезные проблемы. Более того, 37% семей настроены позитивно и не видят практически никаких проблем в продовольственном обеспечении в будущем, 35% видят не слишком серьезные.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что и до введения санкций большинство российских потребителей предпочитали товары отечественного производителя (этот вывод подтверждают результа-

ты таблицы 2), а те ниши, которые были заняты зарубежными производителями «подсанкционных» стран, частично были заняты отечественными производителями, либо переориентированы на страны, не попадающие под эмбарго. Давая оценку последствиям продовольственного эмбарго 2014 г. можно сделать вывод о том, что данная мера внешнеторговой политики не создала практически никаких проблем в продовольственной безопасности российских домохозяйств.

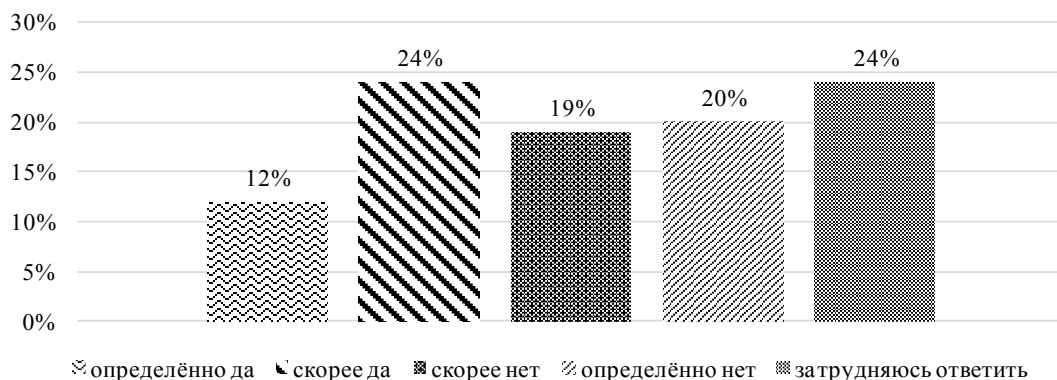

Рис. 5. Ощущение нехватки продуктов питания после введения продовольственного эмбарго

В целом можно сказать, что уровень продовольственной безопасности российских и китайских домохозяйств значительно различается. Китай поддерживает стабильный и высокий уровень продовольственной безопасности. В стране обеспечивается самодостаточность по основным сельскохозяйственным культурам от 91% до 97% внутреннего потребления. КНР выполняет рекомендации Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, которая призывает поддерживать уровень продовольственной независимости на уровне 95%. Тем не менее, у Китая есть зависимость от импорта определенного перечня продуктов питания. На сегодняшний день КНР ощущает наиболее сильную потребность в сое, растительном (соевом) масле и зерновых культурах (рис, пшеница) [11]. В России же остро стоит проблема отсутствия экономического доступа к продуктам питания, 22% домохозяйств сталкиваются с проблемой голода.

Подводя итог, отметим, что мониторинг продовольственной безопасности домохозяйств проводится для определения и понимания основных аспектов благосостояния населения с точки зрения потребления продуктов питания, а также для выделения групп населения с особенно плохими усло-

виями существования. Однако причины продовольственной незащищенности населения еще не до конца определены. Они включают различные непредвиденные изменения в обстоятельствах, влияющих на решение семей, как использовать ограниченные ресурсы на другие нужды, а также низкий уровень физической доступности продовольствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anderson, K. Food security policy options for China: Lessons from other countries / K. Anderson, A. Strutt // *Food Policy*. – 2014. – Vol. 49. – P. 50–58.
2. Smyth, J. Food security and the evaluation of risk / J. Smyth, S. Peter, W. B. Phillips, W.A. Kerr // *Global Food Security*. – 2015. – Vol. 4. – P. 16–23.
3. Moseley, G. Food Security and «Green Revolution» [Электронный ресурс] // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. – Macalester College, Saint Paul, MN, USA : [Elsevier], 2015. – P. 307–310. – Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080970868910195>.
4. Liua, H. Household composition, income, and food-away-from-home expenditure in urban China / H. Liua, T. I. Wahla, L. James, J. Baic // *Food Policy*. – 2015. – Vol. 51. – P. 97–103.
5. Gustafssona, B. Data for studying earnings, the distribution of household income and poverty in China / B. Gustafssona, L. I. Shi, H. Sato // *China Economic Review*. – 2014. – Vol. 30. – P. 419–431.
6. Li, Y. Households Food Security in Poverty-Stricken Regions : Evidence from Western Rural China / Y. Li, W. Yu // *Agriculture and Agricultural Science Procedia*. – 2010. – Vol. 1. – P. 386–395.
7. Fan, S. Feeding More People on an Increasingly Fragile Planet: China's Food and Nutrition Security in a National and Global Context / S. Fan, J. Brzeska // *Journal of Integrative Agriculture*. – 2014. – Vol. 13. – P. 1193–1205.
8. Coleman-Jensen, A. Household Food Security in the United States in 2010 – University of Glasgow / A. Coleman-Jensen, M. Nord, M. Andrews, S. Carlson // *USDA-ERS Economic Research Report*. – 2011. – Vol. 125. – P. 29.
9. Gandhi, V. P. Food demand and the food security challenge with rapid economic growth in the emerging economies of India and China / V. P. Gandhi, Z. Zhou // *Food Research International*. – 2014. – Vol. 63. – P. 108–124.
10. Carletto, C. Towards better measurement of household food security: Harmonizing indicators and the role of household surveys / C. Carletto, A. Zezza, R. Banerjee // *Global Food Security*. – 2013. – Vol. 2. – P. 30–40.
11. Кравченко, А. А. Политика Китая в области обеспечения продовольственной безопасности: модернизация аграрной сферы / А. А. Кравченко, О. О. Сергеева // *Азиатско-Тихоокеанский регион : экономика, политика, право*. – 2014. – № 4 (32). – С. 57–65.

REFERENCES

1. Anderson K., Strutt A. Food security policy options for China: Lessons from other countries. *Food Policy*, 2014, vol. 49, pp. 50–58.
2. Smyth J., Peter S., Phillips W.B., Kerr W.A. Food security and the evaluation of risk. *Global Food Security*, 2015, vol. 4, pp. 16–23.
3. Moseley G. Food Security and «Green Revolution». *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. Macalester College, Saint Paul, MN, USA: [Elsevier], 2015, pp. 307–310. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080970868910195> (accessed 10 December 2015).
4. Liua H., Wahla T.I., James L., Baic J. Household composition, income, and food-away-from-home expenditure in urban China. *Food Policy*, 2015, vol. 51, pp. 97–103.
5. Gustafssona B., Shi L.I., Sato H. Data for studying earnings, the distribution of household income and poverty in China. *China Economic Review*, 2014, vol. 30, pp. 419–431.
6. Li Y., Yu W. Households Food Security in Poverty-Stricken Regions: Evidence from Western Rural China. *Agriculture and Agricultural Science Procedia*, 2010, vol. 1, pp. 386–395.
7. Fan S., Brzeska J. Feeding More People on an Increasingly Fragile Planet: China's Food and Nutrition Security in a National and Global Context. *Journal of Integrative Agriculture*, 2014, vol. 13, pp. 1193–1205.
8. Coleman-Jensen A., Nord M., Andrews M., Carlson S. Household Food Security in the United States in 2010 – University of Glasgow. *USDA-ERS Economic Research Report*, 2011, vol. 125, pp. 29.
9. Gandhi V.P., Zhou Z. Food demand and the food security challenge with rapid economic growth in the emerging economies of India and China. *Food Research International*, 2014, vol. 63, pp. 108–124.
10. Carletto C., Zezza A., Banerjee R. Towards better measurement of household food security: Harmonizing indicators and the role of household surveys. *Global Food Security*, 2013, vol. 2, pp. 30–40.
11. Kravchenko A.A., Sergeeva O.O. Chinese Policy in the Area of Food Security: Modernization of Agriculture. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2014, no. 4 (32), pp. 57–65. (In Russian).

УДК 656.614.3:339.13(100)

И.Д. Зеленков¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
E-mail: zelenkov.id@students.dvfu.ru

Д.П. Цвир²

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
E-mail: tcvir.dp@dvfu.ru

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ МОРСКИХ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК НА МИРОВОМ РЫНКЕ

Аннотация. Рост объемов международной торговли обусловлен в том числе и техническим прогрессом на транспорте. Все большее количество стран используют во внешней торговле морской транспорт, основу которого составляют специализированные балкеры, танкеры, контейнеровозы. С их помощью становится возможным быстрый рост и совершенствование организации перевозок, а также снижение их себестоимости. В этом плане состояние мировой экономики, вектор её развития играют ключевую роль в развитии рынка морских перевозок. Значительный рост тоннажа, внедрение новых технологий морских перевозок, специализация (особенно контейнеризация) международных перевозок грузов всегда оказывали и продолжают оказывать заметное влияние на расширение международного обмена. Вследствие модернизации транспортных средств перевозки на дальние расстояния становятся более экономичными. В мировой торговый оборот привлекаются новые рынки, разделенные огромными водными пространствами, увеличивается номенклатура перевозимых грузов. В статье проводится

---

¹ Илья Дмитриевич Зеленков, магистрант 2-го года обучения, направление подготовки «Экономика», профиль «Логистика и управление транспортными перевозками на рынках АТР», кафедра мировой экономики, Школа экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

² Дарья Павловна Цвир, магистрант 2-го года обучения, направление подготовки «Экономика», профиль «Логистика и управление транспортными перевозками на рынках АТР», кафедра мировой экономики, Школа экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

Для цитирования: Зеленков, И.Д., Цвир, Д.П. Анализ динамики морских грузоперевозок на мировом рынке // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 68–79.

анализ объема мировых грузоперевозок за 2000–2013 гг., динамики мировых контейнерных перевозок за 2000–2014 гг., а также приведены крупнейшие операторы мирового контейнерного флота по состоянию на начало 2015 г. Можно выделить основные тенденции, которые характеризуют развитие морских грузоперевозок в мире с 2000 г. по 2014 г., это – неуклонное увеличение объема мировых морских грузоперевозок и развитие контейнерных перевозок. Проанализировав динамику морских грузоперевозок на мировом рынке, можно предположить, что закономерность развития мировой торговли влияет на темпы инновационного развития портов и флота, основанных в первую очередь на повышении доли контейнеровозов, оптимизации средней грузоподъемности основных типов судов, комплексности формирования капитальных активов судоходных компаний и портов.

Ключевые слова: логистика и транспорт, международная торговля, морской транспорт, мировой грузооборот, контейнерные перевозки, мировые контейнерные операторы.

Илья Д. Зеленков¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zelenkov.id@students.dvfu.ru

Darya P. Tcvir²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: tcvir.dp@dvfu.ru

ANALYSIS OF DYNAMICS OF MARINE CARGO WORLD MARKET

Abstract. The accelerated development of international trade is a result of technical progress in transport. A large number of the developed countries use sea transport for foreign trade. The fleet includes specialized bulk carriers, tankers, container ships, which provide for the rapid growth and improved organization of transport, and reduce their cost. The state of global economy

---

¹ Ilya D. Zelenkov, Master student second year, training direction "Economics", profile "Logistics and traffic on Asia-Pacific markets", Department of World Economics, School of Economics and Management Far Eastern Federal University, Vladivostok.

² Darya P. Tcvir, Master student second year, training direction "Economics", profile "Logistics and traffic on Asia-Pacific markets", Department of World Economics, School of Economics and Management Far Eastern Federal University, Vladivostok.

For citation: Zelenkov, I. D., Tcvir, D. P. Analysis of dynamics of marine cargo world market // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 68–79.

plays a key role in the development of the shipping market. Significant growth of tonnage, introduction of new technologies of shipping, specialization (especially containerisation) of international transport of goods have always had and continue to have the same significant impact on the expansion of international exchange. As a result of the modernization of transport vehicles, long-distance transportation are more economical. The world trade volume involved in new markets, separated by huge expanses of water, increases the nomenclature of transported cargoes. The article analyzes the global cargo transportations volume for 2000–2013 years, the dynamics of world container traffic for the years 2000–2014, and provides the largest operators of the global container fleet at the beginning of 2015. It is possible to identify the main trends that characterize development of shipping in the world in 2000–2014 – a steady increase in global sea freight and the development of container transport. After analyzing the dynamics of shipping in the global market, it can be assumed that the pattern of world trade affects the pace of innovation development of ports and fleet based primarily on increasing of the proportion of container carriers, medium-lift capacity of the main types of vessels, the complexity of forming capital assets of shipping companies and ports.

Keywords: logistics, transport, international trade, maritime transport, global cargo turnover, container shipping, international container operators.

Транспорт является необходимым звеном в производственных процессах, определяющих условия производства и перемещения в пространстве продукции. В международном разделении труда он является необходимым условием его осуществления. С другой стороны, продукция транспорта – транспортные услуги – подвержены воздействию быстро изменяющихся рыночных факторов: колебаниям цен на топливо, соотношению спроса и предложения на перевозку грузов, состоянию политических и экономических отношений различных государств и других факторов.

В общей классификации транспорта одна из ведущих ролей отводится морскому транспорту, который по сравнению с другими видами имеет более низкую себестоимость перевозок, обеспечивает перевозку больших партий грузов и является практически незаменимым для отдельных стран в силу их географического положения. В настоящее время морским транспортом перевозится большая часть мировых грузов, особенно наливных: сырой нефти, нефтепродуктов, сжиженного газа и продуктов химической промышленности. По морским торговым путям ежегодно перевозят товары стоимостью более 1,5 млрд долл. А в суммарном мировом грузообороте доля морского транспорта составляет более 60% [2].

Общемировой объем морских перевозок ежегодно возрастает. Так, в начале 2000 г. объем перевезенного груза морем составлял 5 984 млн т, в 2013 г. этот показатель составил 9 548 млн т, что соответственно показывает увеличение объема грузоперевозок на 59,5% (табл. 1).

Таблица 1

Объем мировых грузоперевозок в 2000–2013 гг. [10]

Год	Объем грузов, млн т	Изменение по сравнению с прошлым годом, млн т	Темп прироста, %
2000	5984	-	-
2001	6020	36	0,6
2002	6127	107	1,8
2003	6480	353	5,8
2004	6758	278	4,3
2005	7109	351	5,2
2006	7700	591	8,3
2007	8034	334	4,3
2008	8229	195	2,4
2009	7858	-371	-4,5
2010	8409	551	7,0
2011	8784	375	4,4
2012	9197	413	4,7
2013	9548	351	3,8
2013 к 2000			59,5

В первой половине первого десятилетия XXI в. рост объемов перевозимых в мире грузов усилился. В 2006 г. темп прироста достиг наивысшего уровня (8,3%) за весь рассматриваемый период. С 2007–2009 гг. наблюдается снижение объемов грузоперевозок, в 2009 г. темп прироста достиг отрицательного значения. Однако уже с 2010 г., после восстановления экономик, виден рост объема грузоперевозок. Объем перевезенных грузов увеличился в 2010 г. на 551 млн т, до 8 409 млн т, а в 2011 г. еще на 4,4% по сравнению с 2010 г. Такое расширение было вызвано быстрым ростом объемов перевозок сухих грузов в результате энергичного увеличения контейнерных перевозок и перевозок основных массовых грузов. Рост объемов грузоперевозок в 2012 г. составил 4,7%, однако в 2013 г. данный показатель понизился до 3,8%, достигнув объема грузоперевозок 9 548 млн т.

В структуре сухих грузов, перевозимых морским транспортом, большая доля приходится на следующие пять массовых видов: уголь, железную руду, зерно, бокситы/глинозем и фосфатную руду (рис. 1). По

сравнению с 2000 г. их грузооборот вырос на 128%, в 2014 г. их доля составила 31% мирового грузооборота (в 2000 г. – 23%).

Второе место занимают сухие грузы, включающие сельскохозяйственные навалочные грузы, удобрения, металлы, минеральное сырье, сталь и лесопродукты. По сравнению с 2000 г. грузооборот сухих грузов вырос на 40%. Однако в структуре общего мирового грузооборота в 2014 г. доля сухих грузов составила 28% (в 2000 г. – 34%).

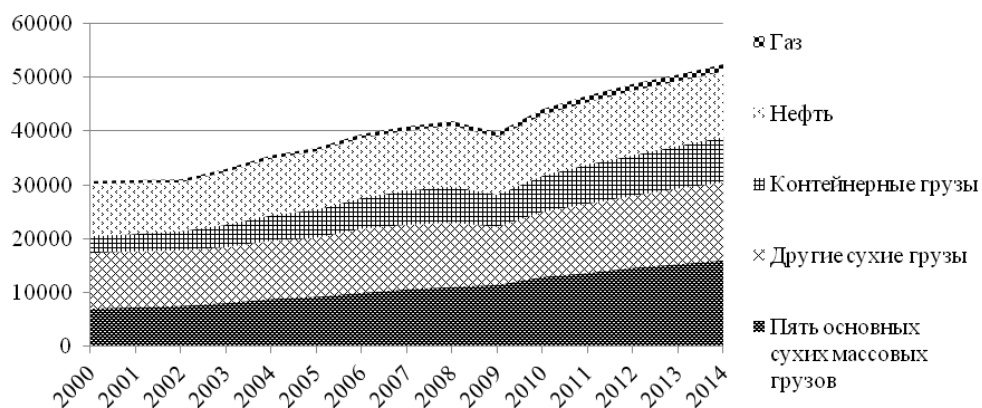

Рис. 1. Грузооборот по видам грузов в 2000–2014 гг., т – миль [11]

Третье место по грузообороту приходится на грузоперевозки нефти, 23% общемирового грузооборота. Четвертое место занимают контейнерные перевозки, в общемировом грузообороте – более 16%. На протяжении многих десятилетий контейнерные перевозки являются самым быстро растущим сегментом рынка [12]. Последнее место занимают перевозки газа, чуть больше 2,5% от общемирового.

Анализ мирового грузооборота по видам грузов (рис. 2) показывает, что большие изменения происходят в контейнерных грузоперевозках и в перевозках газа. Наибольший темп прироста в контейнерных грузоперевозках был достигнут в 2003 г. и составил 17%, газа в 2010 г. – 23%. В 2009 г. по всем грузам наблюдалось снижение грузооборота, в связи с последствиями финансового кризиса 2008 г.

Производство готовой продукции вызвало необходимость у азиатских стран развивать контейнерные перевозки, и на сегодняшний день они являются лидерами в этой области, включая производство самих контейнеров [9]. Контейнеризация, как главное технологическое достижение, кардинально изменила характер морских перевозок. Прежде всего, массовое внедрение контейнеров привело к увеличению размеров судов и использованию крупных контейнеровозов преимущественно на главных

направлениях перевозок между Западом и Востоком. Важным фактором, оказавшим большое влияние на развитие контейнерных и смешанных перевозок, явилось внедрение информационных систем, спутниковой связи, автоматизации судовых средств [5].

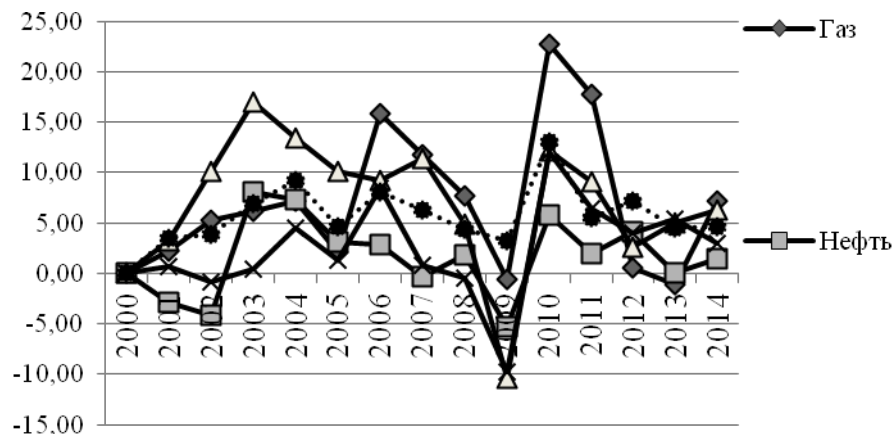

Рис. 2. Темпы прироста мирового грузооборота по видам грузов в 2000–2014 гг., % [11]

Универсальность и экономичность перевозок грузов в контейнерах являются одной из причин роста популярности данного способа доставки. Линейный сервис по доставке контейнеров удобен как для судовладельцев, так и для грузоотправителей, так как позволяет загружать суда в обоих направлениях и избегать «пустых рейсов», что в свою очередь сказывается на общей стоимости фрахта. Кроме этого, номенклатура грузов, которые можно перевозить в контейнерах, очень обширна, что в результате делает «универсальные контейнеры» очень привлекательным способом транспортировки даже для тех грузовладельцев, которые ранее пользовались другим видом транспорта [4].

Однако роль контейнеровозов, по сравнению с судами для генеральных грузов, увеличивается постепенно. На контейнерные перевозки приходится более 16% мирового объема морских перевозок. Кроме продукции обрабатывающей промышленности, на сегодняшний день в стандартных морских контейнерах перевозится все больше сырьевых товаров (таких, как кофе, сельскохозяйственное сырье), а также рефрижераторных грузов (мясо, фрукты, рыба) [11].

До мирового финансового кризиса и последовавшей за ним рецессией мировой рынок контейнерных перевозок характеризовался устойчивым ростом, который возобновился после кризиса (рис. 3).

По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), объем морских контейнерных перевозок в мировой торговле увеличился с

2000–2008 гг. более чем в 2 раза. На контейнеры приходится около 60% в стоимостном выражении и 25% в весовом измерении сухих грузов, перевозимых морем [8].

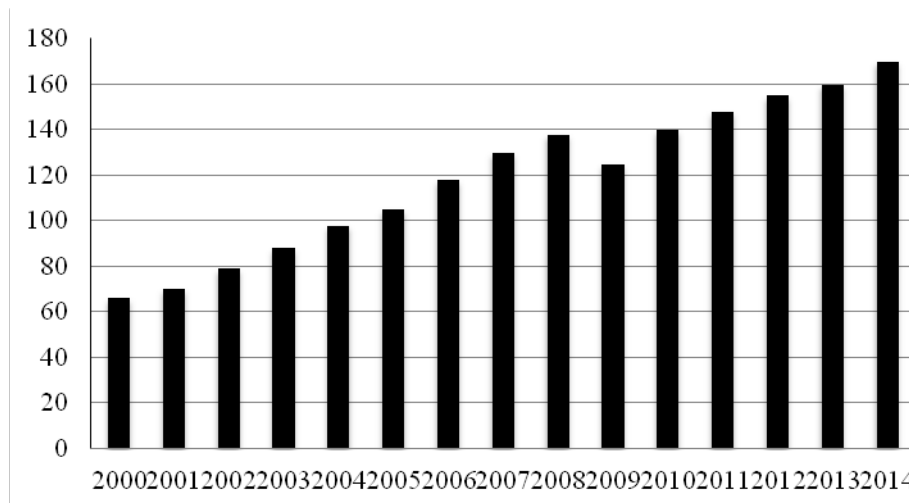

Рис. 3. Динамика контейнерных перевозок в 2000–2014 гг., млн TEU [11]

В 2008 г. объем морских контейнерных перевозок достиг 137 млн TEU. Прогнозировался их дальнейший рост на уровне 9–10% в год, однако снижение деловой активности из-за наступившего мирового финансового кризиса привело к значительному снижению их перевозок до 124 млн TEU [8]. В связи с резким падением глобального спроса на контейнерные грузоперевозки в начале 2009 г. произошло снижение ставок морского фрахта до 50%, что соответствовало отраслевому уровню нулевой рентабельности морских перевозчиков [6].

Несмотря на замедление темпов роста из-за снижения объемов перевозок на магистральных маршрутах Восток – Запад, в частности на направлении Азия – Европа [12], объемы контейнерных перевозок в 2012 г. расширились и составили 155 млн TEU. С 2013–2014 гг. рынок контейнерных перевозок продолжает стабильно расти. В 2013 г. объем перевозок составил 160 млн TEU, а в 2014 г. превысил данный показатель.

Крупнейшим игроком на рынке морских контейнерных перевозок является Китай, на который приходится наибольшее количество экспортированных и импортированных груженых контейнеров. В 2010 г. экспорт Китая составил 31,3 млн TEU, а импорт – 12,0 млн TEU. Если рассматривать Большой Китай (КНР, Тайвань, Гонконг), то экспорт из Китая увеличивается до 36 млн TEU, импорт до 17 млн TEU (31,5% и 17% всего экспорта и импорта соответственно).

Из наметившихся тенденций следует отметить устойчивую динамику роста контейнерного экспорта, показываемую рядом развивающихся стран, таких как Бразилия, Индонезия, Малайзия, Таиланд, которые усиленно наращивают объемы контейнерного экспорта и по этому показателю превосходят многие развитые страны, включая Германию, Францию и Италию [8].

Ведущая роль Китая в контейнерных перевозках обеспечивается развитой портовой инфраструктурой. В списке первых одиннадцати крупнейших контейнерных портов мира (рис. 4) десять относятся к азиатскому континенту.

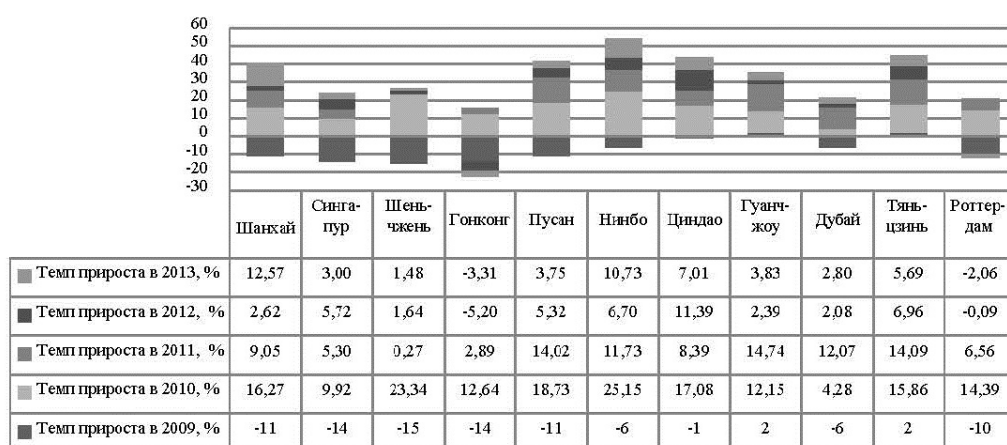

Рис. 4. Темпы прироста контейнерооборота в 2009–2013 гг., % [11]

По итогам 2014 г. первое место в мире по контейнерообороту занял порт Шанхай (35,2 млн TEU), второе – Сингапур (33,7), третье – Пусан (23,4), четвертое – Шэньчжэнь (23,2), пятое – Гонконг (2,3 млн TEU). В целом на долю Азии приходится около 60 % контейнерного грузопотока, проходящего через порты мира [8].

Результаты анализа показывают, что хотя страны Азии по-прежнему играют ведущую роль в динамике глобального спроса на услуги контейнерных портов, происходит замедление темпа прироста. Вместе с тем, в сравнении с сектором морских перевозок с его проблемами избыточного предложения судов и снижения фрахтовых ставок, масштабы деятельности контейнерных портов расширяются.

Мировой рынок морских контейнерных перевозок поделен между крупными судоходными компаниями. Тройку лидеров возглавляют компании, которые имеют штаб-квартиры в Дании, Швейцарии и Франции.

На рис. 5 отражены крупнейшие операторы мирового контейнерного флота по состоянию на март 2015 г. Наиболее крупным оператором судов являлась датская компания Maersk-Line, на втором месте швейцарская компания MSC, на третьем французская компания CMA CGM S.A. Далее, на четвертом месте, находится компания Hapag-Lloyd, замыкает пятерку тайваньская компания Evergreen Line. Китайская компания Cosco является мировым лидером в секторе навалочных грузов, а также занимает шестое место в числе десяти крупнейших мировых контейнерных операторов.

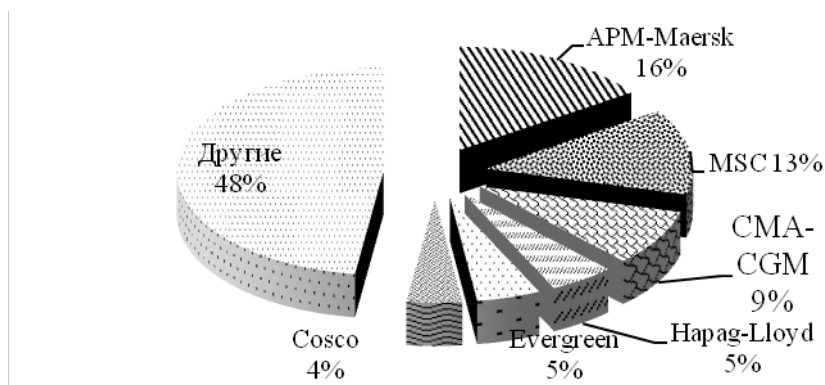

Рис. 5. Крупнейшие операторы мирового контейнерного флота в 2015 г., % [10]

Среди океанических бассейнов на первом месте по объему морских грузоперевозок находится Атлантический океан (1/2 всех морских перевозок), по его побережью расположены крупнейшие морские порты зарубежной Европы и Америки (более 65 %). В Атлантическом океане сложилось несколько направлений морского судоходства:

- Североатлантическое (крупнейшее в мире), связывающее Европу с Северной Америкой;
- Южноатлантическое, связывающее Европу с Южной Америкой;
- Западноатлантическое, связывающее Европу с Африкой [1].

Второе место по объему морских перевозок принадлежит Тихому океану. К берегам Тихого океана выходит 30 государств с населением 2,5 млрд человек, многие из которых (Япония и новые индустриальные страны (НИС)) имеют высокие темпы экономического развития. На его берегах расположено много крупных портов Японии, Китая, Австралии, США, Канады, а также портов стран Юго-Восточной Азии. Крупнейший грузопоток здесь наблюдается между США и Японией [1].

Третье место по объему морских перевозок приходится на Индийский океан, к его берегам выходит 30 государств с населением 1 млрд человек

[1]. Наиболее мощные грузопотоки приходятся на район Персидского залива.

На географию морских перевозок большое влияние оказывают морские проливы и судоходные каналы: Ла-Манш, через него проходит больше всего судов – 800 в сутки; Гибралтарский – 200; Ормузский – 100; Босфор – 40 судов в сутки и т.д. [1].

Сложилась достаточно устойчивая продуктовая направленность основных мировых грузоперевозок:

1) Нефть и нефтепродукты: из стран Ближнего Востока в Западную Европу, США и Японию; из района Карибского моря в США и Западную Европу;

2) Уголь: из Австралии, ЮАР, США в Западную Европу и Японию;

3) Железная руда: из Бразилии в Японию; из Австралии в Западную Европу и Японию;

4) Зерновые культуры: из США, Канады, Австралии и Аргентины в развивающиеся страны Африки и Латинской Америки.

В целом, сформировались следующие основные тенденции, характеризующие развитие морских грузоперевозок в мире с 2000 г. по 2014 г.:

1) Неуклонное увеличение объема мировых морских грузоперевозок;

2) Основные грузы морского транспорта: уголь, железная руда, зерно, бокситы/глиноземы и фосфатная руда;

3) Современные тенденции грузоперевозок знаменуются активным развитием и продолжающимся ростом контейнерных перевозок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. География мирового хозяйства. Транспорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geographyofrussia.com/morskoj-transport-2/>.

2. Куан, М. В. Спасательные суда и вопрос обеспечения безопасности морского транспорта в мире и во Вьетнаме // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. – 2013. – № 3. – С. 182–188.

3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

4. Министерство транспорта Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.mintrans.ru>.

5. Торговый флот России в мировом судоходстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.morflot.ru/archives/articles1842file.pdf>.

6. Мацинина, С. Современное состояние рынка контейнерных перевозок и перспективы его развития (основные преимущества и актуальные проблемы) // Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2011. – № 2. – С. 81–84.

7. Фисенко, А. И. Состояние и задачи развития российского судостроения в условиях изменения структуры мирового рынка предложения тоннажа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/117-13671>.

8. Черенков, Н. И. Интермодальные перевозки и мировой контейнерный флот : динамика и структура / Н. И. Черенков, С. А. Русановский // Инфраструктуры отрасли экономики : проблемы и перспективы развития. – 2013. – № 3. – С. 106–117.

9. Щербанин, Ю. А. Транспорт и экономический рост : взаимосвязь и влияние // Евразийская экономическая интеграция. – 2011. – № 3. – С. 65–78.

10. UNCTADSTAT. Maritime Transport [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unctadstat.unctad.org/EN/>.

11. Review of Maritime Transport UNCTAD, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2014_en.pdf.

12. Review of Maritime Transport UNCTAD, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2013_ru.pdf.

REFERENCES

1. *Geography of the World Economy. Transport*. Available at: <http://geographyofrussia.com/morskoj-transport-2/> (accessed 10 December 2015). (In Russian).

2. Kuan M.V. Rescue ships and the issue of security of maritime transport in the world and in Vietnam. *Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R. E. Alekseeva* [Works the Nizhny Novgorod State Technical University. R.E. Alekseeva], 2013, vol. 3, pp. 182–188. (In Russian).

3. *The official website of the Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru/>.(accessed 10 December 2015). (In Russian).

4. *The official website of the Ministry of Transport of the Russian Federation*. Available at: <http://www.mintrans.ru> (accessed 10 December 2015). (In Russian).

5. *The merchant fleet of Russia in the world shipping*. Available at: <http://www.morflot.ru/archives/articles1842file.pdf> (accessed 10 December 2015). (In Russian).

6. Matsinina S. Current status of the container market and prospects of its development (the main advantages and current problems. *Resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsya*, 2011, vol. 2, pp. 81–84. (In Russian).

7. Fisenko A.I. *Status and tasks of the Russian shipbuilding industry in the changing structure of the world market offers tonnage*. Available at: <http://www.science-education.ru/117-13671> (accessed 10 December 2015). (In Russian).

8. Cherenkov N.I., Rusanovsky S.A. Intermodal transportation and global container fleet:dynamics and structure. *Infrastruktury otrasli ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya*, 2013, vol. 3, pp. 106–117.

9. Shcherbanin Yu.A. Transport and economic growth: the relationship and influence. *Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya*, 2011, vol. 3, pp. 65–78. (In Russian).

10. UNCTADSTAT. *Maritime Transport*. Available at: <http://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed 10 December 2015).

11. *Review of Maritime Transport UNCTAD, 2014*. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2014_en.pdf (accessed 10 December 2015).

12. *Review of Maritime Transport UNCTAD, 2013*. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2013_ru.pdf (accessed 10 December 2015).

ПРАВО LAW

УДК 342.56(5:265)

Ю.Ю. Попова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Подлинно демократическое государство немислимо без существования судебной власти, отвечающей за правопорядок и призванной обеспечить возникающие конфликты и разногласия на основе принципа верховенства закона. Судебная власть находится в тесном взаимодействии с законодательными (представительными) и исполнительными органами. Законодательная власть принимает законы, которые определяют вопросы, находящиеся в компетенции судебной власти. Исполнительная власть призвана их реализовывать и обеспечивать материально-технические составляющие деятельности судебной власти. Вместе с тем ни та, ни другая ветви власти не в праве вмешиваться в деятельность судов. В соответствии с Основными принципами независимости судебных органов (приняты на VII Конгрессе ООН в 1985 г.) на судей возлагаются обязанности принимать окончательное решение по вопросам жизни и смерти, свободы, прав, обязанностей и собственности граждан. Судебная власть именуется властью, потому что от решений осуществляющих ее судов зависят судьбы людей, имущества, актов управления. Решение и приговор суда – это властные ак-

---

¹ Юлия Юрьевна Попова, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Попова, Ю.Ю. Конституционные основы организации судебной власти в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 80–89.

© Попова Ю.Ю., 2015

ты. Они не могут быть отменены ни законодательным, ни исполнительным органом, ни главой государства. Проблема организации судебной власти является одной из наиболее актуальных в современной отечественной правовой науке. Неоднозначное отношение к реформе судебной системы, ознаменованной объединением Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда России, сопровождаемой упразднением отдельных конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (Челябинская область, Республика Бурятия) [1, с. 36; 2], побуждает обратить внимание на то, как устроена судебная власть в зарубежных государствах. Учитывая, что перед нашей страной поставлена стратегическая задача усилить участие в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целях содействия ускоренному социально-экономическому развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [3], особый интерес представляет конституционный опыт организации судебной власти отдельных государств этого региона.

Ключевые слова: судебная власть, судебная система, принцип разделения властей, конституция, общепризнанные принципы и нормы международного права.

Yulia Yu. Popova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

CONSTITUTIONAL BASIS OF THE JUDICIARY IN THE ASIA-PACIFIC RIM

Abstract. A truly Democratic state is unthinkable without the existence of the Judiciary – the third branch of government responsible for the rule of law and resolving of conflicts and differences through the rule of Law. The Judiciary is in close cooperation with the Legislative (Representative) and Executive powers. The Legislature passes laws that define the issues within the competence of the Judiciary. The Executive branch implements the statute and provides for logistical components of the Judiciary. However, neither branch of power has the right to interfere with the work of the judiciary system. In accordance with the basic principles adopted in 1985 at the VII Congress of the UN on the independence of

---

¹ Yulia Yu. Popova., PhD, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Popova, Yu. Yu. Constitutional basis of the Judiciary in the Asia-Pacific Rim // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 80–89.

the Judiciary system, judges are responsible for the ultimate decision over life and death, freedom, rights, duties and property of citizens. Judicial power is called the power since its decisions control the life, property of people and administrative acts. The decision and the verdict are the acts of power. Any Legislative or Executive body, even the Head of state, can't cancel them. The problem of the organization of the Judiciary is one of the most relevant in the modern domestic legal science. The ambiguous attitude towards the reform of the Judicial system, marking the union of the Supreme Arbitration Court, and the Supreme Court of Russia, followed by the abolition of the individual Constitutional (Charter) Courts of subjects of the Russian Federation (Chelyabinsk region, Republic of Buryatia) [1, p.36; 2], urges to pay attention to Judiciary systems in foreign countries. Since our country has set a strategic goal to increase participation in the integration processes in the Asia-Pacific Rim to promote the accelerated socio-economic development of Eastern Siberia and the Far East of the Russian Federation [3], the constitutional experience of the judicial power of individual states in the region of or particular interest.

Key words: the Judiciary, the Judicial System, the Separation of powers, the Constitution, Generally Recognized Principles and Norms of International Law.

В структуре действующих конституций стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) содержатся специальные разделы, определяющие основы судебной власти. Обычно они следуют за разделами о законодательной (представительной) и исполнительной власти. В Конституции Китайской Народной Республики данный раздел именуется «Народный суд и народная прокуратура»; в Конституции Японии – «Судебная власть»; в Конституции Республики Корея – Суды», «Конституционный Суд». Основная часть конституций ограничивается кратким перечислением действующих в стране судов и судебных подсистем, определяет статус верховного суда или иных судов при наличии в стране нескольких юрисдикций. Конституционная регламентация охватывает три аспекта: организацию судебной системы, конституционный статус судей, основные принципы осуществления правосудия. Судебная система, полномочия судов, статус судей устанавливаются специальными законами, такими как: Законы Республики Корея «Об организации суда» и «О Конституционном Суде», Судебный акт США, Закон Японии «О судах» и др. Согласно Конституции Канады сущность судебной власти заключается в толковании и применении Конституции, отправлении справедливого правосудия как в области публичных, так и в области частных споров. Аналогичные положения содержат Конституции Австралии и США. В них говорится, что судебная

власть осуществляется судами в строгом соответствии с законом. Анализ законодательства стран АТР позволяет сделать вывод, что судебной власти этих государств присущи черты, характерные для судебной власти большинства стран мира:

1. Только судебная власть может осуществлять правосудие (Конституцией Японии, к примеру, запрещено учреждение чрезвычайных трибуналов, а также передача полномочий по вынесению окончательного решения исполнительной власти и иным органам, ст. 76).

2. Судебная власть осуществляется в строго установленной судами процедуре.

3. Судебная власть осуществляется системой судебных органов (судебная власть Соединенных Штатов сосредоточена в Верховном Суде и низших судах (статья 3 раздела 1 Конституции США); вся судебная власть принадлежит Верховному Суду и таким нижестоящим судам, которые установлены законом (статья 76 Конституции Японии); судебная система Республики Корея складывается из Верховного Суда Республики и специальных судов (часть 2 статьи 101 Конституции Республики Корея).

4. Конкретный характер судебной власти. Суд, как правило, рассматривает конкретное нарушение права. Судебное разбирательство начинается при условии обращения какого-нибудь субъекта в суд – суд редко может начать рассматривать дела по собственной инициативе. Исключение – суды конституционной юрисдикции, которые осуществляют абстрактный конституционный контроль в связи с обращением парламента, главы государства, правительства и иных лиц, обладающих правом на такое обращение.

Порядок формирования судов в государствах АТР разнообразен. В большинстве стран судьи назначаются. В одних государствах назначение судей входит в прерогативу главы государства или его представителя (статья 104 Конституции Кореи, статья 72 Конституции Австралии), в других – судей назначает глава государства по представлению правительства, в третьих – глава парламента по представлению главы государства (статьи 96–97 Конституции Мексики). В Японии судьи Верховного Суда избираются гражданами. Этот процесс привязывается к выборам Палаты Представителей (статья 79 Конституция). В США принципы выборности и назначаемости судей сочетаются: судьи Верховного Суда назначаются Президентом по совету и с согласия Сената, при этом в большинстве штатов судьи избираются [4, с. 420].

Согласно Конституции КНР Верховный народный суд формируется высшими органами законодательной власти: Председателя суда избирает Всекитайское собрание народных представителей, а Постоянный комитет ВСНП – судей. Верховный народный суд ответственен перед Всекитайским собранием народных представителей и его Постоянным комитетом, которые вправе в любое время изменить его состав, а местные суды различных уровней – перед создавшими их местными органами государственной власти [5, с. 93].

При назначении или избрании судей к кандидатам обычно предъявляются достаточно высокие требования. Как правило, это наличие гражданства, правоспособности, высоконравственное поведение, обладание жизненным опытом (возрастной ценз), наличие необходимой профессиональной подготовки и стаж работы по специальности. К примеру, лицо, назначаемое на должность судьи Верховного Суда Японии, должно достигнуть 40-летнего возраста и обладать широким познанием права. Как минимум 10 судей Верховного Суда Японии должны служить не менее 10 лет в качестве судей высшего суда, районного суда, суда по семейным спорам, или минимум 20 лет прослужить в дисциплинарном суде или прокурором, адвокатом, профессором права [6].

Интересен опыт формирования судебной власти Республики Корея. Верховный Суд Республики состоит из 14 судей. Председатель Верховного Суда назначается Президентом страны с согласия Национальной Ассамблеи на 6 лет. Остальных членов Верховного Суда глава государства назначает по рекомендации Председателя. Возраст Председателя должен быть не меньше 40 и не более 70 лет, он не может быть назначен на второй срок. Срок полномочий остальных членов Верховного Суда составляет 6 лет (возраст – от 40 до 65 лет). Судьи иных инстанций назначаются Председателем Верховного Суда сроком на 10 лет на собрании Верховного Суда. Судьи, за исключением Председателя, могут быть переназначены на следующий срок. Председатель и остальные члены Верховного Суда должны иметь опыт работы не менее 15 лет в качестве судей, прокуроров или адвокатов. Все другие судьи обязаны сдать государственный экзамен по праву и пройти обучение на специальных квалификационных курсах, организованных государством. Судья не может быть членом Парламента Республики, занимать должности в органах исполнительной власти, быть членом политической партии, а также заниматься другой оплачиваемой деятельностью без разрешения председателя.

Как уже отмечалось, статус судьи закрепляется в специальном законодательстве, положениях и других актах, но в некоторых конституциях содержатся определенные конкретные требования. Так, например, Конституция Мексики говорит, что членом Верховного Суда страны может стать мексиканский гражданин по рождению, обладающий всеми политическими и гражданскими правами, ко дню избрания не старше 65 и не моложе 35 лет, имеющий высшее юридическое образование, удостоверяемое дипломом, выданным не менее чем за 5 лет до избрания, имеющий хорошую репутацию и не имеющий судимости за преступление, влекущее тюремное заключение на срок более 1 года, а также связанное с хищением имущества, мошенничеством, подлогом, со злоупотреблением доверием. Судья Верховного Суда Мексики должен проживать в стране в течение последних 5 лет (статья 95).

Что касается срока полномочий судей, то, например, в соответствии со статьей 124 Конституции КНР Председатель Верховного народного суда Китая может занимать эту должность не более двух сроков подряд. В настоящее время чаще можно встретить то, что конституционно устанавливается первичный срок пребывания судей в должности. Так, в соответствии со статьей 80 Конституции Японии судьи нижестоящих судов назначаются Кабинетом министров вначале на срок десять лет, а затем вторично. Длительность пребывания судьи в должности является важнейшей гарантией его независимости. Более всего ее обеспечивает пожизненное назначение. В современном конституционном праве пожизненное назначение судей прямо установлено законодательством Тайваня.

Еще одним аспектом конституционного регулирования судебной власти выступают вопросы судебной системы государства. Как правило, современные конституции содержат характеристики основных параметров судебных систем, несмотря на то обстоятельство, что государственная судебная система обладает весьма сложной структурой и разветвленной системой организационных и процессуальных взаимосвязей.

Выделяют судебные системы с внутренней и внешней специализацией. Традиционно признак специализации выражен на конституционном уровне посредством учреждения тех или иных видов специализированных судов (Корея, Россия). В системах с внутренней специализацией (Китай, отчасти США) один судебный орган рассматривает споры, возникающие во всех сферах права, для чего внутри каждого суда могут выделяться самостоятельные составы (присутствия, коллегии, сенаты, скамьи, камеры) или единоличные судьи, специализирующиеся на рассмотрении дел одного профиля. Предметом рассмотрения в суде может стать и вопрос законности и конституционности того или иного акта или действия. Причем возможны два варианта: подобный спор может быть рассмотрен судом любого уровня (Япония) или вынесен на рассмотрение только верховного суда страны (Австралия, Канада) [7, с. 551].

В системах с внешней специализацией формируются несколько самостоятельных подсистем, которые непосредственно поименованы в конституционных текстах, например: общей (уголовные и гражданские дела), конституционной, административной, военной, социальной, трудовой, налоговой, финансовой, семейной, ювенальной (США, Сингапур), арбитражной или хозяйственной юстиции (Россия), электоральной (Мексика, Эквадор, Чили), сельскохозяйственной (фермерские суды в Канаде).

Особое место среди специализированных судов отведено конституционным и административным судам (трибуналам). Конституционное законодательство ряда государств включает в состав судебной власти специальные органы, осуществляющие конституционное правосудие (Россия, Республика Корея), наделяя их значительной долей самостоятельности.

К юрисдикции административных судов относится, как правило, решение вопросов о соответствии закону актов и действий органов и должностных лиц органов исполнительной власти. Административная юстиция существует в США. С сентября 2015 г. она начала действовать и в России [8].

Каждая из подсистем, в свою очередь, характеризуется достаточно сложной организационной структурой. Так, в Сингапуре существуют суды по семейным спорам, конорельские суды (рассматривают дела об убийстве), суды по мелким спорам (защита прав потребителей и др.). Помимо судов общей юрисдикции в КНР существуют специализированные суды, к которым относятся: военные суды, суды по морским спорам, суды по железнодорожным спорам.

Судебные системы, как правило, имеют жесткую иерархическую, или «вертикальную», организационную структуру, что также отражено в конституциях. Это обусловлено, с одной стороны, требованиями судебного процесса (возможность обжалования решений низших судов «по инстанции»), с другой – формой государственного устройства конкретного государства. Количество судебных звеньев или инстанций колеблется обычно от двух до четырех. Обычным считается существование двух инстанций – первой и второй. Вторая инстанция призвана предоставить дополнительные гарантии справедливого рассмотрения дела. К примеру, в Сингапуре гражданские или уголовные дела, разрешенные районным судом или магистратом, могут быть пересмотрены Высоким Судом. Дела, разрешенные Высоким Судом, могут быть обжалованы в Апелляционный суд. И Высокий, и Апелляционный суды входят в состав Верховного Суда Сингапура.

Перейдем к рассмотрению принципов организации и деятельности судебной власти государств АТР.

Осознание существования судебной защиты в качестве основополагающей ценности современного государственно-политического устройства привело к формированию значительного числа принципов, посвященных надлежащей организации судебной власти в государстве, содержащихся как в собственно международных актах, так и в документах рекомендательного характера.

Принципы, содержащиеся в международно-правовых и конституционных актах государств АТР, можно объединить в три группы: 1) принципы организации судебной власти; 2) принципы ее деятельности; 3) принципы конституционно-правового статуса судей.

К первым можно отнести: универсальность правосудия, независимость, запрет на создание чрезвычайных судов и трибуналов, участие народа в осуществлении правосудия. Ко вторым – беспристрастность, состязательность, равенство граждан перед судом, публичность, устность и непосредственность, участие народа в осуществлении правосудия (суд присяжных), единоличность, разумный срок рассмотрения дела и др.

Одним из фундаментальных и неотъемлемых прав человека является универсальное право на судебную защиту от любых проявлений произвола (ст. 31 и 38 Конституции Японии 1946 г., ст. 46 Конституции РФ), исключая возможность отказа в правосудии (ст. 32 Конституции Японии, ст. 19 и 46 Конституции РФ).

Важнейшим принципом, закрепленным практически всеми современными конституциями, выступает принцип независимости судебной власти (суда, судей). Он предполагает неразрывное единство независимости судов в отношении с другими государственными или общественными органам. Данный принцип выражается в формировании самоуправляющейся и обособленной судебной системы и в прямом запрете иным государственным органам осуществлять судебную деятельность либо вмешиваться в нее (ст. 130 Конституции Вьетнама 1992 г., ст. 126 Конституции Китая 1982 г.).

Принцип осуществления правосудия только надлежащим судом и судьей также закреплен в большинстве современных конституций (ст. 76 Японии, ст. 124 Конституции Китая, ст. 118 Конституции РФ).

Гарантией независимости судебной власти и ее осуществления только судебными учреждениями является и конституционный запрет на создание чрезвычайных судов (трибуналов) (ст. 118 Конституции РФ, ст. 76 Конституции Японии).

Среди основополагающих начал организации и деятельности суда, с одной стороны, и конституционного статуса гражданина (право на информацию), с другой, выделяют принцип публичности или открытости правосудия.

Многие конституции содержат правило, устанавливающее ведение судопроизводства на государственном языке, а также исключение из него, позволяющее участнику судебного процесса выступать на родном языке, а не на языке судопроизводства и пользоваться в этом случае услугами переводчика (ст. 134 Конституции Китая).

В принципе коллегиальности традиционно выделяют два основных направления: осуществление судебной функции несколькими профессиональными судьями (ст. 82 Конституции Японии) и участие народа в отправлении правосудия (суды присяжных). Конституция России непосредственно закрепляет право на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в случаях возможности назначения за содеянное исключительной меры наказания (смертной казни) или за совершение особо тяжкого преступления против жизни (ст. 20, 123). Конституция США учреждает указанную форму участия граждан в отправлении правосудия (ст. III) и косвенно определяет компетенцию и некоторые виды суда присяжных (поправки III, V–VII). Суды присяжных наиболее широко распространены в странах, воспринявших англосаксонскую или американскую правовую систему.

Отдельно выделяются принципы, определяющие статус судей. К ним относится принцип независимости судей, наиболее точно отражающий идею существования самостоятельной, автономной власти, обособленной от других ветвей, и подчинение ее только конституции и закону (беспристрастность).

Принцип неприкосновенности судьи выражается в установлении особого порядка привлечения судьи к уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности. Основанием для освобождения судьи от должности является вступивший в юридическую силу в отношении него приговор. Решение об отрешении судьи от должности принимается, как правило, верховными судами. В некоторых странах проблема отстранения судьи от должности может быть решена только в порядке импичмента (ст. I, II Конституции США, ст. 78 Конституции Японии). Смещение судьи Верховного Суда Австралии возможно. Это находится в прерогативе Генерал-Губернатора, который осуществляет его по ходатайству Палат Парламента. Основанием для смещения могут послужить неправомерные действия или недееспособность судьи (статья 72 Конституции).

Дополнительной гарантией независимости судей является закрепление на конституционном уровне принципа должного материального обеспечения судей. В соответствии со ст. III Конституции США судьи Верховного и нижестоящих судов в установленные сроки получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено во время пребывания в должности. Конституция России гарантирует финансирование судов из средств федерального бюджета в объеме, обеспечивающем возможность полного и независимого осуществления правосудия (ст. 124).

Таким образом, мы видим, что судебная власть в государствах АТР занимает особое место в системе разделения властей. Конституционное законодательство большинства стран АТР подтверждает осуществление правосудия на основе общепризнанных принципов и норм международного права, а также подчеркивает немаловажную роль судебной ветви власти в обеспечении порядка и законности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасев, А. Т. К вопросу об упразднении уставного суда Челябинской области / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин // Проблемы права. – 2014. – № 2 (45). – С. 36–40.
2. Савоськин, А. В. Возможно ли упразднение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. В. Савоськин, А. О. Казанцев // Отрасли права : аналитический портал. – Режим доступа: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3076>.

3. О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – 7 мая, № 19. – Ст. 2342.

4. Енгибарян, Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р. В. Енгибарян. – М. : НОРМА, 2010. – 496 с.

5. Бевеликова, Н. М. Конституционные основы судебной власти в Китае, Корее и Японии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 2. – С. 95–102.

6. Luney, P. R. The Judiciary: it's organization and status in the parliamentary system [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4029&context=lcp>.

7. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование : монография / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М. : НОРМА, 2011. – 656 с.

8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Российская газета. – 2015. – 11 марта, № 6620.

REFERENCES

1. Karasev A.T., Savos'kin A.V. On the question of the abolition of the authorized court of Chelyabinsk region. *Problemy prava*, 2014, no. 2 (45), pp. 36–40. (In Russian).

2. Savos'kin A.V., Kazantsev A.O. *Possible abolition of the constitutional (charter) court of the Russian Federation*. Available at: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3076> (accessed 27 October 2015). (In Russian).

3. Measures to implement the foreign policy of the Russian Federation: Presidential Decree of May 7, 2012 № 605. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*, 2012, 7 May, № 19, pp. 2342. (In Russian).

4. Engibaryan R.V. *Constitutional development in the modern world. Main trends*. Moscow: NORMA Publ., 2010. 496 p. (In Russian).

5. Bevelikova N.M. The constitutional principles of judicial power in China, Korea and Japan. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2011, no. 2, p. 95–102. (In Russian).

6. Luney P.R. The Judiciary: it's organization and status in the parliamentary system. Available at: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4029&context=lcp> (accessed 27 October 2015).

7. Chirkin V.E., execut. ed. *The Constitution of the XXI century: a comparative legal research*. Moscow : NORMA Publ., 2011. 656 p. (In Russian).

8. Code of Administrative Justice of the Russian Federation: the Federal Law of March 8th, 2015 № 21-FZ. *Rossiiskaya gazeta*, 2015, 11 March, № 6620. (In Russian).

УДК 343.272(470+510)

А.И. Коробеев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: crimlaw@gambler.ru

Ю.В. Аверьянова²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: ksiyita@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ И КИТАЯ: КОМПАРАТИВИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию института специальной конфискации в уголовном праве России и Китая. Рассматривается законодательное определение правовой природы данной меры, а также дается анализ различных точек зрения, существующих в теории уголовного права, относительно данного вопроса. В статье обосновывается вывод о некарательном характере специальной конфискации, которая не направлена на ограничение прав и законных интересов граждан, что обусловлено характером имущества, в отношении которого данная мера применяется. В статье выделяются и анализируются следующие характерные черты специальной конфискации, общие для российского и китайского законодательства:

- А. Принудительный характер специальной конфискации;
- Б. Конфискация может применяться в отношении имущества, находящегося как у лица, совершившего преступления, так и у третьих лиц;
- В. Специальная конфискация не имеет карательного характера;

---

¹ Александр Иванович Коробеев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Юлия Валерьевна Аверьянова, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Коробеев, А.И., Аверьянова, Ю.В. Специальная конфискация имущества в уголовном праве России и Китая: компаративистское исследование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 90–103.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Государственное задание на выполнение НИР 29.763.2014/К.

Г. Специальная конфискация применяется только по решению суда;
Д. Специальная конфискация может быть применена только в отношении такого имущества, которое указано в законе, причем это имущество должно быть так или иначе связано с совершением преступления;
Е. Безвозмездный характер специальной конфискации.
Рассматривается проблема конфискации имущества без вынесения приговора в рамках уголовного производства по делам, когда преступник не может быть подвергнут преследованию по причине смерти, укрывательства или в других соответствующих случаях. На основе анализа опыта китайского уголовного права делается предложение о возможности применении института конфискации имущества в отношении юридических лиц в России.

Ключевые слова: Россия, Китай, некарательный характер специальной конфискации, уголовная ответственность юридических лиц, конфискация *in rem*.

Alexandr I. Korobeev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: crimlaw@rambler.ru

Yulia V. Averyanova²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: ksyita@mail.ru

SPECIAL CONFISCATION OF PROPERTY IN CRIMINAL LAW OF RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE RESEARCH*

Abstract. The article focuses on a comparative law research on the institution of special confiscation in criminal law of Russia and China. The authors examine the legislative definition of the legal nature of the measure in the two countries

---

¹Alexandr I. Korobeev, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

² Yulia V. Averyanova, postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Korobeev, A. I., Averyanova, Yu. V. Special confiscation of property in criminal law of Russia and China: comparative research // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 90–103.

* The research is conducted with the support by the Ministry of Education and Science of The Russian Federation. Public research task 29.763.2014/K.

as well as provide an analysis of the different theoretical perspectives on this problem. The article substantiates the conclusion that the special confiscation lacks a punitive character, this measure isn't aimed at restricting the rights and legitimate interests of citizens due to the nature of the property to which the measure can be applied. The article describes the following features of the special confiscation, common to Russian and Chinese criminal law:

- A. Compulsory nature of the special confiscation;
- B. Property can be confiscated from the offender as well as from a third party;
- C. The special confiscation lacks a punitive character;
- D. The special confiscation can be applied under a judgment of conviction;
- E. The special confiscation can be applied only to property specified by the law and closely related with a crime;
- F. Gratuitous nature of the special confiscation.

The article explores the problem concerning the confiscation of property without a criminal conviction in cases in which the offender cannot be prosecuted by reason of death, flight or absence or in other appropriate cases. On the basis of analyzing the experience of the Chinese criminal law, makes a proposal to apply the confiscation to legal person in Russia.

Key Words: Russia, China, non-punitive character of the special confiscation, criminal responsibility of legal person, confiscation in rem.

Под специальной конфискацией имущества понимается изъятие имущества, связанного с преступлением. В отличие от общей конфискации имущества, чья правовая природа определяется однозначно (она входит в систему наказаний), в правовой природе специальной конфискации имущества такая однозначность не наблюдается. Так, уголовное законодательство одних стран относит специальную конфискацию к дополнительному виду наказания (Япония, Франция, Республика Корея, Таиланд), другие страны причисляют ее к мерам безопасности (Италия, Румыния и др.), третьи – к иным правовым последствиям, стоящим в одном ряду с наказанием и мерами безопасности (Германия, Швеция, Австрия, Дания).

В уголовном праве России конфискация имущества определяется как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенных видов имущества. Что касается правовой природы этого института, то в российском законодательстве специальная конфискация отнесена к иным мерам уголовно-правового характера. Не вдаваясь в дискуссию о критериях объединения конфискации имущества и принудительных мер медицинского характера в один раздел, а также о проблеме законодательного определения

иных мер уголовно-правового характера, остановимся на ключевом моменте отнесения конфискации имущества к иным мерам уголовно-правового характера, а именно на том, что конфискация имущества в действующем уголовном законодательстве не включена в систему наказаний. Следовательно, можно говорить о том, что конфискация имущества лишена карательного характера, она направлена на имущество, связанное с преступлением, а вовсе не на ограничение прав и свобод осужденного. Такое представление о правовой природе конфискации имущества, регламентированной в действующем уголовном законодательстве, является доминирующим в науке уголовного права России.

Предусматривает специальную конфискацию и уголовное законодательство Китая. Согласно ст. 64 УК КНР все имущество, противозаконно приобретенное преступником, подлежит изъятию либо оно должно быть компенсировано (возмещено); законная собственность потерпевшего должна быть своевременно ему возвращена; запрещенные предметы и имущество, принадлежащие лицу, совершившему преступление, должны быть конфискованы. Всё конфискованное имущество и денежные штрафы направляются в казну государства, запрещается использовать их по другому назначению и самовольно ими распоряжаться.

Стоит отметить, что в китайском уголовном праве, в отличие от российского, законодательно не определена правовая природа специальной конфискации; данная мера помещена в параграф «Назначение наказания» главы «Применение наказания» наряду со смягчающими и отягчающими обстоятельствами. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения текстуального оформления этого института в нормах УК КНР, то можно однозначно говорить о том, что специальная конфискация в действующем уголовном законодательстве Китая не относится к видам наказания. Вместе с тем возникает вопрос: какой же правовой мерой тогда является специальная конфискация в Китае?

В науке уголовного права Китая существуют две основные точки зрения относительно определения природы специальной конфискации в уголовном законодательстве Китая.

Согласно одной из них, специальную конфискацию следует отнести к видам дополнительного наказания. «Необходимо регламентированные ст. 64 УК Китая изъятие и конфискацию внести как специальную конфискацию в норму, регулирующую конфискацию как наказание (ст. 59 УК КНР предусматривает общую конфискацию имущества – прим. авторов), и тем самым разрешить вопрос о ее правовой принадлежности» [11]. Бесспорно, что подобного рода законодательный прием способствовал бы повышению правового статуса специальной конфискации. Но не стоит забывать, что специальная конфискация – это мера, которой «следует должным образом отвечать преступной обстановке, становящейся все более сложной,

удовлетворять потребности охраны общества, борьбы с преступностью, данная мера должна обладать определенной степенью гибкости, маневренности для большей эффективности, в ней должны реализовываться такие функции, как изъятие преступной выгоды, преступного капитала. Если же жестко ограничить конфискацию рамками дополнительного наказания, то это может привести к тому, что применение конфискации будет прочно связано с личностью субъекта, совершившего преступление. В случае отдельной конфискации опасных предметов, а также имущества, принадлежащего лицу, подозреваемому в совершении преступления, который умер, пропал без вести или находится в розыске, будут существовать правовые ограничения и, более того, невозможно будет разрешить проблему конфискации имущества у третьих лиц» [8, с. 107].

Согласно другому мнению, специальная конфискация является принудительной мерой некарательного характера, которая не должна входить в систему наказаний. Она не является мерой, применяемой как наказание за совершенное преступное деяние, ее применение основывается на охране общественного порядка. Поэтому многие китайские ученые наряду с исключением общей конфискации как наказания предлагают «отдельно законодательно закрепить специальную конфискацию как самостоятельную, лишенную карательного элемента уголовно-правовую меру и назвать ее «принудительная мера в отношении имущества» [10, с. 10].

Помимо двух основных позиций, некоторыми китайскими учеными высказывается мнение, согласно которому природа специальной конфискации имущества, регламентированной в ст. 64 УК КНР, неоднородна и в зависимости от предмета конфискации можно говорить о нескольких видах специальной конфискации. Все предметы, подлежащие конфискации, можно разделить на три вида: во-первых, имущество, приобретенное противозаконно; во-вторых, запрещенные предметы; в-третьих, орудия преступления. Что касается конфискации имущества, противозаконно приобретенного, то она не является наказанием. Наказание должно обладать карательным элементом, заключаться в ограничении изначально принадлежащих лицу, совершившему преступление, законных прав. Но имущество, приобретенное преступным путем, не принадлежит лицу, совершившему преступление, не может являться его собственностью. Не является данная конфискация и мерой безопасности. Меры безопасности направлены на защиту общества, на снижение рисков, опасности; имущество, приобретенное противозаконно, вовсе не обязательно является орудием преступления, оно всего лишь приобретено в ходе преступления и может не нести само по себе опасность для общества, поэтому конфискация данных предметов не является мерой безопасности. С одной стороны, это мера по изъятию преступной выгоды у лица, совершившего преступление, с другой – мера, направленная на восстановление общественного порядка, нарушенного преступным деянием.

Конфискация запрещенных предметов, безусловно, является мерой безопасности. Запрещенные предметы почти всегда создают определенную угрозу безопасности общества, поэтому конфискация запрещенных предметов относится к мерам безопасности.

То же самое можно сказать и о конфискации орудий преступления: в большинстве случаев она служит мерой безопасности, так как принадлежность имущества к орудиям преступления говорит о том, что данное имущество, которым обладает преступник, несет в себе опасность, и государство применяет в отношении него конфискацию для того, чтобы исключить повторное совершение преступления [9, с. 10–11].

Подобная точка зрения, по нашему мнению, больше исходит из понимания целей и предмета специальной конфискации, которые, в свою очередь, должны определяться природой конфискации. Правовая природа специальной конфискации будет определять ее основные характеристики, свойства, цели, предметы, а не конкретизироваться по каждому предмету и целям, на которые она направлена.

Стоит отметить, что схожий с описанным выше подход был предложен и в науке уголовного права России. Так, Э.В. Мартыненко пишет: «Споры о месте конфискации имущества в системе иных мер уголовно-правового характера происходят из-за того, что законодатель объединил в одной статье несколько отличных друг от друга видов конфискации». Автор в ходе анализа нормы, регламентирующей конфискацию имущества в действующем уголовном законодательстве, приходит к выводу, что в ст. 104.1 УК РФ содержатся три самостоятельных вида конфискации, каждый из которых имеет свои особенности, основания и цели назначения. Конфискация может выступать:

- мерой уголовно-правового характера (когда является наказанием);
- иной мерой уголовно-правового характера (когда изымается имущество, полученное в результате совершения преступления, – п. п. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ);
- специальной конфискацией или мерой безопасности (когда изымаются орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому) [4, с. 57].

По нашему мнению, в вопросе о правовой природе, о сущности специальной конфискации имущества в сравниваемых законодательствах основным является то, что конфискация как в российском, так и в китайском УК не относится к видам наказания. Этот отличный по своей правовой природе от наказания институт, соответственно, не обладает и карательным потенциалом. «Кара не может выступать сущностью мер уголовно-правового характера, а является только сущностью наказания». «В русском языке слово кара обозначает наказание, возмездие за преступление, за зло» [1, с. 10].

Специальная конфискация лишена карательного характера, она не является возмездием за совершенное преступное деяние, она не направлена на ограничение прав и законных интересов граждан, что обусловлено следующими причинами.

Во-первых, имущество, полученное преступным путем, никогда не принадлежало лицу, совершившему преступление, на законных основаниях.

Во-вторых, имущество, полученное преступным путем, если оно было превращено или преобразовано, равно как и доходы от преступно приобретенного имущества, также нельзя рассматривать как имущество, находящееся у лица, совершившего преступление, на законных основаниях.

В-третьих, что касается конфискации орудий преступления, принадлежащих лицу, совершившему преступление, то в случае конфискации данного имущества можно говорить в определенной степени об изъятии имущества, принадлежащего на законных основаниях лицу, совершившему преступление, т.е. об определенном ограничении его имущественных прав. Однако и в данном случае «правоограничения не направлены, в отличие от наказания, на причинение страданий осужденному» [6].

Кроме того, как верно замечает Н.А. Лопашенко, «право на имущество – это гражданское право. Согласно ст. 9 ГК РФ граждане осуществляют свои гражданские права по своему усмотрению. Но в ст. 10 ГК РФ установлены пределы осуществления гражданских прав. Там в частности указывается: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах... В случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права». Вовлечение своего имущества в совершение преступлений – это как раз тот случай» [3, с. 10].

Конфискация орудия преступления, незаконно использованного имущества, принадлежащего лицу, совершившему преступление, вовсе не направлена на карательное воздействие, в данном случае применение специальной конфискации будет исходить из необходимости исключения возможности использования предмета для совершения новых преступлений.

«Утверждение о карательном характере конфискации имущества не соответствует ее юридической природе как иной меры уголовно-правового характера. Конфискация имущества в ее нынешнем виде не лишает лицо, совершившее преступление, никаких прав и свобод, поскольку таковые в результате совершения преступления виновным не были приобретены» [5, с. 57].

Сравнительный анализ законодательного определения конфискации, данного в ст. 104.1 УК РФ и ст. 64 УК КНР, а также анализ различных точек зрения на признаки конфискации, представленных в науке уголовного

права двух стран, позволяет выделить следующие характерные черты данной меры, общие для российского и китайского законодательства.

А. Принудительный характер специальной конфискации

Принудительный характер конфискации означает, что специальная конфискация назначается и осуществляется независимо от воли и вопреки желанию лица, у которого находится имущество, подлежащее конфискации.

Б. Конфискация может применяться в отношении имущества, находящегося как у лица, совершившего преступление, так и у третьих лиц

Специальная конфискация может быть применена не только к лицам, совершившим преступное деяние, но и к третьим лицам, принявшим это имущество, если они знали, что это имущество добыто преступным путем. Причем в качестве третьих лиц могут выступать как физические лица, так и организации.

Здесь, правда, стоит оговориться, что уголовная ответственность организаций (а стало быть, и возможность применения специальной конфискации к юридическому лицу как субъекту преступления) предусмотрена пока лишь законодательством Китая. Конфискация имущества юридических лиц довольно часто встречается в судебной практике. Так, в декабре 2003 г. Ли Хуанин вместе с партнерами учредил Шанхайскую компанию с ограниченной ответственностью по предоставлению интернет-услуг «Цичжоу». Ради прибыли они незаконно предоставляли пользователям возможность скачивать с сайта «Цичжоу» фильмы порнографического содержания. До завершения уголовного дела 12 июля 2004 г. они выложили на сайт 151 порнографический фильм; с пользователей они собрали членские взносы через смс-сообщения, платежные системы онлайн и т.д. На сайте зарегистрировалось более 130 тыс. человек (среди которых было 118 пользователей, заплативших членский взнос VIP-пользователя). В результате указанных действий компания «Цичжоу» приобрела противозаконную выгоду.

По результатам расследования и судебного рассмотрения этого дела Шанхайская компания с ограниченной ответственностью по предоставлению интернет-услуг «Цичжоу» и подсудимый Ли Хуанин вместе с партнерами на основании п.1 ст. 363, ст. 366 и ст. 367 УК КНР понесли уголовную ответственность за транслирование порнографической продукции с целью получения прибыли, в том числе компания «Цичжоу» была приговорена к штрафу в размере 1 млн юаней, все противоправно приобретенное имущество, а также орудия преступления были конфискованы [13].

В России же в силу положений ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. Необходимость повышения эффективности борьбы с преступностью, подрыва ее финансовых основ, минимизации преступной выгоды говорит в пользу рассмотрения возможности введения уголовной ответственности юридических лиц и в уголовное законодательство России [2].

В. Специальная конфискация не имеет карательного характера

Данная мера не направлена на то, чтобы наказать лицо за совершенное преступное деяние, не является своего рода «искуплением вины». Она заключается в изъятии имущества, связанного с преступлением. Указанное имущество в большинстве случаев не может находиться у лица, совершившего преступное деяние, на законных основаниях.

Г. Специальная конфискация применяется только по решению суда

В действующем уголовном законодательстве России установлено положение, согласно которому конфискация применяется по обвинительному приговору суда. В китайском законодательстве подобные уточнения отсутствуют. Вместе с тем многими китайскими исследователями подчеркивается необходимость законодательного закрепления положения о том, что окончательное решение о конфискации принимает суд, органы следствия и прокуратура не могут самовольно проводить конфискацию [8, с. 302].

Вместе с тем, возможны случаи, когда лицо, совершившее преступное деяние, не может быть подвергнуто преследованию по причине смерти, укрывательства или в других случаях. Соответственно в подобных ситуациях исключено вынесение обвинительного приговора, и применение конфискации в отношении имущества, связанного с преступлением, также будет невозможно, хотя будут существовать доказательства того, что имущество приобретено в результате совершения преступных действий.

Между тем в ряде международных соглашений, в частности в Конвенции ООН против коррупции, содержатся положения о возможности конфискации без вынесения приговора. Согласно п. «с» ч. 1 ст. 54 Конвенции каждое государство-участник рассматривает вопрос о принятии таких мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы создать возможность для конфискации такого имущества без вынесения приговора в рамках уголовного производства по делам, когда преступник не может быть подвергнут преследованию по причине смерти, укрывательства или отсутствия. или в других соответствующих случаях.

Описанные выше положения представляют собой так называемую конфискацию "in rem". Под конфискацией "in rem" понимается «конфискация, применяемая в случаях, когда лицо по тем или иным причинам (смерть подозреваемого, обвиняемого, его уклонение от уголовного преследования и т.д.) невозможно привлечь к уголовной ответственности либо когда уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, но при этом имеются доказательства того, что имущество такого лица приобретено в результате преступления. Введение такого правового института предполагает перенос бремени доказывания законности происхождения имущества на заинтересованное лицо» [7].

Заметим, что положения о возможности конфискации без вынесения приговора, содержащиеся в международных соглашениях, а также много-

численные предложения теоретиков уголовного права Китая по данному вопросу были учтены китайским законодателем, и в результате поправок 2012 г. в УПК КНР была введена норма, предусматривающая особый порядок конфискации противоправно приобретенного имущества в случае смерти, укрывательства подозреваемого, обвиняемого по делам, связанным с коррупционными преступлениями и преступлениями террористической направленности.

Согласно ст. 280 УПК КНР по делам, связанным с коррупционными преступлениями, преступлениями террористической направленности, в случае неявки подозреваемого или обвиняемого по прошествии года после объявления его в розыск или же в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, если существует противозаконно приобретенное им имущество или иное имущество, имеющее отношение к делу, Народная прокуратура может обратиться в Народный суд с ходатайством о конфискации противозаконно приобретенного имущества

Так, в декабре 2013 г. в отношении бывшего начальника Городского жилищного управления г. Наньтун провинции Цзянсу прокуратурой было возбуждено дело и начато предварительное следствие по факту взяточничества. После этого освобожденный до суда под поручительство и залог Чэнь Си покончил с собой в собственном доме. Прокуратура обратилась с ходатайством в суд о конфискации имущества, приобретенного Чэнь Си противозаконно.

Народный суд средней ступени г. Наньтун после рассмотрения дела пришел к выводу, что подозреваемый Чэнь Си, используя служебное положение с целью получения выгоды третьими лицами, получил от них в общей сумме 7 112 500 юаней. Данные средства рассматриваются как противозаконно полученные в качестве взятки.

В связи со смертью подозреваемого Чэнь Си на этапе предварительного следствия, согласно ст. 280 УПК КНР, имущество, противозаконно полученное подозреваемым Чэнь Си в качестве взятки, подлежит изъятию в соответствии с законом. В январе 2015 г. судом первой инстанции было вынесено определение о конфискации 7 112 500 юаней, противозаконно полученных подозреваемым Чэнь Си в качестве взятки [12].

В России многими теоретиками и практиками поднимался вопрос о возможности введения в российское законодательство конфискации "in rem". На сегодняшний день можно говорить о том, что первые попытки в этом направлении законодателем уже предприняты. Так, действующее гражданское законодательство предусматривает обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством России о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы; а также обращение по решению суда в доход Российской Федерации денег,

ценностей, иного имущества и доходов от них, в отношении которых в соответствии с законодательством России о противодействии терроризму лицом не представлены сведения, подтверждающие законность их приобретения. Последнее положение распространяется также на близких родственников, родственников и близких лиц субъекта, совершившего террористический акт.

Такое расширенное применение конфискации может и является эффективным инструментом борьбы с коррупционными преступлениями и преступлениями террористической направленности, но все же представляется, что простое перенесение из международных соглашений и зарубежного законодательства положений о вещной конфискации, механическое введение указанных выше новелл является шагом, недостаточно проработанным. Если для западной правовой доктрины идея о конфискации "in rem", т.е. конфискации, направленной против вещи, является традиционной, то для российского уголовного права традиционной будет конфискация "in personam", направленная против определенного лица.

Имплементация в систему национального права такого специфического и незнакомого ранее института, как конфискация "in rem", требует детальной разработки. Просто ввести новеллы об обращении в доход государства в рамках гражданского судопроизводства имущества родственников террористов, если они не смогут доказать непричастность данного имущества к преступлению, вовсе не означает, что данный институт заработает эффективно, а главное – в соответствии с положениями, принципами Конституции, гражданского и уголовного законодательства России.

Д. Специальная конфискация может быть применена только в отношении такого имущества, которое указано в законе, причем это имущество должно быть так или иначе связано с совершением преступления

Одной из отличительных особенностей специальной конфискации имущества является то, что ее предметом выступает не все имущество лица, признанного виновным в совершении преступления, а только то, которое тем или иным образом связано с совершением преступления.

Как российское, так и китайское законодательство определяют имущество, в отношении которого возможна конфискация. Общим признаком этих предметов является их связь с преступным деянием, указанная связь может быть прямой или опосредованной.

Однако если в Китае специальная конфискация может быть применена в отношении имущества, приобретённого незаконным путем в ходе совершения любого преступления, то в отечественном уголовном праве законодателем (помимо имущества, подлежащего конфискации) определен и перечень так называемых конфискационных преступлений.

Е. Безвозмездный характер специальной конфискации

Безвозмездность как признак специальной конфискации означает, что в случае изъятия у лица имущества, подлежащего конфискации, данному лицу не возмещается стоимость этого имущества.

Итак, из изложенного напрашивается вывод о том, что опыт российского законодателя мог бы быть учтен при разработке вопроса о природе специальной конфискации в китайском уголовном праве. Независимо от того, будет ли в Китае упразднена общая конфискация имущества или нет, законодательное установление природы специальной конфискации, повышение ее правового статуса, определение ее места среди уголовно-правовых мер – все это является необходимыми средствами для эффективного функционирования данного института в Китае. Для России же был бы весьма полезен учет опыта Китая в применении института конфискации имущества в отношении юридических лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинина, Т. М. Иные меры уголовно-правового характера: научно-практический комментарий / Т. М. Калинина, В. В. Палий, отв. ред. А. И. Чучаев. – М. : Проспект, 2011. – 152 с.

2. Коробеев, А. И. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование / А. И. Коробеев, Лун Чанхай. – М. : Проспект, 2013. – 184 с.

3. Лопашенко, Н. А. Конфискация имущества : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 160 с.

4. Мартыненко, Э. В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве: монография / Э. В. Мартыненко. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 152 с.

5. Рарог, А. И. Институт конфискации имущества нуждается в совершенствовании // Институт конфискации имущества в законодательстве государств – членов Совета Европы и российском законодательстве : материалы Международного семинара. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 53–59.

6. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2009. – 751 с.

7. Рекомендации круглого стола «О реализации рекомендации Группы государств против коррупции (ГРЕКО) по вопросу введения в уголовное законодательство Российской Федерации понятия конфискации "in rem", 2010» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://komitet7.km.duma.gov.ru/site.xp/052051124051051055.html>.

8. [Хэ Фань. Исследование уголовной конфискации / Хэ Фань. – Пекин : Изд-во Фалюйчубаньшэ, 2007. – 343 с.]. – Кит.
9. [Яо Бэй. Исследование конфискации имущества / Яо Бэй. – Пекин : Изд-во Китайского университета политики и права, 2011. – 263 с.] – Кит.
10. [Се Ваньюань, Сяо И. Конфискация в уголовном праве Китая, ее минусы и пути совершенствования / Се Ваньюань, Сяо И // Правовой форум. – 2008. – № 4. – С. 5–12]. – Кит.
11. [Ван Вэньцзюнь. Об уголовно-правовом изъятии // Народная прокуратура. – 2002. – № 5].
12. [Вышедший на пенсию начальник Городского жилищного управления покончил жизнь самоубийством. Наньтунский суд постановил конфисковать имущество, противозаконно приобретенное умершим подозреваемым] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ntfy.gov.cn/contents/527/5864.html>.
13. [Дело о транслировании порнографической продукции с целью получения выгоды сетевой информационной компанией «Цичжоу», Ли Хуанином и еще 4-мя обвиняемыми] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pdfy.gov.cn/pditw/gweb/gww_xxnr_view.jsp?pa=aaWQ9OTA3MyZ4aD0xz.

REFERENCES

1. Kalinina T.M., Palii V.V. *Other Measures of Criminal Law Nature: Scientific and Practical Comment*. Moscow: Prospekt Publ., 2011. 152 p. (In Russian).
2. Korobeyev A.I., Long Changhai. *Corpus delicti in the doctrine of criminal law of China and Russia: comparative study*. Moscow: Prospekt Publ., 2013. 184 p. (In Russian).
3. Lopashenko N.A. *Confiscation of Property*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2012. 160 p. (In Russian).
4. Martynenko E.V. *Confiscation of Property in Criminal Law of Russia*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2011. 152 p. (In Russian).
5. Rarog A.I. Institution of the confiscation of property needs improving. *Institut konfiskatsii imushchestva v zakonodatel'stve gosudarstv – chlenov Soveta Evropy i rossiiskom zakonodatel'stve: materialy Mezhdunarodnogo seminara* [Institute of confiscation of property in the legislation of the states – members of the Council of Europe and the Russian legislation: International Seminar]. Barnaul: Publishing of Altai State University, 2008, pp. 53–59. (In Russian).
6. Sundurova F.R., Tarkhanova I.A., eds. *Russian Criminal Law. General Part*. Moscow: Statut Publ., 2009. 751 p. (In Russian).
7. *Recommendations of the round table «On the realization of recommendations of the Group of States against Corruption (GRECO) on the implementation*

of the concept of confiscation "in rem" into the criminal law of the Russian Federation». Available at: <http://komitet7.km.duma.gov.ru/site.xp/052051124051051055.html> (accessed 21 October 2015). (In Russian).

8. He Fan. *Research on Criminal Confiscation*. Beijing, 2007. 343p. (In Chinese).

9. Yao Bei. *Research on Confiscation of Property*. Beijing: Publisher of China University of Politics and Law, 2011. 263 p. (In Chinese).

10. Xie Wangyuan, Xiao Yi. Confiscation of property in Criminal law of China: its shortcoming and ways to improve. *Legal Forum*, 2006, no. 4, pp. 5–12. (In Chinese).

11. Wang Wenjun. Forfeiture in Criminal Law. *People's Prosecutor*, 2002, no. 5. (In Chinese).

12. *Retired chief of the Municipal Housing Authority had committed suicide. Nantong Court decided to confiscate property illegally acquired by the deceased suspect*. Available at: <http://www.ntfy.gov.cn/contents/527/5864.html> (accessed 21 October 2015). (In Chinese).

13. *The case of the broadcast of pornographic material for profit by the network information company «Qizhou», Li Huaning and four other defendants*. Available at: http://www.pdftw.gov.cn/pditw/gweb/gww_xnr_view.jsp?pa=aaWQ9OTA3MyZ4aD0xz] (accessed 21 October 2015). (In Chinese).

УДК 343.57+343.976(592.3)

Я.О. Кучина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ СИНГАПУР

Аннотация. Статья посвящена анализу антинаркотического законодательства Сингапура. Республика Сингапур известна как страна с наименьшим уровнем преступности в сфере оборота наркотиков и с наиболее суровой системой наказания за эти преступления, структура которой вызывала неоднократные нарекания в международной правовой среде. Автором рассмотрены не только основные нормативно-правовые акты, посвященные уголовной ответственности за оборот наркотиков, но также уголовная политика государства в этой области, причины и факторы, послужившие основой для именно такой структуры противодействия наркообороту. В качестве правовой основы антинаркотической политики Сингапура проанализирован Misuse of Drugs Act – главный нормативно-правовой акт в этой области, который содержит, помимо составов преступлений в сфере оборота наркотиков, также перечни наркотических средств и систему назначения наказания за эти преступления, которая, в отличие от УК РФ, представлена отдельно, а не в качестве санкций конкретных статей. Помимо этого в статье рассмотрены система учета преступлений в сфере оборота наркотиков и система слияния трех сфер противодействия наркопреступности: борьба с незаконным оборотом наркотиков, борьба с употреблением наркотических средств (наркотизацией населения страны), исправление осужденных лиц и противодействие рецидиву преступлений.

---

¹ Ярослава Олеговна Кучина, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кучина, Я.О. Правовая система противодействия наркопреступности в Республике Сингапур // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 104–115.

Ключевые слова: Сингапур, противодействие обороту наркотиков, оборот наркотиков, сравнительно-правовой анализ, уголовная политика, антинаркотическая политика.

Yaroslava O. Kuchina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru¹

LEGAL SYSTEM TO PREVENT DRUG TRAFFICKING CRIMES IN THE REPUBLIC OF SINGAPORE

Abstract. This article analyzes the anti-drug laws of Singapore. The Republic of Singapore is known as the country with the lowest crime rate in the area of drug trafficking and with the most severe penalties for these crimes, the structure of which caused repeated criticism in the international legal environment. The author considers not only the basic regulations devoted criminalization of drug trafficking, but also the criminal policy of the state in this area, the causes and factors that led to such a structure is to counter drug trafficking. As the legal basis of drug policy in Singapore the author analyzed Misuse of Drugs Act what is the main legal act in the area. It contains, in addition to the drug trafficking offenses, lists of drugs and the system of sentencing for crimes, which, unlike the Russian Federation Criminal Code, is presented separately and not as a sanction part. In addition, the article considers the accounting system of the crimes and drug trafficking system is considered merging the three spheres of combating drug-related crimes: the fight against drug trafficking, the fight against the use of narcotics (drug addicting involvement of the population), the correction of sentenced individuals and combating recidivism.

Keywords: Singapore, countering drug trafficking, drug trafficking, comparative legal analysis, criminal policy, drug policy.

Республика Сингапур известна как государство с одной из самых строгих уголовных систем по противодействию преступности. Борьба с коррупцией и наркопреступностью – это два наиболее ярких показателя ус-

---

¹ Yaroslava O. Kuchina., Candidate of sciences, Criminal Law and Criminology Department of Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Kuchina, Ya. O. Legal system to prevent drug trafficking crimes in the Republic of Singapore // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. P. 104–115.

пешности ее уголовной политики. Год за годом Сингапур занимает первые места среди стран с наименьшим уровнем преступлений в этих областях.

Российскому исследователю антинаркотическая политика Сингапура фактически незнакома. Это, возможно, объясняется еще и тем, что географико-экономическое положение данной страны существенно различается с отечественным, однако, по нашему мнению, опыт и достижения Сингапура несомненно заслуживают рассмотрения в качестве феномена борьбы с наркотизмом. В отличие от противодействия коррупции, где Сингапуру уделяется достаточно большое внимание [1], а успех признан и всецело одобряем, политика противодействия наркотической преступности и наркообороту встречает резкую критику среди стран мирового сообщества. Существует ряд мифов, связанных с борьбой с наркопреступностью в Сингапуре, а именно:

- 1) единственным видом наказания за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков в Сингапуре является смертная казнь;
- 2) количество наркопреступлений в Сингапуре невелико, и большинство из них совершается выходцами из Китая и Малайзии;
- 3) никакого правосудия, а тем более исправления лицам, совершившим наркопреступления, в Сингапуре не обеспечено.

В предлагаемой статье мы попробуем рассмотреть, что из изложенного соответствует действительности, что на самом деле скрывается за мифами о жестокости антинаркотической политики Республики Сингапур, а также проанализируем, что из опыта Сингапура может быть интегрировано в правовую систему Российской Федерации.

Прежде всего необходимо обратиться к геополитическим характеристикам Сингапура, поскольку, по нашему глубокому убеждению, эти характеристики являются определяющими для оценки причин и условий эффективности уголовной политики в сфере борьбы с таким транснациональным видом преступности, как наркооборот.

Итак, Республика Сингапур – это бывшая британская колония в Юго-Восточной Азии (с 1819 г. – фактически; с 1867 г. – официально), состоящая из 63 островов, самый крупный из которых – Сингапур является и столицей, и главной территорией страны; стала независимой в 1965 г. Население республики в 2013 г. составляло более 5 млн человек, причем Сингапур – вторая страна по плотности населения в мире. Это мультинациональное и мультирелигиозное государство. Большинство населения китайцы – 76,8 %. Малайцы разного происхождения составляют 13,9%, выходцы из Индии – 7,9 %, большинство из которых – тамилы, в меньшем количестве – малаяли, пенджабцы и бенгальцы [2,3]. Небольшие группы составляют англичане, арабы, евреи, тайцы, армяне, японцы и метисы (евроазиаты). Официальными языками являются английский, китайский, малайский и тамильский.

Сингапур – страна, не имеющая собственных ресурсов, даже воду приходится закупать на территории соседней Малайзии. При этом валовой национальный продукт на душу населения один из самых высоких в мире (в 2008 г. – 38 972,1 долл. США). В рейтинге конкурентоспособности ВЭФ экономика Сингапура заняла в 2009 г. 3-е место (в 2008 г. 5-е место из 134 стран, в 2007 г. 7-е место из 131 страны, в 2006 г. 5-е место из 131 страны).

В мировом сообществе Сингапур имеет репутацию «игрушечной демократии со смертной казнью». В прессе неоднократно отмечался факт того, что Сингапур входит в первую пятерку стран с наиболее жестким антинаркотическим законодательством в мире [4]. Организация Amnesty International в своем докладе о применении Сингапуром смертной казни отмечает, что Сингапур скрывает количество примененных смертных казней, а судебные органы не имеют выхода, кроме как назначать смертную казнь под давлением государства, осуществляющего уголовное преследование; органы статистического учета не отвечают на запросы международных организаций [5].

Цифры, приводимые Amnesty International, показывают, что за период с 1991 г. по 2003 г. в Сингапуре было приведено в исполнение 403 смертных приговора в отношении как иностранных лиц, так и сингапурских граждан. При этом иностранцев от общего числа приговоренных – 93 человека, в частности, это граждане Малайзии, Гонконга, Индонезии, Таиланда, Филиппин, Бангладеш, Индии, Пакистана, Шри-Ланки, Нигерии, Ганы, Нидерландов, Великобритании, Австралии, Португалии. Неофициальные же источники информации утверждают о 157 казненных иностранцах. Из этого общего числа казнённых 247 человек (т.е. более половины) казнено за преступления в сфере оборота наркотиков, число иностранцев среди них – 29 человек.

Сингапур не является сторонником дипломатического пути решения проблемы с иностранцами, привлекаемыми к уголовной ответственности за наркотические преступления. К примеру, смертная казнь филиппинского гражданина в 1995 г. стала причиной серьезного дипломатического кризиса между Сингапуром и Филиппинами. В том же году за транспортировку героина был казнен гражданин Гонконга, рожденный в Макао, которого власти Сингапура выпустили на Рождество для встречи с девятилетним сыном [6]. Смертная казнь через повешение вызвала дипломатический спор сразу с двумя государствами: Макао и Гонконгом, жестокость властного решения Сингапура поразила многих [7, р. 476–478].

Антинаркотическое законодательство Республики Сингапур представлено **Misuse of Drugs Act** (Законом о злоупотреблении наркотическими средствами) 1973 г. с изменениями от 31 июля 2001 г. Закон состоит из шести частей, каждая из которых посвящена своему предмету регулирования. Также Закон включает в себя три перечня. Два перечня наркотических средств разделены на три списка: А, В и С. Третий перечень включает в се-

бя прекурсоры и оборудование, необходимое для изготовления наркотических средств.

Большинство проблем в анализе эффективности антинаркотического законодательства Сингапура заключается в понимании используемых в законодательстве терминов. В частности, наиболее часто употребляемым термином для описания объективной стороны совершаемого деяния является «traffic», который мы предлагаем (исходя из текста и смысла всего Закона) переводить как обобщенное понятие, существовавшее в отечественном уголовном праве, – незаконный оборот. Термин «traffic» раскрывается в вводной части Закона как:

- сбыт в форме продажи или передачи, перевозка, пересылка или доставка, получение, а также управление (организация) этими процессами;
- склонение к совершению перечисленных действий.

Следующий термин, имеющий важное значение, – «specified drug», или особая группа наркотических средств (выделено 12 видов), перечисленная во втором перечне. В эту группу особых наркотических средств входят такие наркотики, как амфетамин, производные каннабиса, кокаин, кетамин, метамфетамин, опиум, морфин и пр. Эти средства являются особым предметом преступления, наказание за оборот которых отличается максимальной суровостью.

При этом, исходя из смысла, заложенного в законе, и из комментариев официальных лиц по поводу его применения, стоит отметить еще один важный элемент толкования обоих рассмотренных терминов: если речь идет об обороте наркотических средств из особого перечня, то такие действия с точки зрения оценки их общественной опасности рассматриваются как содействие транснациональной торговле наркотиками, на борьбу с которой и направлено создание и применение **Misuse of Drugs Act**. То есть законодатель изначально не рассматривает незаконный оборот таких средств как исключительно национальное преступление [8]. Полагаем, это связано с тем, что на территории Сингапура не существует каких-либо относительно крупных производств наркотических средств и большинство из них доставляется из других стран, а также с тем, что страна находится в непосредственной близости от Золотого Треугольника – колыбели наркотической преступности всей Юго-Восточной Азии.

Прийти к такому выводу нам позволяет анализ судебных актов и комментариев к ним, а также разъяснений, которые предлагает в своих отчетных работах **Central Narcotics Bureau** (Главное антинаркотическое бюро) – орган противодействия обороту наркотиков.

Главное антинаркотическое бюро соединяет в себе функции по надзору за оборотом наркотиков, борьбе с их распространением, а также по противодействию употреблению наркотиков на территории Сингапура. Основой деятельности Бюро является пропаганда полнейшей социальной нетерпи-

мости к обороту и – главное отличие от европейских тенденций – нетерпимости к употреблению наркотиков и наркозависимости. Одна из наиболее порицаемых систем борьбы с наркотиками в Сингапуре – это система принудительного лечения наркозависимых, совмещенная с тюремным заключением.

В отчете о наркоситуации, предоставленном Бюро, представлены следующие данные: в 2013 г. было арестовано и привлечено к ответственности 3 574 человека, что на 2% больше, чем в 2012 г. [9] При содействии полиции было проведено 46 крупных операций по пресечению распространения наркотиков, в частности массовых облав по поимке распространителей наркотиков. Также было задержано 20 организованных преступных групп, вовлеченных в оборот наркотических средств на территории Сингапура.

Действительно, количество и стоимость изъятых наркотических средств незначительна, если сравнивать с результатами деятельности антинаркотических подразделений в других странах Юго-Восточной Азии или в России. Всего было изъято порядка 120 кг наркотиков на общую сумму 20,5 млн сингапурских долларов. Наиболее употребляемыми наркотиками на территории Сингапура являются героин, метамфетамин и производные продукты каннабиса, однако процент населения, употребляющий наркотические средства, ничтожно мал. В частности, официальными лицами страны приводятся следующие цифры: марихуану употребляют 0,005% населения; экстази – 0,003%; героин, морфин, опиум – 0,005% населения [4], то есть порядка 200–250 человек в каждой группе. Это самый низкий показатель вовлеченности населения в употребление наркотиков в мире. Для сравнения, количество лиц, потребляющих наркотики в РФ, равно 5,9% (по данным ФСКН на 2013 г. [10]), что составляет около восьми с половиной миллионов человек.

В чем причина такой разницы? Дело в том, что, кроме активной борьбы с деятельностью наркосиндикатов, Главное антинаркотическое бюро уделяет пристальное внимание формированию крайне отрицательного отношения к наркотикам среди населения. Помимо уже названной уголовной ответственности за наркозависимость активно используются методы антинаркотической пропаганды и просвещения. При этом Сингапур не приветствует европейскую модель – практически нет общественных организаций, которые считают эффективным снижение распространения гепатита или ВИЧ путем раздачи бесплатных шприцов или их обмена, нет движений по легализации марихуаны и т.д.

На наш взгляд, важнейшим элементом противодействия и борьбы с наркопреступностью является сам уголовный закон о запрете наркотиков. **Misuse of Drugs Act** – исчерпывающий нормативный правовой акт административно-уголовного характера, который помимо норм, регулирующих оборот наркотиков, предусматривает ряд иных составов преступлений с

санкциями, построенный в виде таблицы. Эта таблица содержится во втором перечне «Offences punishable on conviction», или Преступлений, наказуемых после признания виновным.

Перечень включает 39 составов кратко описанных деяний, состоящих из диспозиции и санкции и расположенных в строгой иерархии от более общественно опасных к менее опасным. Часть из них включает в себя как простой, так и квалифицированный составы, причем квалифицированный наказывается исключительно смертной казнью. Всего предусмотрено 20 видов деяний с этим видом наказания.

Далее следуют такие виды наказания: пожизненное тюремное заключение, срочное лишение свободы на период до 30 лет, наказание в виде битья тростниковыми палками в качестве дополнительного наказания к лишению свободы (применяется, согласно Уголовному кодексу Сингапура, только к мужчинам определенной возрастной группы [11, р. 336]), а также штрафы в размере от 1 000 долларов до 200 000 долларов, которые также могут выступать как основное и дополнительное наказание [12, р. 113; р. 98].

При этом уголовное наказание предусмотрено даже за такие деяния, как отказ предоставить образцы мочи или волос для прохождения теста на наркотики, – наказывается лишением свободы до 10 лет и штрафом 20 000 долларов и до 2 лет и штрафом 5 000 долларов соответственно [13, р. 286]. Это довольно важные запреты, поскольку они позволяют выявлять лиц, употребляющих наркотики, следовательно, отказ пройти тест рассматривается как своего рода противодействие антинаркотической политике государства. К примеру, в школах Сингапура такой тест может быть проведен с санкции администрации школы без согласия ученика или его родителей. Учитывая, что употребление наркотиков и вовлеченность в наркопространство – это единственный в стране вид преступлений с уровнем криминологического рецидива более 60% (69% в 2013 г., при общем уровне 26–29%), становится понятно, почему государство настолько жестко относится к контролю за вовлечением несовершеннолетних в наркоманию.

Так в чем же причина столь яростного неприятия сингапурской антинаркотической политики мировым сообществом? Ведь несмотря на смертную казнь, принудительное тестирование, тюремное заключение для наркозависимых (а во многом благодаря им), Сингапур успешно противостоит деятельности наркосиндикатов, находясь в одной из самых горячих точек по производству и распространению наркотиков в мире. Для столь маленького, лишенного ресурсов государства с населением в пять миллионов человек, это бесспорный правовой и политический успех, способный служить примером для крупных государств, вроде США, России и пр. Более того, даже самый поверхностный анализ государственной и уголовной политики Сингапура показывает, что смягчение мер повлечет за собой колоссальный всплеск наркопреступности на его территории.

Как мы видим, безальтернативность мер наказания за незаконный оборот наркотиков исключает возможность государства повлиять на назначение наказания, вопреки утверждениям противников сингапурской политики.

Полагаем, что причиной такого отношения является не столько смертная казнь как таковая, сколько презумпция виновности [14, р. 148], действующая в отношении лиц, совершивших наркотические преступления. **Misuse of Drugs Act** прямо устанавливает, что *лицо, задержанное по подозрению в обороте наркотиков, считается виновным, пока не доказано обратное*.

Согласимся, что отказ от обязательного принципа презумпции невиновности, который является главным гарантом соблюдения таких принципов, как принцип законности, запрета объективного вменения и справедливости, не может быть положен в жертву любой, даже самой эффективной антинаркотической борьбе в мире. Практическая проблема существования презумпции виновности заключается в том, что этот принцип требует крайне беспристрастного, справедливого, всестороннего расследования факта совершения преступления. Он также требует обязательного и неукоснительного существования и соблюдения принципа установления объективной истины по делу, той цели расследования, которая должна достигаться в любом случае. Он требует наличия полностью некоррупцированных правоохранительных и судебных органов и должностных лиц. И даже тогда он не будет гарантировать абсолютной справедливости и беспристрастности уголовного процесса, потому что это не является его обязательной частью. В самой его основе заложена широкая возможность злоупотребления государственным принуждением.

Одновременно в российской уголовной науке довольно часто звучат предложения о внедрении различного по характеру сингапурского опыта в отечественную правовую систему [15, с. 117–123], особенно они популярны среди представителей уголовного права и криминологии, поскольку достижения Сингапура являются крайне впечатляющими.

На наш взгляд, наиболее важными и универсальными направлениями борьбы с наркопреступностью в Сингапуре, заслуживающими внимания и учёта, являются следующие:

1. Уголовная политика Республики Сингапур – прямая производная от общей государственной политики. Заинтересованность Сингапура в общей безопасности является, несомненно, в большей степени его экономическим качеством, чем социальным. По этой причине любые действия, направленные на изменения уголовной, пенитенциарной или уголовно-процессуальной политики, всегда связаны с изменениями в генеральной линии правительства и государства. Примерами этому могут служить как высокоэффективная реформа тюремной системы Сингапура 1990-х гг., так и определенное смягчение позиции судебных органов по отношению к лицам, со-

вершающим преступления в сфере оборота наркотиков в зависимости от формы вины и степени соучастия (как в случае со смягчением приговора малазийскому гражданину, обвиненному в перевозке наркотиков, чей смертный приговор был заменен на пожизненный в связи с пересмотром объективной стороны его деяния [6; 16]).

Смягчение применения закона судебной властью демонстрирует не ослабление позиции Сингапура или изменение его отношения к наркотикам и наркообороту, но, наоборот, показывает, что достигнутые результаты позволяют оценивать угрозу как максимально сниженную и реагировать на нее согласно изменившемуся общественно-политическому мнению, позволяющему избежать «охоты на ведьм» или необоснованного нарушения принципа справедливости и индивидуализации уголовного права и судопроизводства.

2. Основным регулятором направления в уголовной политике по борьбе с преступностью в Сингапуре является статистика по количеству совершенных преступлений. При этом статистический отчет предоставляется в простой форме, с учетом даже малозначительных деяний и преступлений, совершенных лицами, не подлежащими уголовной ответственности. Это позволяет оценивать реальное положение в области борьбы с преступностью, проводить криминологические исследования и обосновывать необходимость и конкретные направления уголовной политики с экспертной, а не общей точки зрения.

3. Прослеживается тесная взаимосвязь уголовно-исправительного законодательства Сингапура с уголовным законом и целями правоохранителя в определенный момент времени. Не стоит забывать, что жесткость санкций в законодательстве Сингапура – это не причина, а производная от ряда факторов: вхождения государства в Золотой Треугольник, угрозы влияния китайской и японской организованной преступности на территории через миграцию из этих стран, исторически проходящих через территорию Сингапура наркотических путей, малочисленности населения и, в то же время, крайней заселенности страны. То есть считать, что прямая имплементация опыта Сингапура на территорию другого государства (например, Россию) будет иметь тот же успех, – неверно, поскольку изначальные предпосылки и причины существования наркотической преступности в разных странах различны.

4. Главное антинаркотическое бюро Республики Сингапур является единственным специализированным органом реализации уголовной политики государства в сфере противодействия наркопреступности в различных направлениях. Действуя в тесном сотрудничестве с органами полиции, специальными службами, здравоохранением, Бюро аккумулирует все данные о наркообороте и наркоситуации на территории страны как единую систему.

Кроме того, при осуществлении выявления и раскрытия наркотических преступлений оперативными подразделениями Сингапура гораздо чаще

используются такие методы, как внедрение и агентурная разведка, тогда как метод «проверочная закупка» не применяется вовсе. Это позволяет действовать по нисходящей в борьбе с наркосиндикатами, пресекая их деятельность на уровне поставок в страну.

3. В рамках борьбы с наркотиками в Сингапуре в обязательном порядке формируется негативное отношение к приему наркотических средств среди населения путем активного сотрудничества с органами полиции, но с возложением обязанности координации и контроля на органы здравоохранения и образования, а не на правоохранительную систему. Наркомания в Сингапуре – это основание для полной остановки «социальных лифтов» употребляющего лица вплоть до момента искоренения у него этой привычки. В антинаркотическую политику Сингапура вовлечены не только государственные органы, правоохранительная система и здравоохранение, прежде всего обязанность предупреждения и реабилитации ложится на систему образования, культуру и масс-медиа, пенитенциарные органы и даже на органы муниципального самоуправления [17].

Итак, можно констатировать, что правовая система противодействия наркопреступности в Республике Сингапур представляет собой довольно эффективный механизм борьбы с этим социальным злом. Отдельные элементы данной системы вполне могут быть заимствованы законодателем и правоприменителем России и использованы в процессе совершенствования (повышения результативности отечественной модели противодействия наркопреступности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Law King-hea, J. A comparative study of the anti-corruption measures of Hong Kong and Singapore since 1945 [Электронный ресурс]. – Singapore : The University of Hong Kong, 1985. – 109 p. – Режим доступа: <http://hub.hku.hk/bitstream/10722/25883/1/FullText.pdf>.
2. Key annual indicators. Singapore Department of Statistics (2011). [Официальный сайт Управления статистики Республики Сингапур]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webcitation.org/6DnLudUbl>.
3. Singapore, an illustrated history, 1941–1984. – Singapore : Information Division, Ministry of Culture, 1984. – 397 p.
4. Aquino, M. Singapore's Draconian Drug Laws Make Drug Possession a Very Risky Proposition [Электронный ресурс] // Southeast Asia Travel. – Режим доступа: <http://goseasia.about.com/od/singapore/a/Singapore-Drug-Laws.htm>.
5. Singapore; The death penalty – a hidden execution [Электронный ресурс] // Amnesty International. – Режим доступа: <http://www.amnesty.org/en/library/asset/ASA36/001/2004/en/6de04440-d64e-11dd-ab95a13b602c0642/asa360012004en.html>.

6. Novak, A. *The global decline of the mandatory death penalty: constitutional jurisprudence and legislative reform in Africa, Asia and the Caribbean* / A. Novak. – Burlington, VT : Ashgate Publishing Company, 2014. – 182 p.
7. Jones, C. A. J. *Criminal justice in Hong Kong* / C. A. J. Jones, J. Vagg. – Abingdon, England ; New York : Routledge-Cavendish, 2007. – 672 p.
8. Koh, K. L. *Criminal law in Singapore and Malaysia : text and materials* / K. L. Koh, C.M.V. Clarkson, N. A. Morgan. – Singapore ; Kuala Lumpur : Malaysian Law Journal, 1989. – 641 p.
9. Drug situation report 2013 [Электронный ресурс] // Central Narcotics Bureau. – Режим доступа: <http://www.cnb.gov.sg/drugsituationreport/drugsituationreport2013.aspx>.
10. ФСКН: в РФ количество наркоманов за год снизилось на 6% [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. – Режим доступа: <http://www.bfm.ru/news/220702>.
11. Rajah, J. *Authoritarian rule of law: legislation, discourse, and legitimacy in Singapore* / J. Rajah. – New York : Cambridge University Press, 2012. – 368 p.
12. Chan, H. H. M. *The legal system of Singapore* / H. H. M. Chan. – Singapore : Butterworths Asia, 1995. – P. 113.
13. Tan, K. Y. L. *The Singapore legal system* / K. Y. L. Tan. – Singapore : Singapore University Press, National University of Singapore, 1999. – XXX, 531 p.
14. McAlinn, G. P. *Law and development in Asia* / G. P. McAlinn, C. Pejovic. – London ; New York : Routledge, 2012. – 353 p.
15. Манукян, А. Р. Антикоррупционная стратегия Сингапура: ориентация на результат / А. Р. Манукян, Т. Д. Хаджиев // *Право и управление. XXI век*. – 2013. – № 1. – С. 117–123.
16. Phneah, J. *Singapore and the Death Penalty: A recent amendment saves one drug mule. Should death for drug crimes be ended altogether?* [Электронный ресурс] // *The Diplomat*. – 2013. – November, 20. – Режим доступа: <http://thediplomat.com/2013/11/singapore-and-the-death-penalty/>.
17. Официальный сайт проекта «The Yellow Ribbon Project». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yellowribbon.org.sg>.

REFERENCES

1. Law King-hea J. *A comparative study of the anti-corruption measures of Hong Kong and Singapore since 1945*. Singapore: The University of Hong Kong, 1985. 109 p. Available at: <http://hub.hku.hk/bitstream/10722/25883/1/FullText.pdf> (accessed 11 December 2015).
2. *Key annual indicators. Singapore Department of Statistics (2011)*. Available at: <http://www.webcitation.org/6DnLudUbl> (accessed 11 December 2015).

3. *Singapore, an illustrated history, 1941–1984*. Singapore: Information Division, Ministry of Culture, 1984. 397 p.
4. Aquino M. Singapore's Draconian Drug Laws Make Drug Possession a Very Risky Proposition. *Southeast Asia Travel*. Available at: <http://goseasia.about.com/od/singapore/a/Singapore-Drug-Laws.htm> (accessed 11 December 2015).
5. Singapore; The death penalty – a hidden execution. *Amnesty International*. Available at: <http://www.amnesty.org/en/library/asset/ASA36/001/2004/en/6de04440-d64e-11dd-ab95a13b602c0642/asa360012004en.html> (accessed 11 December 2015).
6. Novak A. *The global decline of the mandatory death penalty: constitutional jurisprudence and legislative reform in Africa, Asia and the Caribbean*. Burlington, VT: Ashgate Publishing Company, 2014. 182 p.
7. Jones C.A.J., Vagg J. *Criminal justice in Hong Kong*. Abingdon, England; New York: Routledge-Cavendish, 2007. 672 p.
8. Koh K.L., Clarkson C.M.V., Morgan N.A. *Criminal law in Singapore and Malaysia: text and materials*. Singapore; Kuala Lumpur: Malayan Law Journal, 1989. 641 p.
9. Drug situation report 2013. *Central Narcotics Bureau*. Available at: <http://www.cnb.gov.sg/drugsituationreport/drugsituationreport2013.aspx> (accessed 11 December 2015).
9. The Federal Drug Control Service: the number of drug addicts in Russia for the year fell by 6%. *Official site of Federal Drug Control Service of Russia*. Available at: <http://www.bfm.ru/news/220702> (accessed 11 December 2015). (In Russian).
10. Rajah J. *Authoritarian rule of law: legislation, discourse, and legitimacy in Singapore*. New York: Cambridge University Press, 2012. 368 p.
11. Chan H.H.M. *The legal system of Singapore*. Singapore: Butterworths Asia, 1995. P. 113.
12. Tan K.Y.L. *The Singapore legal system*. Singapore: Singapore University Press, National University of Singapore, 1999. XXX, 531 p.
13. G.P. Pejovic C. Law and development in Asia. London; New York: Routledge, 2012. 353 p. Manukyan A.R., Khadzhiev T.D. Singapore's anti-corruption strategy: focus on results. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013, no.1, pp. 117–123. (In Russian).
14. Phneah J. Singapore and the Death Penalty: A recent amendment saves one drug mule. Should death for drug crimes be ended altogether? *The Diplomat*, 2013, November 20. Available at: <http://thediplomat.com/2013/11/singapore-and-the-death-penalty/> (accessed 11 December 2015).
15. The official website of the project «The Yellow Ribbon Project». Available at: <http://www.yellowribbon.org.sg> (accessed 11 December 2015).

УДК 34.08:001.103-027.552:349.2

Ю. И. Кутенков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: dv2000@bk.ru

ПОНЯТИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ РАБОТНИКА В РОССИЙСКОМ ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Аннотация. Стремительно происходящие в мире и затрагивающие в той или иной степени Российскую Федерацию процессы интеграции, глобализации, и регионализации, в том числе европеизации, унификации права, формирования транснационального судебного контроля наднациональных судебных органов, интернационализации прав и свобод человека, не могут не оказывать влияние на формирование и развитие понятия персональных данных работника. В условиях постепенного становления Российской Федерации в качестве демократического, правового и социального государства, развития институтов гражданского общества, информационных технологий и их использования практически во всех сферах жизнедеятельности страны анализ данной правовой категории играет существенную роль в совершенствовании действующего нормативного правового материала в трудо-правовой сфере, обеспечивая его соответствие реалиям современного времени. Настоящая статья посвящена исследованию понятия персональных данных работника в трудовом праве Российской Федерации, результатом которого явилась выработка дефиниции указанной правовой категории для ее включения в основной источник трудового права России – Трудовой кодекс Российской Федерации. В процессе достижения указанной цели объективно потребовалась необходимость обращения к краткому историческому очерку появления норм, регулирующих понятие персональных данных работника в российском трудовом законодательстве, а также к признакам персональных данных работника.

Ключевые слова: персональные данные, персональные данные работника, признаки персональных данных работника, конфиденциальность, секретность персональных данных работника, идентификация, персонификация работника.

---

¹ Юрий Игоревич Кутенков, аспирант, ассистент кафедры трудового и экологического права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кутенков, Ю.И. Понятие персональных данных работника в российском трудовом праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 116–133.

Yuriy I. Kutenkov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: dv2000@bk.ru

REVISITING THE CONCEPT OF EMPLOYEE'S PERSONAL DATA IN THE RUSSIAN LABOUR LAW

Abstract. The dynamics of integration, globalization and regionalization processes in the world including the Europeanization and unification of the law, the emergence of transnational judicial control and supranational judicial organizations, the internationalization of the human rights and freedoms pervasively affects the patterns of the theoretical and legislative development of the legal concept of employee's personal data in any national legal system including the legal system of the Russian Federation. In the XXI century, the Russian Federation has been steadily evolving as a democratic, legal and social state with a broad political participation of the institutions of civil society. This process inevitably coincides with the growing informatization of the whole society, progressive development of information technologies and extensive computerization. The information flows have become more complex and diverse weaving into various spheres of life; hence, a thorough analysis of the concept of employee's personal data is crucial for the sake of further rationalization and modernization of existing legislative regulation of the labour relations. This article examines the concept of employee's personal data in the labour law of the Russian Federation and proposes a definition of this legal concept which might be incorporated into the Labour Code of the Russian Federation, a primary source of labour law in Russia. The research was reasonably supplemented with a brief historical outline of the development of employee's personal data regulation in the Russian labour legislation and with tentative speculations about specific legal characteristics and features of the concept of employee's personal data.

Key words: personal data, employee's personal data, legal features of the employee's personal data, confidentiality, secrecy of the employee's personal data, identification, personification of the employee.

---

¹ Yuriy I. Kutenkov, post-graduate student, teaching assistant, Department of Labour and Environmental Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citation: Kutenkov, Yu. I. Revisiting the concept of employee's personal data in the Russian labour law // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law 2015. № 4. P. 116–133.

Начало XXI века в нашей стране было ознаменовано дальнейшим совершенствованием и развитием трудового законодательства, новым этапом которого стало принятие и введение в действие с 1 февраля 2002 г. Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [27], законодательно закрепившего права и обязанности работников и работодателей, существенно изменившего взаимоотношения между ними [1].

В ТК РФ законодатель впервые определил понятия «персональные данные работника», «обработка персональных данных работника», требования к их обработке, а также права работников в целях защиты персональных данных [5]. Но сам термин «персональные данные» появился в российском законодательстве значительно раньше, одновременно с аналогичным понятием «информация о гражданах» в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (далее – Закон № 24-ФЗ) [12], в соответствии с которым под информацией о гражданах (персональными данными) подразумевались сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (ст. 2). Как отмечалось в данном законе, персональные данные относятся к категории конфиденциальной информации (ст. 11 п. 1). Указанный закон являлся общеправовым регулятором информационного поля, не выделяя при этом персональную информацию в сфере наемного труда [10; с. 192].

Затем, 6 марта 1997 г., Президентом Российской Федерацией был подписан Указ № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», которым персональные данные, т.е. сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность, были признаны не подлежащими свободному распространению [16].

Необходимо отметить, что данное определение критиковалось в специальной литературе, так как исходя из него к персональным данным могли относиться только те сведения, которые собирались в целях идентификации раннее не известного лица, в то время как информация может собираться и об уже известном лице [26]. Данная ошибка в настоящее время имеет место в определении персональных данных государственных служащих [18].

В 2001 г. Российской Федерацией был подписан один из основополагающих актов международного уровня в сфере персональных данных – Конвенция Совета Европы от 28 января 1981 г. «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных». Однако Российской Федерацией она была ратифицирована лишь 19 декабря 2005 г. [23], что мотивировалось необходимостью внесения изменений во внутреннее законодательство страны [7; с. 32–36]. Применительно к отношениям в сфере труда указанная Конвенция была конкретизирована в 1989 г.

в Рекомендации Комитета Министров СЕ № R (89)2 о защите персональных данных, использующихся в области найма (далее – Рекомендация СЕ № R 89 (2)). Международная организация труда (далее – МОТ) разработала также Кодекс практики по защите личных данных о работниках (далее – Кодекс практики МОТ), который обобщил опыт многих стран в данной области. 1 апреля 2015 г. Комитетом Министров государств – членов Совета Европы была принята Рекомендация СМ/Рес (2015)5 об обработке персональных данных в сфере занятости (далее – Рекомендация СМ/Рес (2015)5), из текста которой следует, что она заменяет Рекомендацию R (89)2 1989 г. Применительно к понятийному аппарату необходимо отметить, что в Рекомендации СЕ № R 89(2), Кодексе практики МОТ и Рекомендации СМ/Рес (2015)5 персональные данные понимаются как любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому работнику, или физическому лицу. Схожим образом это понятие определяется и в Законе № 152-ФЗ.

В принятом Государственной Думой Российской Федерации Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (далее – Закон № 149-ФЗ) [13] понятие персональных данных было исключено. В свою очередь, неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия отнесены к принципам правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации (п. 7 ст. 3). В соответствии с п. 9 ст. 9 ныне действующего Закона № 149-ФЗ порядок доступа к персональным данным граждан (физических лиц) устанавливается федеральным законом о персональных данных.

По нашему мнению, более правильный подход (нежели тот, который был зафиксирован в Законе № 24-ФЗ) избрали авторы Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ) [22]. В соответствии со статьей 3 Закона № 152-ФЗ персональные данные определяются как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Прав профессор Ю.Г. Просвирин, отмечая, что содержащееся в Законе № 152-ФЗ понятие персональных данных есть наиболее общее понятие, которое, в свою очередь, конкретизируется в действующем законодательстве в зависимости от цели правового регулирования [25; с. 175]. Действительно, конкретизация данного понятия находит свое отражение во многих правовых актах федеральных органов исполнительной власти, которые были приняты ими после вступления в силу Закона № 152 [21 и др.]. Но данное утверждение не относится к правовой категории «персональные данные работника», а также к их содержанию по нескольким причинам. Во-

первых, дефиниция «персональные данные работника» получила нормативное закрепление гораздо раньше принятия указанного универсального закона. Во-вторых, статья, регламентирующая определение «персональные данные работника», в настоящее время утратила силу.

Содержащееся (как в Законе № 24-ФЗ, так и в Законе № 152-ФЗ) определение персональных данных – это максимально широкое определение данного термина [26], носящее общий характер [10; с. 192]. Такой подход применительно к персональным данным человека следует считать правильным. Но он вызывает сомнения применительно к персональным данным работника. Персональные данные о человеке шире по содержанию, чем персональные данные работника [8; с. 93–101; 9; с. 873]. Персональные данные – категория, имеющая место в разнообразных сферах человеческой жизни и деятельности [6; с. 20–22], не является исключением и сфера отношений, входящих в предмет трудового права. Справедливой является точка зрения Е.Л. Никитина, А.А. Тимошенко, в соответствии с которой персональные данные работника органически включены в систему персональных данных лица [11].

ТК РФ не использует и не использовал термин «персональная информация», который употребляют некоторые авторы [4; с. 114]. Вместо него в ТК РФ, как уже указывалось, фигурирует понятие «персональные данные работника».

Согласно ранее действующей редакции ст. 85 ТК РФ под персональными данными работника понималась информация, необходимая работодателю в связи с трудовыми отношениями и касающаяся конкретного работника. При этом законодатель не устанавливал перечень таких сведений [8; с. 93–101], что предоставляло относительную свободу работодателю при определении ее границ [10; с. 191].

Возникал вопрос: кто и каким образом будет определять, насколько необходима работодателю та или иная информация, – сам работодатель, работодатель совместно с работником, или такая информация исчерпывается той, что содержится в документах, предъявляемых при трудоустройстве? Соответствующие положения главы 14 ТК РФ не позволяли дать однозначный ответ на этот вопрос.

В связи с этим на практике сложились два диаметрально противоположных подхода к толкованию этого положения:

а) критерий необходимости получения той или иной информации определял сам работодатель, с учетом содержащегося в п.п. 4,5 ст. 86 ТК РФ ограничения;

б) персональные данные работника исчерпывались теми сведениями, которые содержали документы, перечисленные в ст. 65 ТК РФ, а также иные документы, которые работодатель вправе был требовать при приеме на работу у некоторых категорий работников [28; с. 49].

По сути, это означало, что иная информация, намеренно или случайно полученная работодателем и не являющаяся необходимой в связи с трудовыми отношениями с конкретным работником, не подлежала защите в соответствии с главой 14 ТК РФ, а только в соответствии с Законом № 152-ФЗ после его принятия [3; с. 503].

Однако определение соответствующего вида информации, как нами уже указывалось, было исключено из ТК РФ, и данные положения утратили свою силу [20]. Таким образом, в настоящее время остается открытым вопрос, что же понимать под персональными данными работника, каково их содержание и отраслевые признаки.

Содержание термина «персональные данные», регламентированного в Законе № 152-ФЗ, слишком широко. Данный закон не называет четких критериев отнесения тех или иных сведений к числу персональных данных [7; с. 32–36] работника. В то же время существовавшие ранее положения ТК РФ также не уточняли, какая именно информация о работнике была необходима и требовалась работодателю, а соответственно, являлась персональными данными работника.

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые отмечали, что законодательное определение, существовавшее ранее в ст. 85 ТК РФ, представлялось неудачным, поскольку понятие, сформулированное таким образом, не выделяло сущностные признаки указанного рода информации, не определяло пределы ее возможного истребования и получения [11]. В ТК РФ не были даны квалифицирующие признаки персональных данных, которые могут быть объектом защиты; оценочный признак «необходимые работодателю в связи с трудовыми отношениями и касающиеся конкретного работника» носил слишком общий характер и вызывал неоднозначное толкование [9; с. 868].

Благодаря закрепленным в п. 1 ст. 86 ТК РФ целям обработки персональных данных, объем сведений, которые работодатель может запросить у работника, мог быть ограничен. Однако этого не произошло в силу абстрактности самих целей. Иначе говоря, обозначенными целями, в силу их универсальности, можно обосновать необходимость получения любой информации, в том числе сведений о судимости работника или тестирования его на полиграфе [28; с. 49].

Согласно п. 2 ст. 86 ТК РФ при определении объема и содержания обрабатываемых персональных данных работника работодатель должен руководствоваться Конституцией РФ, ТК РФ и федеральными законами. Таким образом, объем подлежащей передаче работодателю информации должен устанавливаться нормативными актами не ниже уровня федеральных законов [10; с. 191–192]. Однако ни в одном из нормативных актов до настоящего времени не обозначено, какая именно информация является персональными данными работника.

При этом в Конституции Российской Федерации используется термин «частная жизнь» (ст. 23), а в ТК РФ – «персональные данные работника» [10; с. 191; 9; с. 865]. По обоснованному мнению ряда ученых, «частная жизнь» является более широким понятием и включает в себя «персональные данные» [9; с. 873]. Ранее термин «частная жизнь» встречался также в вышеназванном п. 4 ст. 86 ТК РФ, в соответствии с предыдущей редакцией которого работодатель не имел права получать и обрабатывать персональные данные работника о его частной жизни. Но в случаях, непосредственно связанных с вопросами трудовых отношений, в соответствии со ст. 24 Конституции Российской Федерации работодатель вправе был получать и обрабатывать данные о частной жизни работника только с его письменного согласия. Таким образом, можно было прийти к выводу, что элементы частной жизни входят в состав понятия «персональные данные» [10; с. 193]. В настоящее время данный пункт был приведен в соответствие с Законом № 152-ФЗ и упоминает только о «специальных категориях персональных данных».

По нашему мнению, выработке определения понятия персональных данных работника должно предшествовать исследование признаков персональных данных работника.

О **признаках** персональных данных работника прямо не упоминает ни ТК РФ, ни Закон № 152-ФЗ. Признаки персональных данных работника можно вывести путем логического анализа соответствующих положений данных нормативных правовых актов. По нашему мнению, признаками персональных данных работника являются:

- **конфиденциальность (секретность)**. В силу ст. 88 ТК РФ лица, получающие персональные данные работника, обязаны соблюдать режим *секретности (конфиденциальности)*. Кроме того, данный признак раскрывается в ст. 7 Закона № 152-ФЗ, в соответствии с которой под *конфиденциальностью* персональных данных понимается то, что операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом;

- **документированность и официальность**. Под документированностью персональных данных работника мы понимаем их создание путем фиксации на материальном носителе, а не в сознании и памяти людей. В свою очередь под официальностью персональных данных работника нами понимается их документированность, материализация, объективизация (создание в объективной, телесной форме), овеществленность их определенным лицом (как физическим, в том числе должностным, так и юридическим) в связи с тем, что персональные данные работника не могут взяться ниоткуда. Источником их документированности всегда является определенное лицо.

В ТК РФ названный признак подтверждают положения абз. 3 ст. 89 ТК РФ, в соответствии с которым работники имеют право на свободный бесплатный *доступ* к своим персональным данным, включая право на получение *копий* любой *записи*, содержащей персональные данные работника, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом; абз. 5 ст. 89 ТК РФ, в соответствии с которым работники имеют право на *доступ* к относящимся к ним медицинским данным с помощью медицинского специалиста по их выбору.

Подтверждением данного признака являются также положения п. 1 ст. 1, в котором говорится о *поиске* персональных данных, зафиксированных на *материальном носителе* и содержащихся в *картотеках* или иных *систематизированных собраниях* персональных данных и (или) *доступ* к таким персональным данным; п. 8 ст. 3, в котором говорится об уничтожении *материальных носителей* персональных данных; п. 10 ст. 3, ст. 13, в которых говорится об *информационной системе персональных данных*, представляющей собой совокупность содержащихся в *базах данных* персональных данных; п. 7 ст. 5, в соответствии с которым хранение персональных данных должно осуществляться в *форме*, позволяющей определить субъекта персональных данных; п. 1 ст. 8, в котором говорится об общедоступных источниках персональных данных (о *справочниках, адресных книгах* как формах выражения общедоступных источников персональных данных); п.п. 5 п. 2 ст. 19 Закона № 152-ФЗ, в котором говорится об учете *машинных носителей* персональных данных.

По нашему мнению, персональные данные работника могут содержаться только на материальном носителе. В противном случае отпадает необходимость в их трудо-правовой охране и защите, поскольку визуально они нигде не будут зафиксированы и, следовательно, не будут обладать объективным, предметным характером, представляя собой мнение о том или ином лице, клевету и т.п.;

- **достоверность.** Данный признак обусловлен предыдущим признаком и означает, что документированности определенным лицом подлежат только достоверные и правдивые персональные данные о конкретном физическом лице;

- **возможность представления другим лицам.** Данный признак обусловливает конфиденциальность (секретность) и документированную официальность персональных данных;

- **принадлежность конкретному физическому лицу (конкретному работнику как субъекту персональных данных).** Данный признак вытекает из п. 1 ст. 3 Закона № 152-ФЗ, в соответствии с названным пунктом персональные данные представляют собой любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому *физическому лицу (субъекту персональных данных)*. Из указанной нормы

права следует, что субъектом персональных данных не может быть юридическое лицо.

Справедливой точки зрения придерживается проф. Ю.Г. Просвирин, говоря о том, что понятие «персональная информация (данные)» обладает двумя признаками: во-первых, она должна относиться к конкретному человеку (в нашем случае к конкретному работнику), что позволило бы идентифицировать его прямо или косвенно. Во-вторых, с учетом требования действующего законодательства такая информация должна быть зафиксирована на материальном носителе [25; с. 175];

- объективность и субъективный характер установления. Признак субъективного характера установления не следует путать с признаком официальности. В последнем случае речь идет о первоначальном создании конкретных персональных данных конкретного субъекта персональных данных, а не их закрепление в общем виде в документах, принимаемых государственными органами и работодателем. Ранее в ст. 85 ТК РФ при определении персональных данных работника прямо упоминалось о необходимости информации работодателю. Иными словами, в определении персональных данных содержался субъективный признак (необходимость работодателю).

По нашему мнению, при определении персональных данных работника необходимо исходить именно из их объективного признака, объективного характера персональных данных, а именно – из их принадлежности к лично-профессиональным и деловым качествам работника, связанности с объективной спецификой деятельности работодателя и будущей или настоящей трудовой функцией работника.

По мнению некоторых авторов, категория «персональные данные» в значительной степени носит субъективный характер, и физическое лицо вправе самостоятельно относить к их числу те или иные сведения [7; с. 32–36]; это подтверждается открытостью перечня персональных данных, установленного Законом № 152.

По нашему мнению, данный подход не относится и не может быть применен к персональным данным работника, так как персональными данными работника является не любая информация, и соответственно, применительно не к любой информации работник может установить соответствующий режим защиты как со стороны государства, так и со стороны работодателя.

Однако необходимо отметить, что при определении персональных данных работника всё-таки может присутствовать субъективный признак (в широком или узком смысле) в их установлении.

Указанный субъективный признак в узком смысле проявляется при установлении работодателем перечня персональных данных работника в локальных актах. При этом, по нашему мнению, данный субъективный признак персональных данных работника не может прикрывать собой их объ-

ективности, а именно – их необходимости для непосредственного осуществления работником трудовой деятельности, связанной с выполнением конкретной трудовой функции и трудовыми обязанностями работника.

Связанность персональных данных работника, указанных в названных документах работодателя, со спецификой деятельности работодателя и трудовой функцией работника необходима для того, чтобы избежать ряд негативных последствий и не допустить желание работодателя связать с трудовыми отношениями какую угодно информацию о работнике.

Однако, если рассматривать субъективный признак в широком смысле, как проявление деятельности компетентных органов законодательной и исполнительной власти по субъективной объективизации государственной воли в правовые акты, то субъективный признак персональных данных работника является их неотъемлемым;

- прямая или косвенная идентификация (персонификация) с помощью персональных данных конкретного физического лица (конкретного работника как субъекта трудового права) и, соответственно, их прямое или косвенное отношение к конкретному физическому лицу (конкретному работнику как субъекту персональных данных). Необходимо отметить, что ни один правовой акт не говорит о том, что собой представляют прямые и косвенные персональные данные. Нет в них упоминания и о прямом или косвенном определении (идентификации, персонификации) с их помощью конкретного физического лица, а также об их прямом или косвенном отношении к конкретному физическому лицу,

Как отмечают некоторые авторы, персональные данные представляют собой средство идентификации конкретного человека, т.е. выделяют его из множества на основе комплекса достоверно установленных идентификационных признаков [2; с. 231]. Персонификация личности представляет собой необходимый и исходный элемент ее социализации в государстве, является важнейшей предпосылкой для включения личности в социальные контакты и создает юридическую платформу для реализации ее право- и дееспособности [24]. Персональные данные есть необходимый элемент социализации индивида. Они представляют собой его своеобразную визитную карточку в обществе и являются юридической основой для реализации его право- и дееспособности [25; с. 175].

Говоря о признаке прямой или косвенной идентификации конкретного физического лица, необходимо отметить, что данный признак также закреплен в определении персональных данных, содержащемся в ст. 3 Закона № 152-ФЗ, в соответствии с которой персональными данными является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу.

Из данного определения следует, что персональными данными является информация, относящаяся:

- к прямо или косвенно определенному физическому лицу,
- к прямо или косвенно определяемому физическому лицу.

При этом указанное определение персональных данных не дает ответа на вопрос, с помощью кого и чего в современном правовом российском государстве достоверно устанавливается прямо или косвенно определенное или определяемое конкретное физическое лицо. С помощью персональных данных? С помощью экстрасенсорных способностей? С помощью устного диалога с иным физическим лицом?

Необходимо отметить, что прямое или косвенное установление конкретного физического лица возможно при устном разговоре, диалоге с иным субъектом. Однако данный диалог и его результат, по своему существу, не являются персональными данными конкретного физического лица в силу отсутствия вышеназванных признаков. Более того, возникают сомнения относительно абсолютной правдивости устного диалога. При устном разговоре правовая персонификация конкретного физического лица невозможна.

По нашему мнению, к прямым персональным данным человека как гражданина Российской Федерации относятся данные, которые должны иметься у любого гражданина Российской Федерации, к примеру, данные, содержащиеся в паспорте [17; 14] или ином документе, удостоверяющем личность (свидетельство о рождении для лиц, не достигших 14-летнего возраста) [19], временное удостоверение личности гражданина РФ [15]. Следовательно, с их помощью возможна именно прямая идентификация (персонификация) конкретного физического лица. Все иные персональные данные относятся к числу косвенных. Соответственно, признак косвенной идентификации (персонификации) с их помощью конкретного физического лица позволяет охватить случаи, когда информация не включает имя лица, однако, учитывая определенный способ ее организации, можно при желании установить и имя субъекта информации. Например, информация, включающая в себя наименование и место окончания высшего учебного учреждения, название специальности, квалификации, стаж работы, настоящее место работы в совокупности дает возможность косвенным путем идентифицировать конкретного работника.

Итак, по нашему мнению, определенное или определяемое конкретное физическое лицо устанавливается прямо или косвенно с помощью, соответственно, прямых или косвенных персональных данных, с помощью информации, о которой как раз и говорится в определении персональных данных, указанном в Законе № 152-ФЗ.

Таким образом, из содержащегося в ст. 3 Закона № 152-ФЗ определения персональных данных следует, что персональными данными является прямая или косвенная информация, относящаяся:

- к прямо или косвенно уже определенному с помощью нее (уже известному ранее) конкретному физическому лицу,

- к прямо или косвенно еще определяемому с помощью нее в данный момент времени (еще не известному ранее) конкретному физическому лицу.

Кроме этого, возникают следующие вопросы: можно ли прямо или косвенно определить в настоящий период времени уже известное для конкретного субъекта на данный период времени физическое лицо; можно ли прямо или косвенно не определить неизвестное физическое лицо? Ни один правовой акт не дает ответа на данные вопросы. Указанные вопросы, по нашему мнению, являются изначально неправильными в силу того, что определить (идентифицировать, персонифицировать) уже известное для конкретного субъекта физическое лицо априори ни прямо, ни косвенно невозможно, а вот установить принадлежность (отношение) соответствующих персональных данных именно указанному физическому лицу вполне вероятно. В данном случае прямые и косвенные персональные данные характеризуют именно принадлежность их конкретному физическому лицу, а не его определенность (идентификацию, персонификацию).

Таким образом, персональные данные не являются предметом определения (идентификации, персонификации) в данный период времени известного для конкретного субъекта физического лица, ибо могут быть им только в отношении неизвестного в данный период времени для конкретного субъекта физического лица. По нашему мнению, прямо или косвенно можно определить неизвестное для конкретного субъекта в данный период времени физическое лицо.

Однако многие могут сказать, что физическое лицо может быть определённо известно для конкретного субъекта внешне. Однако внешняя известность не означает достоверную определенность указанного физического лица. Более того, сама визуально нефиксированная внешность не является персональными данными физического лица, в отличие, к примеру, от фото на паспорте. Таким образом, внешняя известность не означает определенность указанного физического лица для конкретного субъекта, следовательно, внешняя известность не означает известность с правовой точки зрения конкретного физического лица. С юридической точки зрения данное физическое лицо является неизвестным для конкретного субъекта.

Определенное физическое лицо уже известно и было определено конкретным субъектом ранее. Относительно уже определенного ранее физического лица необходимо отметить, что в данном случае не возникает вопрос о способе (прямом или косвенном) его определении. В данном случае на первый план выходит природа именно самих персональных данных (прямые или косвенные), а не способ определения с их помощью конкретного физического лица. В свою очередь, для определения неизвестного ранее физического лица (субъекта персональных данных) на первый план выходит именно способ определения (прямой или косвенный) данного физического лица, а не природа самих персональных данных.

С учетом изложенного, по нашему мнению, **персональные данные работника** можно определить как установленную правовыми актами любую зафиксированную на материальном носителе компетентным или уполномоченным органом или лицом прямую или косвенную конфиденциальную достоверную информацию, относящуюся к прямо или косвенно уже определенному с помощью нее для конкретного субъекта или, соответственно, к прямо или косвенному определяемому с помощью нее в данный момент времени конкретному работнику и характеризующую его с личностной и профессиональной стороны в зависимости от выполняемой работником трудовой функции и специфики трудовой деятельности работодателя, за исключением случаев, прямо указанных в законе.

Из вышеизложенного следует, что включение указанного определения в российское трудовое законодательство постепенно повысит эффективность норм, регламентирующих трудовую правовую охрану и защиту персональных данных работника в сфере труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатыренко, З. С. Новейшие тенденции защиты персональных данных работника в Российском трудовом праве [Электронный ресурс] // Трудовое право. – 2006. – № 10. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
2. Бугель, Н. В. Защита персональных данных как объект организационно-правового регулирования / Н. В. Бугель, А. В. Никулин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 230–233.
3. Гусов, К. Н. Международное трудовое право : учебник / К. Н. Гусов, Н. Л. Лютов. – М. : Проспект, 2015. – 592 с.
4. Дворецкий, А. В. О принципах защиты персональных данных работника // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – № 5. – С. 113–115.
5. Истратова, А. Г. Административно-правовая основа обработки персональных данных в трудовых отношениях [Электронный ресурс] // Административное право и процесс. – 2012. – № 9. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
6. Кучеренко, А. В. Особенности обработки персональных данных лица в случае его смерти // Информационное право. – 2011. – № 2. – С. 20–22.
7. Кучеренко, А. В. Этапы и тенденции нормативно-правового регулирования оборота персональных данных в Российской Федерации // Информационное право. – 2009. – № 4. – С. 32–36.
8. Лушников, А. М. Защита персональных работника: сравнительно-правовой комментарий гл.14 Трудового кодекса РФ // Трудовое право. – 2009. – № 9. – С. 93–101.

9. Лушникова, М. В. Курс трудового права : в 2 т. Т. 1 : Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть : учебник / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. – М. : Статут, 2009. – 879 с.
10. Молодцов, М. В. Трудовое право России : учебник для вузов / М. В. Молодцов, С. Ю. Головина. – М. : Норма, 2003. – 640 с.
11. Никитин, Е. Л. К вопросу о правовой природе персональных данных работника [Электронный ресурс] / Е. Л. Никитин, А. А. Тимошенко // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
12. Об информации, информатизации и защите информации : федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – 2 фев., № 8. – Ст. 609.
13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 31 июля, № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.
14. Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации : указ Президента РФ от 13 марта 1997 г. № 232 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – 17 марта, № 11. – Ст. 1301.
15. Об утверждении Административного регламента Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по выдаче и замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации : приказ ФМС России от 30 ноября 2012 г. № 391 // Российская газета. – 2013. – 7 июня, № 122.
16. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера : указ Президента Российской Федерации от 06 марта 1997 г. № 188 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – 10 марта, № 10. – Ст. 1127.
17. Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 08 июля 1997 г. № 828 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – 14 июля, № 28. – Ст. 3444.
18. Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего Российской Федерации и ведении его личного дела : указ Президента РФ от 30 мая 2005 г. № 609 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – 6 июня, № 23. – Ст. 2242.
19. Об утверждении форм бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния : приказ Минюста России от 25 июня 2014 г. № 142 // Российская газета. – 2014. – 16 июля, № 157.

20. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» и Федерального закона «О персональных данных» : федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – 13 мая, № 19. – Ст. 2326.

21. О защите персональных данных федеральных государственных гражданских служащих Министерства финансов Российской Федерации, заместителей руководителей федеральных служб, находящихся в ведении Министерства финансов Российской Федерации, руководителей их территориальных органов, назначаемых на должность Министром финансов Российской Федерации (вместе с «Положением об организации работы с персональными данными федеральных государственных гражданских служащих Министерства финансов Российской Федерации, заместителей руководителей Федеральных служб, находящихся в ведении Министерства финансов Российской Федерации, руководителей их территориальных органов, назначаемых на должность Министром финансов Российской Федерации») : приказ Минфина РФ от 04 июля 2011 г. № 75н // Российская газета. – 2011. – 17 августа, № 180.

22. О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 31 июля, № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

23. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных : федеральный закон от 19.12.2005 № 160-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – 26 декабря, № 52 (1 ч.). – Ст. 5573.

24. Петрыкина, Н. И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика / Н. И. Петрыкина. – М. : Статут, 2011. – 134 с.

25. Просвирин, Ю. Г. Защита персональных данных // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Право. – 2008. – № 2. – С. 174–188.

26. Стрельников, В. Персональным данным – особую защиту [Электронный ресурс] // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 2. – С. 6. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

27. Трудовой кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой Российской Федерации 21 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – 7 января, № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

28. Хачатурян, Ю. А. Право работника на защиту персональных данных // Современное право. – № 1. – 2006. – С. 43–51.

REFERENCES

1. Bogatyrenko Z.S. Contemporary trends of the employee's personal data protection in the Russian labour law. *Trudovoye pravo*, 2006, no. 10. Available at: ConsultantPlus Database (accessed 12 December 2015). (In Russian).
2. Bugel' N.V., Nikulin A.V. Personal data protection as a subject to organizational and legal regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Ministry of Internal Affairs University of Saint-Petersburg], 2012, no. 2, pp. 230–233. (In Russian).
3. Gusov K.N., Lyutov N.L. *International labour law*. Moscow: Prospekt Publ., 2015. 592 p. (In Russian).
4. Dvoretiskii A.V. On the principles of protection of personal data of the employee. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the State Pedagogical University of Tomsk], 2005, no. 5, pp. 113–115. (In Russian).
5. Istratova A.G. Administrative legal basis for the personal data processing in labour relations. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2012, no. 9. Available at: ConsultantPlus Database (accessed 12 December 2015). (In Russian).
6. Kucherenko A.V. The peculiarities of personal data processing in case of person's death. *Informatsionnoe pravo*, 2011, no. 2, pp. 20–22. (In Russian).
7. Kucherenko A.V. The stages and trends of the legal regulation of the personal data circulation in the Russian Federation. *Informatsionnoe pravo*, 2009, no. 4, pp. 32–36. (In Russian).
8. Lushnikov A.M. Employee's personal data protection: comparative legal interpretation of the chapter 14th of the Labour Code of the Russian Federation. *Trudovoe pravo*, 2009, no. 9, pp. 93–101. (In Russian).
9. Lushnikov M.V., Lushnikov A.M. *Course of the labour law. Vol. 1. The essence of the labour law and the history of its development. Labour rights in the system of human rights. General provisions*. Moscow: Statut Publ., 2009. 879 p. (In Russian).
10. Molodtsov M.V., Golovina S.Yu. *Labour law of Russia*. Moscow: NORMA Publ., 2003. 640 p. (In Russian).
11. Nikitin E.L., Timoshenko A.A. Revisiting the legal nature of employee's personal data. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, no. 7. Available at: ConsultantPlus Database (accessed 12 December 2015). (In Russian).
12. On the Information, Informatization and Data Protection: Federal Law No. 24-FZ dated February 20, 1995. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 1995, no. 8, February 20, Article 609. (In Russian).
13. On the Information, Information Technologies and Data Protection: Federal Law No. 149-FZ dated July 27, 2006. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi*

Federatsii [Collection of legislation the Russian Federation], 2006, no. 31, part 1, July 31, Article 3448. (In Russian).

14. On the Primary Document for Personal Identification of the Citizen of the Russian Federation on the Territory of the Russian Federation: The Decree Of The President Of The Russian Federation No. 232 dated March 13, 1997. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 1997, no. 11, March 17, Article 1301. (In Russian).

15. On the Approval of the Administrative Procedural Regulation of the Federal Migration Service for the Provision of Government Service of Issuing and Reissuing of the Passport of the Citizen of the Russian Federation for Personal Identification of the Citizen of the Russian Federation on the Territory of the Russian Federation: Order of the Federal Migration Service of the Russian Federation No. 391 dated November 30, 2012. *Rossiiskaya gazeta*, 2013, no. 122, June 7. (In Russian).

16. On the Approval of the List of Confidential Information: The Decree Of The President Of The Russian Federation No. 188 dated March 6, 1997. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 1997, no. 10, March 10, Article 1127. (In Russian).

17. On Approval of the Regulation on the Passport of the Citizen of the Russian Federation, Sample Form and Description of the Passport of the Citizen of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 828 dated July 8, 1997. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 1997, no. 28, July 14, Article 3444. (In Russian).

18. On the Approval of the Regulation on the Personal Data of the State Civil Servants of the Russian Federation and his Personal Profile Management: The Decree Of The President Of The Russian Federation No. 609 dated May 30, 2005. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 2005, no. 23, June 6, Article 2242. (In Russian).

19. On the Approval of the Forms of the Certificates of the State Civil Registration: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 142, dated June 25, 2014. *Rossiiskaya gazeta*, 2014, no. 157, July 16. (In Russian).

20. On the Amendment of Certain Legislative Acts of the Russian Federation due to the Adoption of the Federal Law «On the Ratification of the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data of the Council of Europe» Federal Law and Federal Law «On the Personal Data»: Federal Law No. 99-FZ dated May 7, 2013. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 2013, no. 19, May 13, Article 2326. (In Russian).

21. On the Protection of Personal Data of Federal State Civil Servants of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Deputies of the Chiefs of Federal Services under the Jurisdiction of the Ministry Finance of the Russian Federa-

tion, Chiefs of their Territorial Offices, Appointed by the Minister of Finance of the Russian Federation; with the Regulation «On the Organization of Work with Personal Data of Federal State Civil Servants of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Deputies of the Chiefs of Federal Services under the Jurisdiction of the Ministry Finance of the Russian Federation, Chiefs of their Territorial Offices, Appointed by the Minister of Finance of the Russian Federation»: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 75n dated July 4, 2011. *Rossiiskaya gazeta*, 2011, no. 180, August 17. (In Russian).

22. On the Personal Data: Federal Law No. 152 dated July 27, 2006. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 2006, no. 31, part 1, July 31, Article 3451. (In Russian).

23. On the Ratification of the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data of the Council of Europe: Federal Law No. 160-FZ dated December 19, 2005. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 2005, no. 52, part 1, December 26, Article 5573. (In Russian).

24. Petrykina N.I. *Legal regulation of the personal data circulation. Theory and practice*. Moscow: Statut Publ., 2011. 134 p. (In Russian).

25. Prosvirin Yu.G. Personal data protection. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* [Bulletin of the Voronezh State University. Law series], 2008, no. 2, pp. 174–188. (In Russian).

26. Strel'nikov V. Specific protection – for the personal data. *EJ-Yurist*, 2013, no. 2, p. 6. Available at: ConsultantPlus Database (accessed 12 December 2015). (In Russian).

27. Labour Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated December 30, 2001. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation the Russian Federation], 2001, no. 1, part 1, January 7, Article 3. (In Russian).

28. Khachatryan Yu. A. The right of the employee to personal data protection. *Sovremennoe pravo*, 2006, no. 1, pp. 43–51. (In Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

УДК 378.6.091.33:655(571.6)

ПЯТЫЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНКУРС ИЗДАНИЙ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА – 2015»¹

22 октября в Научной библиотеке
Дальневосточного федерального университета
лауреаты конкурса получили награды – дипломы и грамоты

FIFTH FAR EASTERN REGIONAL COMPETITION OF EDITIONS PUBLISHED BY HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS "UNIVERSITY BOOK – 2015"²

October 22 in the Research Library of the Far Eastern Federal University
winners of the contest received awards – diplomas and certificates

Освещая это знаменательное для вузовского книгоиздания событие, надо отметить, что Дальневосточный региональный конкурс учреждён в 2007 г. Издательством и Научной библиотекой ДВГУ/ДВФУ (г. Владивосток) и проводится один раз в два года в рамках Общероссийского конкурса «Университетская книга». А с 2011 г. Дальневосточный конкурс стал, по сути, межрегиональным, потому что многие вузы других федеральных округов России начали присылать для участия в нём свои книги. И все эти вузовские издания поступают в фонды Научной библиотеки ДВФУ.

---

¹ Для цитирования: Федотова, Т.Л. Пятый Дальневосточный региональный конкурс изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2015» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 134–139.

² For citation: Fedotova, Tatiana L. Fifth Far Eastern Regional Competition of Editions Published by Higher Education Institutions "University Book – 2015" // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2015. № 4. С. 134–139.

В этом году свои лучшие книги прислали вузы семи федеральных округов Российской Федерации, а также один вуз Китайской Народной Республики. Всего в 2015 г. участников конкурса 30, из них вузов 25. Другие издающие организации также представили замечательные учебные, научные, справочные издания, среди них в первую очередь надо отметить Издательский дом «Практическая медицина» (г. Москва). Назовём всех участников конкурса.

Дальневосточный федеральный округ: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток); Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России (г. Владивосток); Владивостокский филиал Российской таможенной академии (г. Владивосток); Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (Дальрыбвтуз) (г. Владивосток); Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток); ООО «Издательство Дальневосточного университета» (г. Владивосток); Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток); Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – Общество изучения Амурского края (г. Владивосток); Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан); Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск); Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток).

Приволжский федеральный округ: Оренбургский государственный аграрный университет (г. Оренбург); Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Северо-Западный федеральный округ: Санкт-Петербургский университет управления и экономики (г. Санкт-Петербург).

Сибирский федеральный округ: Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ); Евразийский лингвистический институт (г. Иркутск); Забайкальский государственный университет (г. Чита); Забайкальский институт предпринимательства (г. Чита); Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск); Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Кемерово); Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск); Омский государственный технический университет (г. Омск); Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск).

Уральский федеральный округ: ЗАО «ОНИКС» (Свердловская область, г. Ирбит).

Центральный федеральный округ: ООО «БИЛИНГВА» (г. Москва); Брянский государственный аграрный университет (г. Брянск); ООО Издательский дом «Практическая медицина» (г. Москва); Национальный иссле-

довательский Московский государственный строительный университет (г. Москва); ООО «Ай Пи Эр Медиа» (ЭБС «IPRbooks») (г. Саратов).

Южный федеральный округ: Астраханский государственный университет (г. Астрахань).

Китайская Народная Республика: Даляньский политехнический университет, Институт иностранных языков, факультет русского языка (г. Далянь).

Все издания были рассмотрены компетентным межвузовским жюри, а лучшие из них получили награды – дипломы и грамоты конкурса. Хочу отметить, что в большинстве своём авторы книг, присланных на конкурс в 2015 г., заслуживают самой высокой оценки. Нет такого вуза в нашей стране, где не было бы талантливых авторов. Но порой их старания перечёркивались невысокими оценками жюри по таким важным критериям, как ГОСТ в оформлении титулов, качество вёрстки, макета. Недочёты, обнаруженные в макетах, говорят о том, что, овладев техническими навыками вёрстки, отдельные работники издательств имеют туманное представление о таком понятии, как культура издания.

Если оценивать вклад в победу на конкурсе издательских коллективов дальневосточных вузов, то надо отметить хорошую работу редакторов и дизайнеров Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивостокского филиала Российской таможенной академии, Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, Дальневосточного федерального университета, Тихоокеанского государственного медицинского университета.

На конкурсе 2015 г. были представлены интересные, разнообразные по тематике издания: Бреславец Т.И. Огненная трава. Творческие портреты японских писательниц; Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность; Ким Г.Н., Ким И.Н., Сафронова Т.М., Мегеда Е.В. Сенсорный анализ продуктов переработки рыбы и беспозвоночных; Мельникова Л.А., Карабанова С.Ф., Коноплёва Н.А. Татуировка как социокультурный маркер молодёжных субкультур города Владивостока (конец XX – начало XXI вв.); Краснов М.В., Краснов В.М. Питание здорового и больного ребенка раннего возраста; Пролубников А.В. Криптографические средства защиты информации в сетях; Очирова В.М. Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества; Еремин Е.Н., Бургонова О.Ю., Шустер Я.Б. Защита трубопроводов от коррозии; Хамраева Е.А. Русский язык для детей-билингвов; Лебедько Е.Я. Молозиво. Colostrum; Мальцев В.Н., Пашков Е.П. Медицинская микробиология и иммунология; Закутнова В.И., Пилипенко Т.А. Мониторинг лишайников дельты Волги. И это ещё раз говорит о том, насколько интересно заниматься наукой в нашей огромной стране.

**Специальные дипломы, награды и подарки
Пятого Дальневосточного регионального конкурса
«Университетская книга–2015»**

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛИАЛ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Кроме традиционных дипломов и грамот жюри Дальневосточного конкурса учредило с 2011 г. специальную номинацию «Русский мир тихоокеанской России», и с тех пор специальные награды от Дальневосточного филиала фонда «Русский мир» вручает директор ДВ филиала А.Н. Зубрицкий. В 2015 г. призы получили авторы следующих изданий:

1. Ветераны Великой Отечественной войны Дальневосточного федерального университета: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. С.В. Иванец; сост.: В.В. Бураков, А.В. Мочалов, С.В. Куличков, М.А. Струлев, Д.А. Зюлькарнеев, Р.С. Федюк, П.Г. Козлов, Л.И. Чуб, В.М. Акуленко, О.П. Федирко. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2015.

2. По Земле Тысячи островов. Курильская экспедиция 1946 года / Архив. агентство Сахалин. обл., Гос. ист. архив Сахалин. обл.; Примор. краев. отделение Всерос. обществ. орг. «Рус. географ. об-во» – Об-во изучения Амур. края; редкол.: Л.В. Драгунова и др.; сост. П.Ф. Бровко и др.; авт. текста М.В. Гридяева; науч. конс.: Д.Н. Козлов, И.А. Самарин. – Калининград : Аксиос, 2015

3. Обертас О.Г., Хисамутдинов А.А. Каменные лики: маскароны Владивостока : иллюстрированная монография. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015.

4. Лю Бо. Приятно говорим по-русски и изучаем русскую культуру : пособие для изучающих русский и китайский языки. – Далянь : Изд-во Даляньского политехнического университета, 2015. (КНР, г. Далянь, факультет русского языка Института иностранных языков Даляньского политехнического университета).

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
(председатель ДВРУМЦ С.В. Иванец)**

Зам. председателя ДВРУМЦ А.А. Фаткулин вручил дипломы авторам изданий:

1. Алексеева Н.Н., Андреева Е.И., Глухоманова А.А., Соловьева Л.П. Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности : учебное пособие. – Владивосток : РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2014.

2. Дементьева Н.В., Исакова Т.С. Технология продуктов из мяса птицы : учебное пособие. – Владивосток : Дальрыбвтуз, 2014.
3. Демин В.В., Половцев И.Г., Симонова Г.В. Оптические измерения : учебное пособие. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014.
4. Зайдес С.А. Сварные металлоконструкции: повреждения и разрушения : учебное пособие. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2015.
5. Моница Н.П. Теория культуры : учебное пособие. – Омск : Издательство ОмГУ, 2015
6. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Кравченко А.Г. Основы национальной безопасности: учебное пособие. – М. : Инфра-М, РИОР, 2016.
7. Сергеев А.Ю. Заземление на горных предприятиях. Учебный фильм : мультимедийное учебное издание. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2015.
8. Табакаева О.В., Каленик Т.К., Лях В.А. Биотехнология рациональной переработки вторичного молочного сырья : учебное пособие. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал.ун-та, 2014.
9. Чупров А.Г. Инженерное обеспечение строительства. Курс лекций : мультимедийное учебное издание. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2015.
10. Шумилова Л.В. Основы металлургии : учебное пособие. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2013.

ПРИЗ ЧИТАТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ

(учредила в 2013 г. и вручает
председатель жюри конкурса Т.Л. Федотова)

По результатам проведённого анкетирования (в нём участвовали преимущественно студенты-издатели ДВФУ) награждаются:

1. Криволапов Ю.А. Биопсии костного мозга : научно-практическое издание. – М. : Практическая медицина, 2014.
2. По Земле Тысячи островов. Курильская экспедиция 1946 года / Архив. агентство Сахалин. обл., Гос. ист. архив Сахалин. обл.; Примор. краев. отд-ние Всерос. обществ. орг. «Рус. географ. об-во» – Об-во изучения Амур. края; редкол.: Л.В. Драгунова и др.; сост. П.Ф. Бровко и др.; авт. текста М.В. Гридяева; науч. конс.: Д.Н. Козлов, И.А. Самарин. – Калининград : Аксиос, 2015.

В 2015 г. Дальневосточный региональный конкурс изданий высших учебных заведений «Университетская книга» отметил свой первый юбилей. И на торжественной церемонии награждения директор конкурсных проектов журнала «Университетская книга», профессор МГУП Е.П. Шеметова вручила дипломы и грамоты за организацию и проведение Дальневосточ-

ного регионального конкурса: Дальневосточному федеральному университету (ректор С.В. Иванец); Научной библиотеке ДВФУ (директор Г.Г. Глотова); Дирекции публикационной деятельности ДВФУ (директор А.О. Рыбьянская, член оргкомитета ДВ конкурса 2015 г.; главный специалист С.А. Прудкогляд, член жюри 2015 г.); Федотовой Т.Л., зав. редакцией Издательского дома ДВФУ до 2014 г., редактору журнала «АТР», председателю жюри ДВ конкурса 2007–2015 гг.; Стрикаускас Л.Е., директору РИАЦ ВГУЭС, члену жюри 2007–2015 гг.; Ломакиной Т.В., начальнику РИО ДВГТРУ, члену жюри 2009–2015 гг., Полушину О.Г., к.м.н., доценту ТГМУ, главному редактору Издательства «Медицина-ДВ», члену жюри 2007–2013 гг.; Прудкогляд Т.В., к.и.н., профессору ШГН ДВФУ, директору Издательского дома ДВФУ до 2014 г., члену оргкомитета ДВ конкурса 2007–2013 гг.; Еланцевой О.П., д.и.н., профессору ШГН ДВФУ, члену оргкомитета 2007–2009 гг.

И в завершение торжественной церемонии директор конкурсных проектов Е.П. Шеметова вручила главным организаторам конкурса его символ – хрустальное яблоко. А Научная библиотека ДВФУ получила в подарок от журнала «Университетская книга» замечательную серию книг.

*Федотова Татьяна Леонидовна,
председатель жюри конкурса,
действительный член Русского
географического общества*

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт, директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, проректор ДВФУ, директор Юридической школы ДВФУ, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета, ShinIL Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг, декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен, профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vice President of Far Eastern Federal University, Director & Dean, School of Law, FEFU, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

**2015
№ 4**

Главный редактор

В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск

В.В. Короченцев

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С. А. Стогний*

Подписано в печать 29.12.2015.

Формат 70x100 1/16. Уч.-изд. л. 9,65. Усл. печ. л. 11,45.

Тираж 500 экз. Заказ 575.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10